

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1910.

№ 22.

НОЯБРЬ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Римскокатолическій модернизмъ. (Окончаніе). **Проф. В. Керенскаго** . . . . . 425—436
- Изъ исторіи пропаганды католичества въ Россіи. (Окончаніе). **А. Н. Александрова** . . . . . 437—454
- Р. Эйкенъ. Смысль и цѣнность жизни. (Прод.). **М. Т—ва**. 455—478
- Современная теософія въ Россіи. (Продолженіе). **Р.** . . . 479—498
- „Анфиса“. Леон. Андреева. (Окончаніе). **П. Нечаева** . . . 499—530

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія въ теченіе 1911 года.—Журналы очереднаго съѣзда уполномоченныхъ отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа 21 сентября 1910 г.—Отъ Государственнаго банка объявленіе.—Объявленіе отъ Экзаменационной коммисіи при Харьковской духовной семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Рѣчь Депутата отъ Харьковской губ. *Прот. Алексѣя Станиславскаго*.—Свѣтлой памяти Императора Александра III—Царя Миротворца и великаго молитвенника земли русской о. Іоанна Сергіева-Кронштадтскаго. (Продолженіе). *Свящ. Н. Загоровскаго*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—Стр. 531—574.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.

1910.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1909 г. за 8 руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Объ изданіи журнала

„Вѣра и Разумъ“

въ 1911 году.

Съ благословенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, журналъ „Вѣра и Разумъ“ вступаетъ въ XXVIII-ю годовщину своего существованія по прежней программѣ и съ прежнимъ научно-апологетическимъ богословско-философскимъ направленіемъ. Призванный служить подъ знаменемъ православія, патріотизма и русской народности, онъ останется вѣрнымъ своему направленію и въ 1911 году.

Сохраняя это направленіе, журналъ по прежнему будетъ заключать въ себѣ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Поэтому въ него войдетъ все относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канонѳвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Въ противодѣйствіе всюду проникающему рационализму и не вѣрью журналъ „Вѣра и Разумъ“ ставитъ задачею раскрывать и отстаивать непререкаемую истинность Христовой вѣры, хранимой въ Церкви православной.

Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ, по прежнему, будутъ помѣщаться изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи; также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени; болѣе или менѣе пространные переводы ихъ сочиненій и извлеченія изъ нихъ съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ; особенно свѣтлыя мысли философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чело вѣрка и всегда составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей какъ языческаго, такъ и христіанскаго міра.

Наконецъ, такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія по Харьковской Епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ *семь рублей* съ пересылкой. *Весь чистый доходъ поступаетъ* согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу *Общества вспомоцествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.*

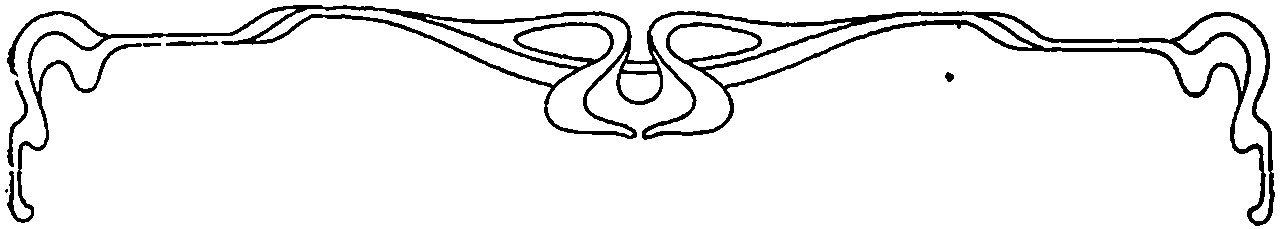
Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 30 Ноября 1910 года.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

РИМСКОКАТОЛИЧЕСКІЙ МОДЕРНИЗМЪ.

(Его происхожденіе, сущность и значеніе).

(Окончаніе) *).

III.

Значеніе модернизма.

Излагая свою вѣроисповѣдную систему въ вышензложенномъ видѣ, модернисты заявляли и заявляютъ, что они являются истыми сынами католической церкви, подчиняющимся тому авторитету, который долженъ существовать и существуетъ въ христіанствѣ со времени апостоловъ. Если и произошло осужденіе модернистовъ римскими епископами какъ враговъ церкви, то это произошло, по ихъ мнѣнію, исключительно оттого, что предъ римскими первосвященниками модернисты были представлены въ ложномъ свѣтѣ, что если бы папы понимали истинныя задачи модернизма, то они не только бы не осудили, но напротивъ съ симпатіями относились бы къ модернизму какъ движенію, могущему и долженствующему принести церкви великія духовныя блага.

Главнѣйшимъ изъ этихъ духовныхъ благъ, доставляемыхъ церкви модернистами, по ихъ мнѣнію, является то, что они стараются примирить церковь и государство въ интересахъ самой церкви. „Мы стремимся, пишетъ одинъ изъ представителей модернизма, приблизиться къ настоящему вѣку, говорить его языкомъ, чтобы человѣчество почувствовало существующую связь между современными идеями и

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 21 за 1910 г.

взглядами католицизма“¹⁾. Стоя на подобнаго рода почвѣ въ отношеніи къ церкви и современному обществу, модернисты находятъ, что церковь не можетъ далѣе опираться на тѣхъ основахъ, которыя поставлены въ средніе вѣка и санкціонированы на Тридентскомъ соборѣ, не можетъ потому, что церковь въ настоящее время находится совершенно въ иныхъ условіяхъ, созданныхъ измѣненіемъ прежнихъ умственныхъ, моральныхъ и политическихъ убѣжденій общества. Невольно такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли модернисты являются такими благодѣтелями для церкви, какими они представляютъ себя, при томъ дѣйствующими въ согласіи съ началами истиннаго христіанства, какъ они заявляютъ. Обращаясь за рѣшеніемъ этихъ вопросовъ прежде всего къ западно—богословской литературѣ, не находимъ здѣсь болѣе или менѣе опредѣленныхъ взглядовъ на модернистическое движеніе. Одни находятъ, что модернисты въ своихъ богословско-религіозныхъ воззрѣніяхъ стоятъ на почвѣ истиннаго христіанства и могутъ быть считаемы чуть ли не спасителями римскаго католицизма отъ внѣшняго и внутренняго разложенія. Конечно такого рода взгляды высказываютъ на модернистовъ преимущественно протестантскіе ученые. Другіе напротивъ видятъ въ модернистахъ одну изъ отраслей протестантскаго раціонализма, удержавшую лишь нѣкоторые элементы изъ римскаго католицизма, и потому признаютъ модернизмъ опаснѣйшимъ для христіанства религіознымъ движеніемъ. Такого взгляда придерживались и придерживаются главнымъ образомъ римскокатолическіе писатели, трактовавшіе и трактующіе о немъ.

Что касается русской богословской литературы, то въ ней модернизмъ какъ религіозное движеніе почти еще совсѣмъ не обслѣдованъ. Изъ всѣхъ русскихъ богослововъ едва ли не одинъ (г. Троицкій) сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о модернизмѣ и его развитіи, при чемъ пришелъ къ тому заключенію, что это движеніе представляетъ изъ себя настолько симпатичное религіозное движеніе, что можетъ быть поставлено выше извѣстнаго старокатолическаго движенія и что даже можно говорить о соединеніи модернистскаго движенія съ

---

1). Le P. Maumus Op. cit. Pg, 9—12.

православною церковью ¹⁾. Мнѣ кажется, что подобнаго рода взглядъ основывается на не совсѣмъ основательномъ знакомствѣ съ модернизмомъ какъ религіознымъ движеніемъ. Мы уже видѣли изъ всей предыдущей исторіи модернизма, что движеніе это сложилось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ сильнѣйшей современной протестантской школы, такъ называемаго ричліанскаго богословія во главѣ съ А. Ричлемъ, А. Гарнакомъ, Кафтаномъ и другими. Близость эта сказывается почти на всѣхъ основныхъ богословскихъ воззрѣніяхъ представителей модернизма. Такъ ричлисты сущность религіи вообще, христіанской религіи въ частности сводятъ къ Werturtheilen—къ сужденіямъ цѣнности, выражающимся въ практическомъ переживаніи человѣка религіознаго настроенія и потому въ содержаніи религіи ослабляютъ значеніе элемента теоретическаго. Представители модернизма точно также, какъ мы уже видѣли, сущность всякой религіи, христіанской въ частности, сводятъ къ практической сторонѣ человѣческаго духа, и потому точно также въ значительной мѣрѣ отодвигаютъ на задній планъ значеніе теоретическаго элемента въ христіанствѣ. Представители ричліанства признаютъ, что догматическая сторона христіанской религіи появилась на почвѣ столкновенія двухъ элементовъ—собственно христіанскаго и языческо-філософскаго и въ частности на почвѣ борьбы двухъ главныхъ философскихъ школъ язычества—Платоновской и Аристотелевской. Представители модернизма точно также признаютъ, что христіанскій догматъ возникъ на почвѣ соединенія двухъ элементовъ—еврейскаго и языческо-філософскаго. Все отличіе ихъ отъ представителей ричліанства заключается лишь въ томъ, что они не раскрываютъ изложеннаго взгляда съ тою рѣшительностью, какая присуща воззрѣніямъ ричліанства. Представители ричліанства, исходя изъ указаннаго взгляда на сущность христіанскаго догмата, само собою понятно, признаютъ постепенную градацію въ развитіи его, какъ переходящаго изъ состоянія неопредѣленнаго и неразвитаго въ состояніе болѣе опредѣленное и развитое. Представители модернизма также признаютъ, что христіанскій догматъ какъ величина естественно историческая можетъ развиваться, по-

¹⁾ Странникъ. 1908. № 5. С. Троицкіѣ. Соединеніе церквей и модернизмъ, стр. 912—540.

лучая съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе совершенную форму.

Представители ричліанства, исходя изъ указаннаго взгляда на христіанскій догматъ, отрицаютъ сверхъестественный характеръ христіанскаго откровенія, признавая перво-документы послѣдпяго естественно-человѣческими произведеніями; представители модернизма, хотя прямо не отрицаютъ сверхъестественнаго происхожденія и характера перво-документовъ христіанскаго откровенія, однако относятся къ нимъ съ тою же безцеремонностью, какая характеризуетъ отношенія къ послѣднимъ и представителей ричліанства. Касаясь частныхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія, представители ричліанства отрицаютъ сверхъестественный характеръ послѣднихъ, признавая ихъ продуктомъ естественнаго человѣческаго умственнаго развитія. Въ частности такой характеръ представители ричліанства признаютъ прежде всего за христіанскимъ ученіемъ о церкви. По ихъ мнѣнію, это ученіе съ отдѣльными пунктами образовалось постепенно подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ въ своей исторіи жило христіанское общество.

Представители модернизма, какъ мы уже видѣли, также признаютъ то положеніе, что христіанское ученіе о церкви, включая даже главнѣйшій частный пунктъ его—ученіе о папскомъ главенствѣ—возросло на почвѣ чисто естественныхъ условій, которыми была обставлена жизнь церкви.

Представители ричліанства далѣе отрицаютъ непосредственно сверхъестественный характеръ за ученіемъ о Лицѣ І. Христа какъ Богочеловѣка, признавая, будто указанное ученіе появилось какъ компромиссъ двухъ философскихъ школъ аристотелевской и платоновской, изъ коихъ на почвѣ основоначаль первой утверждалось Божеское достоинство за личностью Спасителя, на почвѣ основоначаль второй человѣческое достоинство за личностью того же Спасителя. Представители модернизма также признаютъ, что ученіе о Божескомъ достоинствѣ І. Христа не имѣетъ прочныхъ основаній въ христіанскомъ откровеніи, что это ученіе сложилось и развилось подъ вліяніемъ главнымъ образомъ идей платоновской философіи.

Исходя изъ подобнаго рода точки зрѣнія на Личность Богочеловѣка, представители ричліанства вполне естестве-

но отрицають сверхъестественный характеръ за многими событіями изъ жизни Богочеловѣка, напр. за Его безсѣмнымъ рожденіемъ, воскресеніемъ изъ мертвыхъ, вознесеніемъ на небеса и проч. Къ тому же взгляду, какъ мы видѣли, приближаются и представители модернизма, доказывая, будто сверхъестественное рожденіе, воскресеніе и вознесеніе І. Христа представляютъ изъ себя исключительно объекты вѣры, но не научнаго знанія и потому ни утверждать, ни отрицать историческій характеръ за указанными событіями изъ жизни І. Христа невозможно. И наконецъ представители ричліанства отрицають строго христіанскій смыслъ и за другими—частными пунктами христіанскаго откровенія, напр. видятъ въ первородномъ грѣхѣ одно лишь отдаленіе челоуѣка отъ Бога, въ оправданіи—приближеніе челоуѣка къ Богу, отрицають седмичное число таинствъ и проч. Тоже самое находимъ и у представителей модернизма. И они если не отрицають, то во всякомъ случаѣ существенно ослабляютъ древне-христіанское ученіе о грѣхѣ первородномъ, видя въ немъ лишь неповиновеніе челоуѣка обитающему въ немъ внутреннему голосу, въ оправданіи—слѣдованіе требованіямъ того же голоса и проч.

Правда въ томъ же модернизмѣ не находимъ такого рѣшительнаго отрицанія нѣкоторыхъ изъ указанныхъ частныхъ пунктовъ общехристіанскаго вѣроученія, но общій характеръ отношеній къ тому же вѣроученію сохраняется тотъ же самый, что и въ ричліанствѣ. Вполнѣ естественнымъ по этому является то обстоятельство, что модернизмъ во всѣхъ вышеизложенныхъ основныхъ взглядахъ на христіанство раздѣляетъ тѣ же недостатки, которые присущи и ричліанскимъ воззрѣніямъ. Вполнѣ несправедливо онъ всю сущность христіанства какъ религіи сводитъ только къ практической сторонѣ челоуѣческаго духа, опускаая изъ вниманія то обстоятельство, что то или иное пониманіе практическаго идеала и проведеніе его въ жизнь находятся въ полной зависимости отъ того или иного теоретическаго ученія религіознаго. Потому то напр. практическія идеалы жизнедѣятельности въ язычествѣ, входящіе въ содержаніе послѣдняго какъ религіи, далеко не тождественны съ таковымъ же идеаломъ христіанства, потому что теоретическое ученіе того и другого радикально различны. Потому то практиче-

скіе идеалы даже отдѣльныхъ изъ христіанскихъ исповѣданій далеко, не похожи другъ на друга и это опять потому, что то или иное пониманіе этихъ идеаловъ въ каждомъ изъ христіанскихъ исповѣданій зависитъ отъ своеобразнаго теоретическаго ученія о Богѣ, Его существѣ, свойствахъ и проч.

Нельзя согласиться и съ модернистскимъ взглядомъ на догматическую сторону христіанской религіи, какъ возросшую на почвѣ греческой философіи. Неправильность подобнаго взгляда очевидна уже изъ одного того, что сама греческая религія, которая имѣла тѣсную связь съ греческой философіей, не выработала строго опредѣленной догматико-теоретической системы, что несомнѣнно случилось бы, если бы греческая философія обладала данными для выработки догматической стороны. Съ другой стороны и самая исторія первоначальнаго христіанства ясно свидѣтельствуетъ противъ указаннаго взгляда модернистовъ. Изъ ея свидѣтельствъ легко видѣть, что отцы и учителя древней церкви, пользовавшіеся данными греческой философіи, всегда пользовались ими въ строгомъ соотвѣтствіи съ христіанскимъ откровеніемъ и главнымъ образомъ заимствовали изъ греческой философіи лишь выработанную въ этой философіи подходящую терминологію. Нельзя согласиться съ утверждаемой модернистами идеей развитія христіанскаго вѣроученія какъ несовершеннаго въ первичной своей формѣ и потому требующаго совершенствованія, въ смыслѣ пополненія его содержанія. Подобнаго рода взглядъ противорѣчитъ воззрѣніямъ и самого Господа на Свою мессіанскую дѣятельность, какъ обнявшую собою все необходимое для спасенія человѣчества (Іоан. XVI, 26; Мѣ. XXVIII, 19—20) и Его апостоловъ, какъ увѣщавшихъ всѣхъ христіанъ не расширять преподаваемаго ими ученія, а только хранить это послѣднее въ неповрежденности (Дѣян. XX, 27; Іуд. I, 3; 2 Іоан. 9 и др.) Тим. VI, 20; 2 Тим. II, 2; Гал. I, 8—9) и оо. и учителей древней церкви, если и признававшихъ развитіе христіанскаго вѣроученія, то исключительно въ смыслѣ уясненія его, (ап. Варнава, Иринеи Ліонскій, Оригенъ, Тертуліанъ и др.)¹⁾ и вселенскихъ соборовъ (напр. VI и VII всел. соб.), точно также задачу своей догматико-теоретической дѣятельности поставившихъ лишь въ возстаповленіи Христова ученія въ его первичной чистотѣ,

¹⁾ Dorholt. Ueber die Entwicklung des Dogma. S. 14—15.

поколебленной еретиками¹⁾. Не согласуется утверждаемая модернистами идея развитія христіанскаго ученія и съ самою сущностью послѣдняго, ибо вѣроученіе христіанское есть ученіе, преподанное человѣчеству Самимъ Богомъ и какъ таковое слѣдовательно должно содержать и содержать въ себѣ все необходимое для спасенія человѣчества и долженствующее въ силу того остаться неповрежденнымъ и неизмѣняемымъ во всѣ періоды исторической жизни человѣчества.

Нельзя признать правильнымъ и взглядъ представителей модернизма на сущность христіанскаго откровенія, по которому это послѣднее, какъ мы видѣли, низводится на степень чисто естественнаго откровенія, и по которому утверждается отношеніе къ послѣднему какъ къ естественному человѣческому памятнику. Противъ справедливости подобнаго взгляда на христіанское откровеніе говорятъ и сами органы откровенія преяже всего ветхозавѣтнаго, поскольку они свидѣтельствуютъ о томъ, что проповѣдуемое ими ученіе раскрывается подъ непосредственнымъ вліяніемъ Св. Духа (Исх. XX—XXIII; XXV—XXXI, XXXIV; 2 Цар. XXIII, 2; Пс. LIX, 7; LXXX, 9—11; Ис. VIII, 1, 5, 11; Иерем. I, 4; II, 1, III, 6; VII, 1; Іезек. VI, 1; 2 Тим. III, 15—16; 2 Петр. I, 19—21). О томъ же говорятъ и органы новозавѣтнаго откровенія, поскольку апостолы свидѣтельствуютъ о томъ, что они дѣйствуютъ въ Своей проповѣди подъ водительствомъ Св. Духа (Іоан. XIV, 16—18, 26; XVI, 13—15; Дѣян. I, 8; Ефес. III, 3—5; Гал. I, 8, 11—12; 1 Кор. II, 7—8).

Потому то органы какъ ветхозавѣтнаго, такъ и новозавѣтнаго откровенія рѣзко отличаютъ свою проповѣдь отъ откровенія естественнаго. (1 Тес. II, 13; 1 Кор. II, 4).

Нельзя признать правильнымъ и ученіе модернистовъ относительно церкви, т. е. что это ученіе образовалось въ христіанствѣ постепенно по мѣрѣ внѣшняго устроенія церковнаго, что въ первоначальной церкви не было даже раздѣленія между степенями іерархіи, что если это раздѣленіе и возникло, то лишь въ послѣдующее время, что папская власть съ ея абсолютнистическими правами образовалась постепенно и проч. Если въ указанныхъ сужденіяхъ предста-

¹⁾ См. подробнѣе у профес. Н. Я. Бѣляева. О католизмѣ. Стр. 46—48.

вителей модернизма и есть доля правды, то развѣ только въ ихъ сужденіяхъ относительно папской власти, т. е. что эта власть образовалась постепенно; что же касается другихъ пунктовъ ученія модернистовъ по данному вопросу, что они должны быть признаны безусловно ложными. Правда въ первичномъ христіанствѣ ученіе о церкви не имѣло такой развитой формы, какую оно получило въ послѣдующее время, тѣмъ не менѣе основанія для всего послѣдующаго христіанскаго ученія о церкви были заложены Христомъ и его апостолами. И самъ Христосъ и Его апостолы утвердили особое іерархическое служеніе какъ отличное отъ пасомыхъ служеніе, отличали три степени церковной іерархіи—епископскую, пресвитерскую и діаконскую, какъ особыя по своимъ правамъ степени и проч. (Марк. III, 13—15; VI, 12—13; Мѡ. X, 1, 5, 8; Лк. X, 1—16; Іоан. IV, 1—3; VI, 71; XVII, 18; Лк. VIII, 10; XII, 4; Гал. I, 1; Евр. V, 1, 4; 1 Кор. III, 9, IV, 1; Ефес. IV, 12; Тит. 1, 5, 1 Тим. V, 22; III, 8—10, 12; Дѣян. VI).

Конечно нельзя считать правильнымъ и ученіе модернистовъ относительно Лица І. Христа, т. е. будто Онъ самъ не усвоилъ Себѣ божескаго достоинства, будто ученіе по данному вопросу сложилось и развилось въ христіанской церкви подъ вліяніемъ идей эллинистической философіи. Подобнаго рода утвержденіе явно противорѣчитъ свидѣтельствамъ христіанскаго откровенія, поскольку оно ясно говоритъ о томъ, что и Самъ Христосъ признавалъ Себя тождественнымъ по природѣ и достоинству съ Богомъ Отцемъ, что и апостолы такъ же учили о природѣ и достоинствѣ І. Христа. Вліяніе греческой философіи на христіанство въ данной области проявилось развѣ лишь въ томъ, что христіанское богословіе заимствовало и пользовалось греческой научной терминологіей: *ὁμοούσιος* и пр. Опускаемъ другія частныя богословскія воззрѣнія модернистовъ въ виду ихъ явной близости къ протестантизму и въ виду того, что они не получили здѣсь должнаго развитія.

Признавая по всѣмъ указаннымъ пунктамъ за модернизмомъ лишь отрицательное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать и то, что въ немъ, какъ религіозномъ движеніи, существуютъ и стороны, имѣющія положительное значеніе. Главнѣйшею изъ этихъ положительныхъ сторонъ

въ модернизмѣ является то, что онъ стремится болѣе или менѣе правильно рѣшить вопросъ о взаимоотношеніи между сферами—религіозно-церковной и гражданско-политической въ римскокатолической церкви. Церковь эта при рѣшеніи указаннаго вопроса несомнѣнно отражаетъ на себѣ слѣды вліянія языческо-римскихъ воззрѣній на римскихъ императоровъ, соотвѣтственно усвоенному имъ титулу pontifex maximus сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ высшія права какъ гражданскія, такъ и церковныя. Къ тому же съ древнихъ временъ стремились и римскіе епископы. Исходя изъ того положенія, что по идеѣ Божественнаго міроуправленія должна существовать въ мірѣ церковная монархія съ римскимъ первосвященникомъ, совмѣщающимъ въ своихъ рукахъ высшую—какъ церковную, такъ и гражданскую власть, римскокатолическая церковь вмѣстѣ съ тѣмъ съ древнѣйшихъ временъ старалась усвоить римскимъ епископамъ верховныя права главенства какъ надъ всѣми помѣстными церквами христіанскаго міра, такъ и надъ всѣми государствами земного шара.

Въ періодъ среднихъ вѣковъ эти абсолюстическія притязанія римскихъ первосвященниковъ нашли для себя полное осуществленіе. Римскіе епископы въ эту эпоху по своему усмотрѣнію руководили не только церковною, но и гражданскою жизнью западныхъ государствъ, въ частности низвергали съ троновъ неугодныхъ имъ свѣтскихъ государей, сажали на тѣ же троны лицъ, чѣмъ либо угодившихъ имъ и проч. Съ XIV вѣка начинается сильный упадокъ папства какъ въ церковной, такъ и тѣмъ болѣе въ гражданской сферахъ. Съ этого времени римскіе первосвященники перестаютъ по своему усмотрѣнію распоряжаться тронами западныхъ государей и даже совсѣмъ теряютъ права свѣтскихъ государей запада. Вынужденные самою жизнью отказаться отъ практическаго пользованія указанными правами, римскіе первосвященники теоретически однакожъ не только не отказываются отъ этихъ правъ, усвоенныхъ имъ среднѣвѣковымъ ультрамонтанскимъ богословіемъ, но и санкціонируютъ принадлежность ихъ папскому трону, поскольку на Ватиканскомъ соборѣ 1870-го года утвердили въ качествѣ догмата папскую непогрѣшимость въ сферѣ не только *вѣры, но и нравственности*, изъ коихъ послѣдняя, само

собою понятно, обнимаетъ всѣ стороны гражданско-политической жизни. Вполнѣ естественнымъ поэтому является то обстоятельство, что римскіе первосвященники искони вторгались и доселѣ вторгаются во всѣ сферы не только церковной, но и даже гражданской жизни западныхъ государствъ, на что вполнѣ справедливо указывали и указываютъ представители модернизма. Прямымъ результатомъ этого ненормальнаго вторженія римскихъ владыкъ во всѣ сферы жизни западно-европейскихъ государствъ является возникновеніе въ средѣ послѣднихъ антагонизма къ римской церкви, сопровождающагося въ свою очередь возникновеніемъ въ различныхъ государствахъ запада такъ называемой культурной борьбы, влекущей за собою упадокъ въ этихъ государствахъ не только папскаго авторитета, но и вообще религіознаго духа въ обществѣ. Подобныя слѣдствія ненормальныхъ притязаній папства обнаруживаются въ настоящее время даже въ такихъ государствахъ, которые искони считались ультрамонтанскими, напр. Франція, Италія, Испанія и др. Представители модернизма, возставая противъ этихъ притязаній папства, противорѣчащихъ истинной идеѣ церкви Христовой, какъ „царства не отъ міра сего“, осуждаютъ слѣдовательно въ папствѣ то, что заслуживаетъ осужденія и этимъ, можетъ быть, дѣйствительно пролагаютъ путь къ примиренію папства съ современнымъ культурнымъ развитіемъ западнаго общества.

Положительное значеніе модернизма, какъ религіознаго движенія, далѣе состоитъ и въ томъ, что онъ вооружается противъ тѣхъ мѣръ, которыми римская церковь старалась и старается поддержать свой авторитетъ какъ религіознаго фактора въ средѣ западно-европейскихъ государствъ. Церковь эта, какъ извѣстно, въ разсматриваемомъ отношеніи не обнаруживала особенной разборчивости. Съ древнихъ временъ она прибѣгала для утвержденія своего авторитета къ такимъ средствамъ, которыя никоимъ образомъ несогласны съ духомъ христіанства, какъ религіи духа и любви, напр. инквизици, сожженіямъ на кострахъ, пыткамъ и проч. Въ настоящее время представители римской церкви конечно не въ состояніи прибѣгнуть ко всѣмъ подобнаго рода мѣрамъ. Но что нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ, клонящіяся къ полному порабощенію свободы человѣческаго духа, сущест-

вуютъ и доселѣ въ римской церкви, это—фактъ несомнѣнный, справедливо отмѣченный представителями модернизма. Достаточно напр. указать на то, что римско-католическая церковь и доселѣ слишкомъ часто прибѣгаетъ къ такому экстраординарному средству, употреблявшемуся въ древней церкви въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, какъ отлученіе отъ церкви и при томъ по отношенію къ лицамъ, высказывающимъ вполне справедливыя сомнѣнія въ такихъ истинахъ, содержащихся римскою церковью, которыя не имѣютъ твердыхъ основаній въ христіанскомъ откровеніи, какъ догматъ о папскомъ главенствѣ и проч. И доселѣ въ римскокатолической церкви существуетъ такой институтъ, какъ *index librorum prohibitorum*, въ который попадаютъ очень часто выдающіяся произведенія человѣческаго ума и по своему истинно-христіанскому направленію, и по своему строго-научному характеру, и это лишь потому, что эти произведенія нѣсколько уклоняются отъ санкціонированныхъ римскою куріей богословскихъ теорій. Этимъ объясняется то обстоятельство, что римскокатолическая богословская наука слишкомъ мало прогрессируетъ въ своемъ развитіи, повторяя лишь то, что было выработано средневѣковой схоластикой. Модернизмъ, возставая противъ всѣхъ подобнаго рода мѣръ и средствъ, существующихъ въ римскокатолической церкви, этимъ пролагаетъ путь къ приминенію римскаго католицизма съ культурнымъ развитіемъ западнаго общества.

И наконецъ положительное значеніе модернизма какъ религіознаго движенія состоитъ и въ томъ, что онъ стремится освободить римско-католическую церковь отъ тѣхъ вѣроисповѣдныхъ пунктовъ, которые несомнѣнно противорѣчатъ истинно-Христову ученію, и которые несомнѣнно возникли въ этой церкви какъ результатъ ненормальнаго направленія, укоренившагося въ ней. Главнѣйшимъ изъ этихъ вѣроисповѣдныхъ пунктовъ, укоренившихся въ римскокатолической церкви, какъ извѣстно является догматъ о папскомъ главенствѣ. Преимущественно противъ этого догмата и возстаютъ представители западнаго модернизма. Въ виду того, что этотъ догматъ является корнемъ, на коемъ возрасли другія ложныя ученія, присущія римскокатолической вѣроисповѣдной системѣ, нельзя не сочувствовать съ

православной точки зрѣнія усилямъ западныхъ модернистовъ подорвать въ римскокатолическомъ мірѣ вѣру въ состоятельность этого догмата. Своею дѣятельностью подобнаго рода они несомнѣнно оказываютъ важную услугу западно-христіанскому міру.

Вотъ тѣ отрицательныя и положительныя стороны западнаго модернизма какъ религіознаго движенія. Не скрывая этихъ сторонъ, нельзя высказать въ настоящее время ни рѣшительнаго осужденія, ни рѣшительнаго одобренія этому новому религіозному движенію въ западно-христіанскомъ мірѣ, доколѣ болѣе или менѣе не выяснятся его вѣроисповѣдныя взгляды.

Проф. В. л. Керенскій.

30-е Сентября 1910-го года.

Изъ исторіи пропаганды католи- чества въ Россіи.

(Окончаніе) *).

Во второй части своей „Политики“ Крижаничъ ведетъ читателя къ уніи путемъ какъ мы говорили разсмотрѣнія дѣла по существу.

Крижаничъ рассуждаетъ, что въ жизни народа, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, есть свои ступени развитія. Движеніе народа по этимъ ступенямъ сопровождается грѣхами, заблужденіями и, наконецъ, ересями, вытекающими изъ похотѣнія, нравственной злобы и незнанія. А такъ какъ народъ живетъ жизнью религіозною и мірскою, то и ереси бываютъ духовными и политическими, т. е. „ложными, объясняетъ Крижаничъ, и тщетными въ народныхъ дѣлахъ думами“.

Обращаясь затѣмъ къ народу русскому, Крижаничъ, къ огорченію своему находитъ, что онъ въ своемъ поступательномъ развитіи попалъ въ полосу увлеченія именно „ложными и тщетными въ народныхъ дѣлахъ думами“, иначе говоря—въ полосу увлеченія политическими и духовными ересями. Произошло это, думаетъ Крижаничъ, благодаря вліянію на русскій народъ нѣмцевъ и грековъ, на которыхъ Крижаничъ и обрушивается затѣмъ со всеѣмъ пыломъ своего негодованія.

„Эти два народа, пишетъ между прочимъ Крижаничъ, хотя во многомъ между собою противоположны, однако отлично согласуются другъ съ другомъ въ упомянутомъ пла-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 21 за 1910 годъ.

нѣ искушеній“ посредствомъ политическихъ и духовныхъ ересей „до того, что какъ будто сдѣлали клятвенный заговоръ на нашу гибель. Чтобы избѣжать этой гибели Крижаничъ рекомендуетъ признать возможнымъ созваніе новыхъ вселенскихъ соборовъ помимо бывшихъ семи, признаваемыхъ православною церковью. Вселенскіе соборы необходимы, чтобы осудить новоявленные ереси, какъ напр. лютеранство, кальвинизмъ, а также, чтобы поддерживать порядокъ въ церковной жизни. Греки думаютъ, пишетъ Крижаничъ, что „они могутъ соблюсти цѣлость вѣры и церковный миръ посредствомъ молчанія“. Но „не таковъ обычай церкви и отцовъ, не таково свойство св. Писанія. Богъ любить и хочетъ, чтобы мы трудились, чтобы постоянно были въ упражненіи“: Поэтому „отцы держали многіе спорныя разбирательства и соборы... и благочестивые императоры не молчаніемъ и притворствомъ, а трудомъ, „словообиліемъ, созываніемъ соборовъ подвигали они впередъ Божественное дѣло“. Такой взглядъ существуетъ и теперь въ католической церкви и она поэтому не обуреваема политическими и духовными ересями; относительно ея ни одинъ изъ соборовъ не постановилъ что либо въ ея осужденіе.

• Какъ же слѣдовательно виноваты греки, которые отдѣлились отъ этой неосужденной соборами церкви.

„Вездѣ, гдѣ только возможно христіанамъ общеніе, тамъ не позволительно отдѣленіе. Грекамъ относительно церкви римской было позволительно общеніе, даже, если оставить въ силѣ различіе ученія въ чинѣ объ исхожденіи Святаго Духа“. Если же они отдѣлились, то Фотій, виновникъ раздѣленія, „движимъ былъ къ этому не тѣмъ рвеніемъ, которое обычно святымъ отцамъ, а рвеніемъ фарисейскимъ“.

Греки мало того, что отдѣлились, пишетъ Крижаничъ, они продолжаютъ клеветать на Римскую церковь всякаго рода выдумками, которыя и передаютъ Славянамъ. „О Словенцы, Словенцы, восклицаетъ авторъ, обозримъ ея уже однажды: познаемо, каковъ товаръ намъ греки продаютъ, шутскія байки намъ удають вмѣсто истины и богословія“.

„Между римлянами и греками, какъ между двумя народами, продолжаетъ Крижаничъ, всегда было соперничество изъ за свѣтской власти (намекъ на борьбу Восточной и Западной Имперіи) и изъ за власти духовной (борьба

папъ съ патріархами). Пусть борятся эти народы, которымъ эти области (территоріи) отъ Бога даны“. Намъ же Славянамъ не зачѣмъ мѣшаться въ эту борьбу, такъ какъ глупо было бы думать, чтобы намъ могли достаться либо Римское царство, либо верховная въ Церкви область“. Это для насъ недостижимо и невозможно, пишетъ Крижаничъ. Пусть будетъ разоренное I. Хр. римское царство (имперія), гдѣ угодно, а церковное первенство или въ Римѣ или Царьградѣ. Мы не обязаны защищать чужія привеллегіи греческія или римскія, до которыхъ нѣтъ дѣла благочестію. „Аще ся патріархъ и папа препирають и скубуть п за брады водять для предкованья (первенства), мы для предкованья нѣсмо должны чинить раздора: нить заступать оныхъ кои чинять раздоръ“. Но мы должны примирить грековъ съ римлянами. Раздѣленіе началось изъ за болгаръ, отъ славянъ должна быть и инициатива къ примиренію. Греки дали намъ вѣру и привели на путь къ спасенію, а мы ихъ за это приведемъ „къ единости церковной“. И можетъ быть отъ Бога суждено, что греки, которые возносились своею мудростью и считали для себя ненужными творенія св. отцовъ западныхъ должны будутъ принять ученіе или только хорошій примѣръ, отъ послѣдняго въ мудрости словенскаго языка“. Отъ этого Богу будетъ должная слава. И царю государю будетъ бессмертная слава. И если народъ русскій не имѣлъ отношенія къ этому спору, то теперь будетъ имѣть.

До сихъ поръ онъ не былъ непосредственно виноватъ въ этомъ спорѣ, „а нынѣ есть виноватъ“.

Какимъ образомъ русскіе могутъ достигнуть примиренія грековъ съ латинянами? Не иначе какъ на вселенскомъ соборѣ. Такъ какъ по ученію православной церкви, какъ думалъ Крижаничъ, помимо бывшихъ уже семи вселенскихъ соборовъ, больше не должно быть, то Крижаничъ опять доказываетъ, что вселенскіе соборы не только могутъ быть, но и должны быть.—Для блага государства, пишетъ Крижаничъ, необходимо, чтобы Богъ не оскорблялся нашими грѣхами, за которыя можетъ постигнуть Его гнѣвъ. Самые тяжелые грѣхи—несознанныя“ какъ напр., ересь. Ибо всѣ еретики не сознавая своего грѣха, полагаютъ, что не трѣшати своимъ вѣроломствомъ, а очень хорошо поступаютъ. И что особенно печально, продолжаетъ онъ, это то, что, когда люди со-

вершаютъ грѣхи несознанные и считаютъ ихъ не за грѣхи, а за добродѣтели, тогда уже не остается никакой надежды покаянію. И потому преимущественно тогда ускоряется пришествіе общественныхъ бичей Божіихъ и всеобщаго народнаго опустошенія, дабы люди передумали и признали свою виновность и, наконецъ, чтобы сотворили покаяніе.

Въ виду того, что особенное наказаніе отъ Бога слѣдуетъ за ересь, то „потому цари должны быть на сторожѣ противу грѣховъ несознанныхъ“.

Бороться же съ этимъ зломъ нужно не замалчиваніемъ, какъ это дѣлаютъ греки, а обсужденіемъ на вселенскихъ соборахъ. Думать же, что „недозволительно церкви собирать соборы—есть нечестивая ересь“, говоритъ Крижаничъ. „Кто лишилъ церковь такой власти“, возмущенно восклицаетъ онъ. „Сыны вѣка сего научились такому богохульству у Магомета, ибо онъ первый постановилъ, яко бы недозволительно ничего подвергать спорному разбирательству, сужденію и собору. У діавола, врага рода человѣческаго, одинъ изъ его преимущественныхъ обмановъ состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы чрезъ посредство народовъ даровитыхъ и мудрыхъ завлекать въ обманъ другіе народы, менѣе образованные. Такъ въ древности онъ совращалъ остальные народы чрезъ грековъ, а нынѣ совращаетъ черезъ нѣмцевъ, изобрѣтателей новѣйшихъ ересей. Поэтому гибельнѣйшимъ образомъ заблуждаются тѣ, которые утверждаютъ, что всѣ ереси уже опредѣлены и обсуждены на соборахъ“.

Время вселеискихъ соборовъ, по словамъ Крижанича, слѣдовательно, еще не прошло. Ввиду существованія ересей, еще неосужденныхъ соборами, собраніе вселенскаго собора необходимо. Забота о соборѣ есть обязанность царя, который для избѣжанія гнѣва Божія долженъ блюсти въ своемъ государствѣ чистоту вѣры, ограждая подданныхъ отъ еретиковъ, въ особенности отъ нѣмцевъ, наводняющихъ міръ ересями.

На предполагаемомъ соборѣ путемъ преній выяснилась бы, надѣялся Крижаничъ, преимущественная законность церкви католической передъ другими исповѣданіями, прямымъ слѣдствіемъ чего явилось бы стремленіе къ униі со стороны неправомыслящихъ, въ томъ числѣ и православныхъ русскихъ и другихъ славянъ. Какъ въ первой

такъ и во второй половинѣ своей „Политики“ Крижаничъ приводитъ читателя такимъ образомъ къ одному и тому-же пункту—необходимости уніи съ Римомъ.

Въ „Политикѣ“ и затѣмъ въ другомъ, написанномъ въ скоромъ же времени послѣ нея сочиненіи „De providentia Dei“¹⁾, Крижаничъ развивалъ свои политическіе идеалы въ связи съ задачами своей миссіи. Во имя этой миссіи, умалчивая о своихъ тайныхъ планахъ, онъ всячески старался заинтересовать собою въ Москвѣ, чтобы его вернули въ нее, какъ человѣка нужнаго. Ему хотѣлось снова стать на томъ пути, съ котораго его сбросила судьба. Но попытки Крижанича не привели ни къ чему, и онъ продолжалъ сидѣть въ своей Сибирской „вузѣ“. У него уже начинала гаснуть надежда на возможность осуществленія его миссіи по созданному имъ сложному плану привлеченія „москвитовъ“ къ уніи, и онъ теперь обращается къ тому способу воздѣйствія на „схизматиковъ“, какой ему указалъ опытъ во время пребыванія его въ Польшѣ, именно путемъ богословско-политическихъ трактатовъ. Но писать прямо противъ православія, при его условіяхъ существованія, ему было невозможно. Тогда Крижаничъ сталъ пользоваться случайными обстоятельствами, по поводу которыхъ пишетъ трактаты, пропогандируя въ нихъ и идеи католичества.

Такимъ поводомъ для Крижанича послужило частое обращеніе къ нему нѣкоторыхъ жителей Тобольска съ предложеніемъ креститься, а также соборъ 1667 года въ Москвѣ, на которомъ, между прочимъ, долженъ былъ обсуждаться вопросъ и о томъ, какимъ способомъ присоединять желающихъ перейти изъ католичества въ православіе. Практика Московской церкви, нужно замѣтить, установила для этого обязательнымъ перекрещиваніе. Крижаничъ не соглашаясь конечно ни съ предложеніемъ жителей Тобольска, ни съ упомянутымъ требованіемъ Московской церкви, пишетъ по сему случаю трактатъ „о св. Крещеніи“, обращая его „ко государю, святѣйшему патріарху и къ преосвященному Собору“.

Въ этомъ сочиненіи Крижаничъ рассматриваетъ вопросъ о перекрещиваніи вообще, старается опровергнуть несправедливость требованія Русскою церковью вторичнаго

1) О Промыслѣ Божіемъ.

крещенія отъ католиковъ и выставляетъ соотвѣтствующую правоту по данному вопросу Римской церкви. Вопросъ о перекрещиваніи Крижаничъ разсматриваетъ въ связи съ вѣрованіемъ католической церкви (по его словамъ и нѣкоторыхъ отцовъ Восточной церкви) въ чистилище и въ связи съ таинствомъ покаянія. Если признать вторичное крещеніе, пишетъ онъ, то значеніе чистилища и таинства покаянія, безусловно необходимыхъ для каждаго вѣрующаго, подаетъ само собою. Требуя перекрещиванія католиковъ, Московская церковь даже становится въ противорѣчіе сама съ собою, такъ какъ забываетъ о постановленіи Большого Московскаго собора 174 года, „въ книгахъ и отлукахъ“ котораго онъ находитъ „обливанно крещеніе ухвалено“. Указавъ на неосновательность требованій перекрещиванія и выставивъ его какъ зло, имѣющее очень дурныя послѣдствія, крайнюю напр. религіозную нетерпимость поляковъ и русскихъ и частыя между ними кровопролитныя войны, Крижаничъ обращается къ собору съ просьбою разсмотрѣть вопросъ о перекрещиваніи.

Въ виду того, что Русская церковь въ своемъ ученіи о перекрещиваніи могла находиться подъ вліяніемъ церкви греческой, гдѣ вопросъ о вторичномъ крещеніи служилъ предметомъ обсужденія еще съ древнѣйшихъ временъ, то Крижаничъ вопросъ о перекрещиваніи еретиковъ и отступниковъ разсматриваетъ далѣе въ его историческомъ генезисѣ. Детальное разсмотрѣніе этого вопроса по постановленіямъ соборовъ и твореніямъ отцовъ Восточной церкви приводитъ его къ тому убѣжденію, что въ ученіи Восточной церкви по этому вопросу существовало значительное разногласіе. „Въ Римѣ же, пишетъ онъ, никогда не было объ этомъ ни сомнѣнія, ни спора ни разнодумья—за небольшимъ исключеніемъ, имѣвшимъ мѣсто у донатовцевъ. Но это встрѣтило, пишетъ онъ, горячій отпоръ со стороны всей западной церкви, въ особенности блаженнаго Августина. У Крижанича приведены затѣмъ подробныя разсужденія о правотѣ пониманія Римскою церковью таинства крещенія—съ обильными доказательствами изъ источниковъ не только Западной, но и Восточной церкви; причемъ неблагопріятныя для западной церкви показанія восточныхъ источниковъ Крижаничъ объясняетъ непорядочностью грековъ, неостанавливающихся

передъ поддѣлками и всякого рода вымыслами: „То бо есть грекомъ сладокъ кусъ: яко что гдѣ обрѣтуть, чѣмъ бы могли Римску церковь умазати. И нить не имъ то странно, ни необычно дѣло, къ лажамъ (ко лжи) лажн приплетати и раздорнихъ причинъ число множити“.

Покончивъ съ полемикой о существѣ крещенія, Крижаничъ переходитъ къ разсмотрѣнiю виѣшней формы его, принятой западною церковью. Обливательное крещеніе, по его справкамъ, является институтомъ глубокой древности, непрерывно существующимъ со временъ вселенскихъ соборовъ на Востокѣ, принимаемо въ практикѣ Кіевской церкви и допускаемое въ первое время Московскою церковью.

Правда, пишетъ Крижаничъ, въ апостольскихъ правилахъ говорится только о погруженіи, „а объ обливаніи споминка нить (нѣтъ)“: Но это, объясняетъ онъ, произошло отъ того, что „на Востоку вездѣ бяше много жидововъ“ у которыхъ въ обычаѣ частое купаніе и всего тѣла омовеніе, почему и апостолы, проповѣдуя на востокѣ, приспособляясь къ еврейскому омовенію, крестили чрезъ погруженіе; когда же они перешли на западъ, то примѣнили болѣе удобный и естественный способъ „и обливаніемъ крестиша“.

Въ виду шаткости приводимыхъ основанiй въ пользу преимущественной законности католическаго способа крещенія, Крижаничъ прибѣгаетъ къ обычной своей манерѣ— путемъ нападковъ на протестантовъ сблизить между собою католиковъ и протестантовъ. Онъ приводитъ слово польскаго проповѣдника Вуйска „о крещеніи“ противъ кальвинистовъ. Въ своей бесѣдѣ упомянутый проповѣдникъ защищаетъ обряды, принятые католическою церковью при крещеніи и миропомазаніи. Относительно обливанія у Вуйска ничего не сказано, но относительно другихъ обрядовъ, употребляемыхъ при крещеніи, онъ распространяется довольно обстоятельно. Православный читатель долженъ былъ вполнѣ согласиться съ польскимъ проповѣдникомъ, потому что принятая имъ точка зрѣнiя, являясь католическою, является вмѣстѣ съ тѣмъ и православной. Католики и православные, оппонировавъ кальвинистамъ, съ общей точки зрѣнiя, неимѣющимъ у себя благодатнаго священства, по вопросу о крещеніи могутъ чувствовать себя солидарными, близкими другъ другу по религіознымъ убѣжденіямъ, такъ что суще-

ствующее между ними раздѣленіе является какъ бы нѣкоторымъ недоразумѣніемъ.

Подчеркнувъ солидарность католиковъ и православныхъ, Крижаничъ нападаетъ далѣе на виновниковъ раздѣленія-грековъ. Онъ не скрываетъ своего крайнѣ непріязненнаго къ Фотію чувства. Исторію его патріаршества излагаетъ съ приведеніемъ легендарныхъ фактовъ его закулисной дѣятельности, собранныхъ имъ, по его словамъ, изъ русскихъ переводовъ, но съ освященіемъ, какъ это можно видѣть, явно тенденціознымъ.

Всѣ тѣ митрополиты и отцы соборовъ русской церкви, выясняетъ Крижаничъ, которые выносили свои рѣшенія по вопросамъ вѣроученія и обрядовъ и полагаясь во всемъ на грековъ, поступали несправедливо.

Въ заключеніи трактата Крижаничъ говоритъ о мѣропомазаніи и отстаиваетъ католическую точку зрѣнія на это таинство.

Вступивъ на новый путь осуществленія своей миссіи въ Россіи—при посредствѣ богословско-полемиическихъ трактатовъ, Крижаничъ уже не сходитъ съ него, дѣлаясь все смѣлѣе и смѣлѣе въ своихъ выводахъ.

Въ 1674 году имъ былъ написанъ новый трактатъ:

„Толкованіе историческихъ пророчествъ“. По объясненію Крижанича, онъ написалъ эту книгу для успокоенія жителей Тобольска, пришедшихъ въ большое смущеніе вслѣдствіе распространившихся въ городѣ слуховъ о предстоящей войнѣ съ турками. Но этой цѣли онъ касается только отчасти; главную же цѣль своей книги авторъ видѣлъ въ томъ, чтобы читатель вмѣстѣ съ нимъ пришелъ къ убѣжденію, что для православныхъ вообще нужна унія съ Римомъ. Въ „Политикѣ“ необходимость этой уніи онъ доказывалъ только для русскихъ славянъ, здѣсь же для всего православнаго востока.

Крижаничъ рассматриваетъ рядъ пророчествъ, уже сбывшихся относительно римскаго царства (языческаго). Римское языческое царство пало; отъ него откололась его восточная половина—царство Византійское—Новый Римъ. Этотъ Новый Римъ отпалъ впослѣдствіи и отъ церковнаго общенія съ Старымъ Римомъ. Къ этому именно распаденію

Стараго и Новаго Рима и относится пророчество Даниїла во образъ сна Навухудоноссора.

Ноги у видимаго во снѣ царемъ „мужа“, состоявшія „изъ желѣза же да изъ глины“ знаменовали собою церковь до ея раздѣленія. Желѣзо Крижаничъ относитъ къ западной церкви, глину—къ восточной и поясняетъ, что разрушеніе коснулось только глины-восточной церкви; Западная же церковь осталась неповрежденной и на ней опочило „царство Христово“. Эту мысль Крижаничъ подтверждаетъ разборомъ другихъ пророчествъ и заключаетъ, что Римская церковь есть истинное царство Христа, которое существовало и существуетъ подъ главенствомъ папы, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго владыки. „Отъ всѣхъ есть папа вышшы и большы и ничесоже нить, еже бы ему честию зравняты се могло“. У папы есть данная ему Христомъ духовная власть. А „духовна власть ширша отъ мирскія“. Св. Леонъ, пишетъ Крижаничъ, въ бесѣдѣ своей говорилъ, что „черезъ святы блаженного Петра престолъ, славою міра поставши, шире владаеть благочестіемъ, неже господствомъ земельскимъ“.

Какъ Петръ старѣйшій между апостолами, такъ папа старѣйшій между патриархами, такъ и Христово Царство т. е. Западная церковь есть царство наивысшее и оно одно имѣетъ право на всемірное распространеніе и расширеніе. Такъ говорятъ пророчества. А отсюда выводъ тотъ, что ни одно царство, въ силу приведенныхъ пророчествъ, не можетъ сравняться съ Римскимъ, не можетъ слѣдовательно и царство турецкое расширится на столько, чтобы достигнуть предѣловъ тобольскихъ, ибо тогда „царство мухамеданское учинило бы и близко Римскому равно“, что противорѣчитъ пророчествамъ.

На счетъ иноземнаго нашествія жители Тобольска могутъ быть спокойны, но они не должны забывать о всемірномъ значеніи Римской церкви и стремиться къ ней на соединеніе, тѣмъ болѣе, что объ этомъ существуетъ слѣдующее „Господне прорѣченіе“: „И ины овцы имѣю, еже ни суть изъ сего хлѣва: и они Ми есть треба привести и будутъ гласа моего слушаны. И будетъ единъ хлѣвъ и единъ пастырь. И тако да будетъ единъ пастырь“, восклицаетъ Крижаничъ. Путь къ соединенію и легокъ, говоритъ онъ далѣе. Если бы сошлись два благочестивыхъ мужа; то они бы-

стро сталкивались бы между собою, хотя бы напр., по вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Разница въ вѣроученіи небольшая.

А въ наше время, говоритъ Крижаничъ, это и тѣмъ легче, что на русскомъ языкѣ есть много св. отцовъ, напечатанныхъ. „Или бо нинѣ, продолжается, пришло есть время, да се изведетъ той погибельный и проклятый раздоръ; и да повернетъ светы еднѣсть, или ни въ вѣкъ того времена не будетъ“.

Первая удобная причина соединенія, говоритъ Крижаничъ—существованіе у русскихъ множества напечатанныхъ св. книгъ, которыхъ греки не будутъ отрицать, такъ какъ книги эти у нихъ же взяты; не будутъ отрицать ихъ и римляне, потому что отъ слова и до слова эти же книги напечатаны и въ Римѣ. И въ томъ я свою голову закладаю, прибавляетъ онъ, что римляне хотятъ, чтобы судъ состоялъ изъ однихъ только русскихъ книгъ. Нужно только, чтобы захотѣлъ этого русскій народъ. Это великое Божіе и всего христіанства дѣло лежитъ на совѣсти царя московскаго и всей московской церкви. И если царь захочетъ, то можетъ совершиться это великое дѣло, „чтобы и русскіе и греки и римляне и Богочестивые народы въ одной вѣрѣ и въ одной любви едиными устами хвалили пресвятую и нераздѣльную Троицу“.

Второй причиной своевременности возбужденія вопроса о соединеніи церквей Крижаничъ выставляетъ необходимость урегулированія политическихъ отношеній между поляками и русскими, отношенія между которыми на почвѣ религиозной доходили до крайняго озлобленія. Если бы не этотъ раздоръ церковный, пишетъ Крижаничъ, то возможно, что Польша и Литва были бы подъ властью московскаго Царя.

Итакъ необходимо открыть судъ между церквами на основаніи показаній русскихъ книгъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ все же нужно по примѣру Никона исправить, въ особенности „апокрифы“, содержашіе въ себѣ „хулы“ противъ Бога, угодниковъ „и нашимъ св. отцемъ клеветы“. Преступленіе совершить тотъ, говоритъ онъ, кто будетъ замалчивать дѣло исправленія книгъ, это „Господне дѣло“. „Кто то дѣло молчаніемъ душитъ, того Христосъ удушитъ“. И потому „власти-

тели должны ту Христову хулу безъявленія изъ книгъ истребити“.

Крижаничъ не можетъ оставаться спокойнымъ, говоря объ этихъ хулахъ изъ книгъ, подъ каковыми онъ разумѣетъ нападки на католичество,—впадаетъ въ страстный тонъ и задоръ съ упреками на пастырей, властителей и бояръ, съ готовностью даже за свои упреки, муку и смерть пріяти“.

Когда хулы изъ книгъ будутъ исправлены, продолжатель онъ, тогда могутъ открыться пренія уже безъ затрудненій между католиками и православными. Крижаничъ хлопочетъ не только о томъ, чтобы былъ созванъ соборъ для состязаній о вѣрѣ католиковъ съ православными, но и о томъ, какое рѣшеніе долженъ вынести этотъ соборъ. Почему онъ останавливается далѣе на вопросѣ, являющемся коренной и существенной причиною раздѣленія церквей, на вопросъ: объ исхожденіи Св. духа „черезъ Сына“. Авторъ посвящаетъ этому вопросу всю вторую половину своего труда, развивая обширныя полемическія разсужденія, вдаваясь въ философскія, богословскія и церковно-историческія изысканія.

Сначала онъ разсматриваетъ греческое вѣроученіе объ исхожденіи Св. Духа и затѣмъ постепенно выдвигаетъ католическое вѣроученіе по тому же самому вопросу. Крижаничъ замалчиваетъ все то, что негласно съ проводимою имъ точкою зрѣнія, но за то широко черпаетъ благоприятныя для него данныя отовсюду, даже изъ православныхъ богослужебныхъ книгъ, выхватывая однако изъ нихъ фразы безъ отношенія ихъ къ контексту рѣчи и объясняя ихъ нерѣдко съ большими натяжками.

Въ своемъ увлеченіи захватившимъ его вопросомъ, всѣми силами стараясь привить своимъ читателямъ католическое ученіе объ исхожденіи Св. Духа, Крижаничъ ни разу не вспоминаетъ о жителяхъ Тобольска, для „успокоенія“ которыхъ „отъ турскаго нашествія“ онъ предназначалъ свой трудъ.

Въ 1675 года Крижаничемъ былъ написанъ трактатъ противъ раскольниковъ подъ заглавіемъ—„Обличеніе соловецкой челобитной“. Вѣрный своей миссии, и въ этой работѣ касается онъ того, что составляло главную цѣль его пріѣзда въ Россію—пропаганды католичества. По обыкновенію Крижаничъ начинаетъ свое сочиненіе издалека. Онъ въ

началъ останавливаетъ вниманіе читателя надъ объясненіями того, почему именно онъ „дерзнулъ“ взяться за написаніе этого трактата и откуда онъ выводитъ для себя нравственное право учить отцевъ честной обители Соловецкой. Право своего учительства онъ выводитъ для себя изъ примѣра новозавѣтной исторіи, когда Петръ принялъ обличеніе отъ Павла. Крижаничъ обращаетъ вниманіе читателя на то, что здѣсь „меньши обличаетъ вышшего“. Но такъ какъ для православнаго читателя могло быть непонятно, кто изъ апостоловъ „меньшій“ и кто „вышшій“, то Крижаничъ далѣе это объясняетъ. Онъ приводитъ рядъ текстовъ, на основаніи которыхъ производитъ католическое освященіе личности ап. Петра и въ заключеніе вѣнчаетъ его, „какъ апостольскаго старѣйшину и христіанскаго благочестія Главу“.

Если же кто скажетъ, что Крижаничъ „обливанъ и латинскій еретикъ и поэтому не имѣется права наставлять православныхъ, то въ отвѣтъ на это Крижаничъ излагаетъ далѣе свое исповѣданіе вѣры, близкое по своей широтѣ и отсутствію нетерпимости къ тому исповѣданію, о которомъ онъ говорилъ въ своей докладной запискѣ 1641 года; выражаетъ даже готовность проклясть латинскія ереси, причемъ поясняетъ, что подъ латинскими ересями онъ разумѣетъ лютеранство, кальвинизмъ и др.

Обращаясь затѣмъ къ отцамъ челобитчикамъ Назарію и Геронтію, Крижаничъ совѣтуетъ имъ помнить, что имъ, какъ и епископамъ, надлежитъ быть учителями подчиненныхъ имъ душъ и не забывать между прочимъ, что и епископы могутъ ошибаться. Кто же можетъ не ошибаться и не впадать хотя косвенно въ ересь, спрашиваетъ Крижаничъ? Вселенскій соборъ, многозначительно подчеркиваетъ онъ, который есть голосъ церкви и чрезъ который „присно и безсумненно говоритъ Святыи Духъ“. Крижаничъ переходитъ затѣмъ къ выясненію ученія о церкви съ чисто православной точки зрѣнія, хотя иногда дѣлаетъ оговорки въ католическомъ духѣ. Приводя Слова Спасителя: „Ты еси Петръ и на семъ камнѣ и пр.“, говоритъ: „и та шадольность церкви не къ одному Петру (хотя изрѣднѣе къ нему, како къ старшинѣ), ни единымъ апостоломъ, но ко всѣмъ ихъ наступникомъ святителямъ обѣщана“. На этомъ текстѣ Кри-

жаничъ основываетъ свои доказательства разсужденія о неправотѣ подавшихъ соловецкую челобитную въ ихъ ученіи о Церкви. Развиваетъ онъ затѣмъ высокое понятіе о любви христіанской, во имя которой приглашаетъ къ единенію церковному. Обнаруживъ свою ревность о православіи и искреннее огорченіе происшедшимъ въ русской церкви раздоромъ, въ дальнѣйшемъ своемъ обличеніи раскольниковъ, направляя на нихъ удары, Крижаничъ косвенно налагаетъ ихъ и на православныхъ.

Онъ своеобразно понялъ, что православные, какъ и раскольники, по вопросамъ обрядовымъ, стояли на одной и той же точкѣ зрѣнія: важности обрядовъ, основанной на извѣстной исторической давности и буквѣ закона. Указаніе на „строку“, какъ онъ видѣлъ, считалось у тѣхъ и другихъ единственнымъ способомъ разрѣшенія возбужденныхъ вопросовъ. У тѣхъ и у другихъ выше всего стоялъ авторитетъ древности. Что касается древностей въ обрядахъ и богослуженіи, то въ глазахъ паписта передъ обѣими спорящими сторонами имѣла преимущество церковь католическая. Крижаничъ и старается отвлечь вниманіе спорящихъ сторонъ другъ отъ друга и обратить взоры ихъ на западъ, на древній престолъ ап. Петра. У католиковъ, пишетъ онъ, сохранились такія церковно-богослужебныя древности, какъ: Апостольскій символъ, символъ св. Аѳанасія, литургія Ап. Петра, необязательность для епископовъ иноческаго сана, частое причащеніе, проповѣдь въ храмахъ, тайное чтеніе молитвъ и колѣноприклоненіе. Всѣ эти приводимыя „древности“ Крижаничъ сопровождаетъ замѣчаніемъ, что „такое было древлье“. „а въ Восточной такъ и здѣшней Церкви“ этого нѣтъ или „далеко иноковъ есть обычай“.

Чтобы смягчить рѣзкость своихъ сопоставленій, Крижаничъ приводитъ далѣе древности уже одинаково забытыя, какъ церковью западною, такъ и восточною: общность имущества, одинъ постъ великій вмѣсто четырехъ, ядѣніе иноками мяса, нестяжательность монаховъ и другіе. Выводъ отсюда онъ дѣлаетъ такой; много обычаевъ, которыхъ теперь въ церкви нѣтъ. И вы объ этомъ не сокрушаетесь, а сокрушаетесь о тройномъ аллилуіи, о сложеніи перстовъ и др. „спора недостойныхъ вещахъ“. Причину этому онъ видитъ въ ихъ суетномъ благочестіи, которое далѣе и обли-

часть съ православной точки зрѣнія, но опоры для этой точки зрѣнія находятъ за предѣлами православія—въ католичествѣ.

Послѣдніе годы пребыванія Крижанича въ Сибири замѣчательны по тому подъему энергіи, какая проявилась у него въ отношеніи богословско-полемиическихъ трактатовъ. Въ концѣ 1645 года по случаю своего сильнаго нездоровья въ предчувствіи своей кончины онъ пишетъ послѣднее написанное имъ въ Сибири сочиненіе „Смертный разрядъ“—его духовное завѣщаніе, въ которомъ обращается съ своимъ послѣднимъ словомъ къ народу русскому. Можно думать, что сочиненіе это было „второзаконіемъ“ Крижанича, въ которомъ онъ повторяетъ то, что уже внушалъ русскому народу и говоритъ то, чего не успѣлъ еще сказать.

Въ своемъ „Смертномъ разрядѣ“ Крижаничъ дѣлаетъ обзоръ своихъ сочиненій, написанныхъ по вопросу о раздорѣ, о раздорѣ западной и восточной церкви, соловецкомъ раздорѣ, по вопросу о перекрещиваніи и др., говоритъ объ опреснокахъ и квасномъ хлѣбѣ, обличаетъ зимитовъ, восхваляетъ азимитовъ и ихъ представителей папъ, говоритъ противъ раскольниковъ, обличаетъ Кальвина и другихъ отступниковъ отъ католичества.

Но нельзя однако думать, чтобы Крижаничъ въ своей пропагандѣ католичества въ Россіи достигъ какого либо успѣха. Хотя онъ и упоминалъ впослѣдствіи, что ему удалось обрѣсти въ Россіи тайныхъ католиковъ, но къ этимъ его сообщеніямъ, по многимъ причинамъ, можно отнести съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ. Наоборотъ намъ извѣстны положительныя случаи попытокъ привлеченія самого Крижанича въ лоно православной церкви.

Перспектива единичныхъ совращеній въ католичество Крижанича, положимъ, и не особенно соблазняла. Какъ мы знаемъ, планы его были шире тѣхъ рамокъ, въ которыя могла бы вложиться пропаганда католичества въ Сибири. Онъ мечталъ о присоединеніи къ униіи всей Россіи съ ея княземъ не путемъ частнаго склоненія къ униіи, а путемъ громоздкимъ, путемъ воздѣйствія на князя для извѣстнаго рода реформъ и предпріятій, чтобы потомъ подвести князя съ его царствомъ подъ унию, или съ тою же цѣлью чрезъ воздѣйствіе на умы русскихъ своими трактатами побудить

ихъ къ требованію соборовъ, на которыхъ, благодаря пренію католиковъ съ православными, надѣялся Крижаничъ, открылись бы превосходство и преимущественная законность церкви католической передъ православною. Къ этой цѣли и стремился Крижаничъ; сочиненія же его должны были подготовить ему почву. Почему, Крижаничъ, живя въ Сибири, не спускаетъ глазъ съ Москвы, туда онъ и посылаетъ свои сочиненія съ посвященіемъ ихъ высокопоставленнымъ особамъ. Въ Москвѣ должно было начаться настоящее его дѣло и Крижаничъ по этому всѣми силами старается заинтересовать собою въ Москвѣ, чтобы его вернули въ нее какъ человѣка нужнаго и полезнаго. Объ этомъ, помимо посвященій къ посылаемымъ имъ книгамъ, говорятъ намъ его челобитныя, которыя онъ отъ времени и до времени посылалъ въ Москву.

Въ 1676 году, по случаю вступленія на престолъ Теодора Алексѣевича общимъ распоряженіемъ была оказана милость ссыльнымъ и заключеннымъ. Эта милость коснулась и Крижанича. Черезъ два дня по полученіи указа объ освобожденіи, Крижаничъ уже выѣхалъ изъ Тобольска.

Съ пріѣздомъ въ Москву положеніе ссыльнаго человѣка для Крижанича окончилось, вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась и выдача ему государева жалованья. Находясь въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, Крижаничъ-то хлопочетъ о выдачѣ ему денегъ на прокормленіе, то проситъ отпустить его „въ свою землю для того, что онъ былъ въ Крабацкой (хорватской) землѣ подъ державою цесарскаго римскаго кастела канонникомъ (попъ постриженный), и пынѣ де онъ держитъ тое же римскую вѣру и свой чинъ и впредь быть въ ней хочетъ“.

Только въ 1678 году послѣ многихъ ходатайствъ и митарствъ Крижаничъ наконецъ могъ выѣхать изъ Москвы. Крижаничъ направился въ Вильну, гдѣ въ силу своего безвыходнаго матеріальнаго положенія, подъ именемъ брата Августина поступаетъ въ орденъ Св. Доминика и даетъ въ немъ монашескіе обѣты—но съ условіемъ, что его отпустятъ въ Римъ для представленія отчета о своей дѣятельности въ Московіи. Въ скоромъ же времени по вступленіи въ орденъ онъ начинаетъ хлопотать и объ отпускѣ въ Римъ, но встрѣчаетъ препятствія своему намѣренію со стороны доминикан-

цевъ, которые не только не хотѣли давать ему отпуска, но даже требовали, чтобы онъ „совсѣмъ бросилъ книги, составленныя имъ на языкахъ московскомъ и латинскомъ, по порученію папы Александра VII“.

Эти книги являются теперь постоянной заботою Крижанича. Онъ начинаетъ теперь усиленно хлопотать, чтобы книги его были рассмотрены и по одобреніи напечатаны. Поэтому, несмотря на неодобреніе своей дѣятельности доминиканцами, Крижаничъ тайно пересылаетъ свои книги папскому нунцію въ Варшавѣ, переславшему ихъ въ свою очередь оо. іезуитамъ, которые книги Крижанича рассмотрѣли и одобрили. Въ капитулъ доминиканцевъ Крижаничъ обратился съ прошеніемъ, въ которомъ убѣдительно просилъ отпустить его въ Римъ ввиду того, что онъ „апостолическій миссіонеръ“ и, какъ таковой, имѣетъ право не стѣсняясь уставомъ ордена, оставить оо. доминиканцевъ. Капитулъ просьбу Крижанича уважилъ. Но Крижаничъ неожиданно встрѣтилъ себѣ препятствіе со стороны экспровинціала ордена, который почему то не взлюбилъ Крижанича и постарался аттестовать его передъ папскимъ нунціемъ, какъ человѣка своевольнаго. Съ большимъ затрудненіемъ Крижаничу удалось вырваться изъ Вильно; но когда онъ явился къ нунцію въ Варшаву, послѣдній отослалъ его обратно въ Литву. Однако при этомъ нунцій въ письмѣ совѣтовалъ провинціалу относиться къ Крижаничу „милостиво, съ совершенною любовію и тактомъ“, такъ какъ онъ составилъ книги противъ схизматиковъ, достойныя похвалы“.

Огорченный пріемомъ нунція, Крижаничъ „ни полъ слова“ не возразилъ ему въ отвѣтъ и покорно отправился снова въ Литву. Отсюда изъ монастыря Хоростья онъ пишетъ секретарю Конгрегаціи Пропаганды Вѣры письмо, а на имя конгрегаціи подаетъ прошеніе. Въ письмѣ Крижаничъ, описывая свои приключенія, сообщаетъ, что онъ не имѣетъ желанія возвращаться въ Московію, такъ какъ уже не принесъ бы тамъ новаго плода болѣе того, который принесъ имъ. Но что онъ желаетъ, съ помощью Божіей, дать вѣнецъ или успѣшное окончаніе тѣмъ слабымъ трудамъ его, въ которыхъ онъ упражнялся болѣе 40-ка лѣтъ и на которые „потратилъ всю свою суетную и плачевную жизнь“.

Въ прошеніи же оо. кардиналамъ Крижаничъ пишетъ,

„что наше нынѣ текущее время есть такое, когда открыть, во всякомъ случаѣ открывається удобнѣйшій случай вести съ наибольшимъ успѣхомъ переговоры съ указаннымъ народомъ (московскимъ) и удачно распространять въ немъ католическую вѣру... Достаточно теперь сказать: что я узналъ, сообщаетъ онъ, многихъ лицъ разнаго положенія тайныхъ католиковъ; нѣкоторые изъ нихъ съ большою настоятельностью просили меня, чтобы я издалъ въ свѣтъ какойнибудь трудъ на ихъ языкѣ, которымъ они могли бы успокоить свою совѣсть и, если Богу угодно, открыто исповѣдать свою вѣру“. Сообщивъ затѣмъ объ открытіи имъ въ первую его поѣздку въ Россію Кирилловой и другихъ полныхъ кощунствъ на католичество, книгъ, на которыя ему папой Александромъ VII поручено было написать опроверженіе и далѣе о своемъ вторичномъ отъѣздѣ въ Москву, Крижаничъ умоляетъ „съ тихими слезами“ о прощеніи, чтобы кардиналы „покрывъ его грѣхъ“ обратили свои очи на „тысячи и милліоны слѣпыхъ душъ, искупленныхъ кровью Спасителя Нашего и крещенныхъ, для которыхъ готовится эта малая духовная помощь, подъ каковою Крижаничъ разумѣетъ свои трактаты.

Относительно же порученія папы Александра VII сообщаетъ: „опроверженіе, порученное мнѣ апостольскимъ престоломъ, пришло къ доброму концу; я началъ въ Римѣ и въ мѣру бѣднаго разума, даннаго мнѣ отъ Бога, въ Московіи счастливо довелъ его до конца, проникнувъ, если я себя не обманываю, почти во всѣ ихъ тайны“.

Несчастье Крижанича только въ томъ, что при этомъ самоотверженномъ трудѣ онъ „наткнулся на козни діавола“, который, дѣйствуя черезъ его начальниковъ и русскихъ униатскихъ прелатовъ, мѣшаетъ появленію „этого (его) благочестивому сочиненьицу и стремится подавить апостольскую миссію въ Московіи, ввѣренную (ему) недостойному и имѣющую быть ввѣренной въ будущемъ другимъ лицамъ“.

Не смотря на многія препятствія его дѣлу, Крижаничъ, по его словамъ, „никогда не падалъ духомъ настолько, чтобы постоянно не вспоминать или не прилагать его божественной славы или къ достоинству апостольскаго престола и къ спасенію моему, пишетъ онъ, и моихъ ближнихъ. Въ силу этого Крижаничъ умоляетъ „усерднѣйше... ихъ прео-

священства сдѣлать распоряженіе о возобновленіи и присвоеніи (ему) титула миссіонера“, который за тѣмъ уже не признавали съ тѣхъ поръ, какъ Крижаничъ сталъ братомъ Августиномъ ордена Св. Доминика. „Ибо, лишь только это будетъ сдѣлано, пишетъ Крижаничъ, тотчасъ явится присутствіе милости Божіей, и натиски сатаны исчезнутъ, и не окажется никакихъ затрудненій относительно издержекъ на печатаніе моей книжки“.

Протоколомъ конгрегаціи отъ 5-го мая 1682 г. Крижаничу дозволялось „прибыть въ Римъ съ отпускомъ отъ его отца—генерала, дабы можно было получить отъ него (Крижанича) полное описаніе тѣхъ странъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь (въ Римѣ) ни одного подобнаго нѣтъ“. Объ этомъ отпускѣ для Крижанича долженъ былъ хлопотать „монсиньоръ Секретарь Конгрегаціи“.

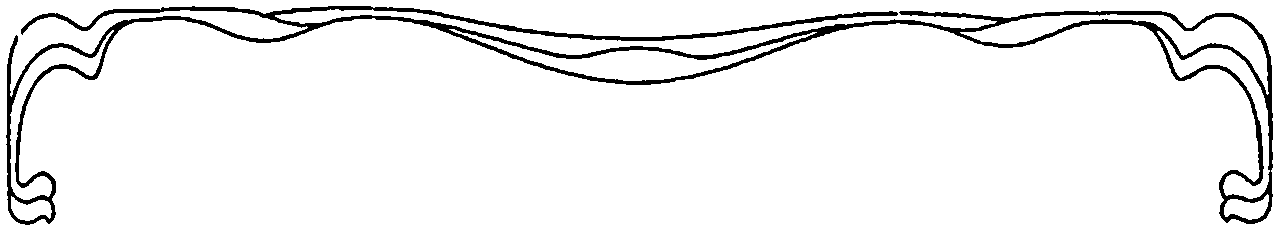
По полученіи разрѣшенія отъ генерала ордена, Крижаничъ отправился въ Римъ, но задержался въ Варшавѣ по случаю, вѣроятно, открывшихся военныхъ дѣйствій австрійцевъ въ союзѣ съ поляками противъ турокъ. Начальство Доминиканскаго ордена изъ Рима предписало Крижаничу не продолжать пути, подать письменный отчетъ о своей миссіи въ Московскомъ государствѣ, но Крижаничъ, не обративъ на это вниманія, тѣмъ не менѣе продолжалъ свой путь; вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ достигъ Вѣны, подъ стѣнами которой, напутствуя умирающихъ, и палъ въ сраженіи 2-го сентября 1683 года.

Такъ закончилъ свою жизнь этотъ замѣчательный человекъ, вызывающій изумленіе своей настойчивостью и тою ревностью, съ какою относился къ своей миссіи въ Московіи.

Это была одна изъ тѣхъ жертвъ, которыя воинствующій католицизмъ выбрасывалъ на православный востокъ и гдѣ ихъ энергія находила для себя непреодолимыя препятствія въ твердости и непоколеблемости православія греко-восточнаго.

А. Н. Александровъ.

Р. ЭЙКЕНЪ.

СМЫСЛЪ И ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

(Продолженіе *).

§ 3. Прокладываніе пути въ сторону положительнаго рѣшенія вопроса.

Доселѣ изъ разныхъ сторонъ современной жизни получила освѣщеніе преимущественно сторона отрицательная. Что эта отрицательная сторона жизни не составляетъ цѣлой жизни, что отъ нея ведетъ путь къ утвержденію жизни, на это позволяютъ надѣяться уже общія соображенія. Въ проблемахъ духовнаго характера за каждымъ Нѣтъ стоитъ Да,—Да, которое слишкомъ далеко прячется и часто еле уловимо, но которое все-же, при всемъ несовершенствѣ, остается Да. Истинная печаль по поводу отсутствія добра можетъ возникнуть лишь тамъ, гдѣ потребность въ немъ присуща собственной природѣ, гдѣ въ ней бурлитъ и вздымается нѣчто такое, что находитъ лишь неполное удовлетвореніе. Если бы въ личности не было даже никакого движенія, никакого пожеланія, то недостиженіе цѣли никоимъ образомъ не могло бы огорчать и тревожить. Если, на примѣръ, индійцамъ вся человѣческая жизнь, всякое стремленіе, примѣряемая къ той вѣчности и безконечности вселенной, которымъ ихъ логическая фантазія придавала осязательную наглядность,—казались совершенно скоротечными и ничтожными, то это причиняло глубокую печаль лишь потому, что человѣкъ не выносилъ спокойно такой скоротечности, онъ не хотѣлъ при-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 21 за 1910 годъ.

мирится съ существованіемъ на одно мгновеніе, но своею мыслью онъ обнималъ вѣчность и для своей жизни онъ требовалъ участія въ ней. Не свидѣтельствуемъ ли въ этомъ случаѣ ощущеніе недостатка о своеобразномъ величіи человѣка? Не должно ли видѣть въ немъ нѣчто вѣчное, если его не удовлетворяетъ только временное? На христіанской почвѣ убѣжденіе въ нравственной немощи, даже въ отверженности человѣка часто доходило до безутѣшнаго унынія. Но такое нравственное сужденіе можетъ ли имѣть мѣсто, если не признать въ человѣкѣ нравственной сущности, способности къ свободному поведенію, которая столь возвышаетъ его надъ всякимъ природнымъ механизмомъ? Здѣсь Да запрятано слишкомъ глубоко, но если бы вовсе не было Да, то было бы также невысказано Нѣтъ. Такимъ образомъ и тотъ опытный фактъ, что отсутствіе смысла въ нашей жизни и стремленіяхъ становится тяжелымъ изъяномъ, что оно ведетъ къ невыразимому замѣшательству въ человѣческихъ отношеніяхъ, — этотъ фактъ служитъ доказательствомъ болѣе широкаго факта, что потребность въ такомъ смыслѣ глубоко заложена въ нашемъ существѣ, что нѣкая интимная властная сила заставляетъ насъ дѣлать попытки внутренняго освѣщенія и полнаго усвоенія жизни.

Остережемся низко думать о нашемъ времени на томъ основаніи, что оно имѣетъ такой незаконченный видъ и столь полно противорѣчій. Не потому ли только оно въ значительной части незакончено, что оно требуетъ болѣе другихъ временъ, и не потому ли именно оно столь тяжело выносить противорѣчія, что оно переживаетъ и изживаетъ возможности жизни съ такимъ горячимъ нетерпѣніемъ и съ такой бурной энергіей? Какое еще время измѣрило столь большой кругъ возможностей, влагало въ каждую изъ нихъ столько радостной вѣры и ревностной работы? Никакое другое время не произвело такого обилія жизневсозрѣній, никакое другое не обсуждало жизненной проблемы въ столь широкомъ охватѣ и съ такою сознательностью, какъ это дѣлаетъ наше время. Поэтому-то, конечно, у него изъ того, что на первый взглядъ кажется только ограниченіемъ и отрицаніемъ, въ концѣ концовъ и можетъ возстать нѣкоторое Да.

Ибо что это такое, чѣмъ производится это ограниченіе

и отрицаніе? Это не есть какая-нибудь внѣ насъ находящаяся сила, это наша собственная жизнь отвергаетъ такое завершеніе,—противодѣйствіе лежитъ не внѣ, а внутри, и потому оно служитъ доказательствомъ силы; запросы, которые не находили никакого удовлетворенія, не совнѣ ставились, но они возникаютъ изъ нашего собственного существа и показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ то направленіе, которое должны принимать наши стремленія. Никакое безпристрастное разсматриваніе современности не можетъ освободиться отъ того впечатлѣнія, что позади всѣхъ этихъ формъ борьбы и смуты стоитъ полная содержанія жизнь, которая въ нихъ отыскиваетъ себя, вливаетъ въ нихъ силу и страстность, хотя и вынуждается возвращаться отъ нихъ неудовлетворенною. Мы впадаемъ въ такое безпокойство и въ такую неувѣренность лишь потому, что болѣе значительная глубина шевелится въ насъ, но не доходитъ до полного оживленія. И тяга къ цѣлому ощутительно проявляется въ той энергіи, съ какой разныя жизневоззрѣнія оспариваютъ одно другое; извѣстное преимущество мы показываемъ уже въ томъ, что мы можемъ всѣ ихъ обозрѣвать и опредѣлять ихъ удѣльный вѣсъ; пристрастный человѣкъ пусть остается дробнымъ человѣкомъ, человѣчество, какъ цѣлое, есть болѣе, чѣмъ дробный людъ. Такимъ образомъ мы нынѣ внутренне находимся въ крайне незаконченномъ положеніи, въ которомъ перемѣшаны Да и Нѣтъ; поднимается новый укладъ, но онъ не можетъ быть проведенъ въ достаточной степени,—въ насъ дѣйствуетъ область, которая не вся обнимается сознаниемъ, но она еще не составляетъ нашего полного владѣнія. Во всякомъ случаѣ ограниченіе и отрицаніе въ себѣ самихъ заключаютъ сильное побужденіе для противодѣйствія имъ.

Но въ такой общей формѣ эта мысль мало приноситъ намъ пользы. Нужно поставить опредѣленные вопросы и достигнуть опредѣленныхъ пунктовъ приложенія, чтобы двинулся потокъ нашей работы. Но тѣ и другіе добываются особыми опытами, которые выходятъ изъ потребности въ смыслѣ жизни, ибо они ясно указываютъ на то, что имѣетъ рѣшающее значеніе для этихъ вопросовъ и какое особенное направленіе должны принимать наши стремленія. Въ данномъ мѣстѣ достаточно отмѣтить главные пункты.—Мы по-

тому именно оказываемся неуверенными въ смыслъ жизни, что мы раздваемся въ вопросѣ о главномъ опорномъ пунктѣ жизни, и никто не могъ своему убѣжденію доставить побѣду. Удержаніе невидимаго міра и исключительное направленіе къ непосредственному существованію непримиримо стали одно противъ другого. Теперь выяснилось, что видимый міръ всѣми возможностями, какія бы онъ ни представлялъ, не можетъ удовлетворить неустрашимыхъ запросовъ человѣческаго существа и даже при крайнемъ напряженіи своей силы не доставляетъ жизни никакого смысла; посему, съ какою неизбежностью мы настойчиво требуемъ смысла жизни, настолько несомнѣнно, что жизнь обладаетъ большею глубиною, чѣмъ сколько даетъ ему непосредственное существованіе. Но если, такимъ образомъ, идея высшаго міра пріобрѣтаетъ и для насъ большее значеніе, то въ бывшемъ укладѣ жизни многое становится недостаточнымъ. Старый способъ обоснованія насъ болѣе не удовлетворяетъ, предписываемая имъ жизнь для насъ стала слишкомъ тѣсною, она не закрѣпляетъ и за непосредственнымъ существованіемъ того значенія, которое завоевали для него опыты всемірно-историческаго движенія. Слѣдовательно дѣло въ томъ, чтобы дойти до такой жизни, которая обнимала бы двойство исходныхъ пунктовъ, до такой жизни, которая давала бы вышнему міру полное обезпеченіе и безмятежность и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняла бы значеніе за непосредственнымъ существованіемъ. Безъ расширенія понятія реальности и безъ градацій внутри нашей жизни, даже безъ нѣкотораго рода переворота эти требованія невыполнимы; нужно испытать, возможно ли все это. При этомъ первѣе всего должно имѣть въ виду, что вышній міръ можетъ получить потребную обезпеченность и широту лишь въ томъ случаѣ, если онъ не съ усиліемъ открывається и отыскивается въ опытномъ мірѣ, но если онъ получаетъ полную самобытность собственной жизни; а это для него возможно лишь въ томъ случаѣ, если мы можемъ обрѣсти въ немъ не простое развитіе нашихъ силъ въ особенномъ направленіи, но самобытное цѣлое жизни и бытія. Слѣдовательно, сюда и нужно направлять взоръ.

Далѣе въ міровоззрѣніи оказывался непримиримый конфликтъ между поворотомъ къ міру и сосредоточеніемъ на

человѣкъ. Полное перемѣщеніе въ міровой процессъ разрушало всякую самостоятельность человѣка,—природный механизмъ и мыслительный процессъ въ этомъ пунктѣ совпадали. Сосредоточеніе на человѣкъ съ ограниченіемъ вниманія одною только областью его состояній давало въ результатъ скудную и жалкую жизнь; оно столь усиленно выдвигало все мелкое въ человѣческомъ существѣ и обнаруживало такую безпомощность противъ всякой заурядности въ немъ, что уже волей-неволей приходилось отказаться отъ мысли видѣть здѣсь предѣлъ. Если такимъ образомъ въ своей противоположности міръ становится слишкомъ холоднымъ, человѣкъ слишкомъ мелкимъ, а тотъ и другой—бездушнымъ, то необходимо отказаться отъ этого исключительнаго выбора и стремиться къ преодолѣнію этой противоположности; какъ бы то ни было и въ какомъ бы то ни было объемѣ, міръ долженъ сдѣлаться непосредственною и собственною жизнью человѣка, въ извѣстной глубинѣ своего существа человѣкъ долженъ преодолѣть произвольность и связанность своего натурального существованія. Но каждый изъ обоихъ въ этомъ сочетаніи долженъ значительно измѣнить свой непосредственный видъ. Можетъ быть, при такомъ измѣненіи станетъ возможно преодолѣть ту противоположность—въ мірѣ между природой и интеллектомъ, въ человѣкѣ между обществомъ и индивидуумомъ, которая иначе раскалываетъ и истощаетъ нашу жизнь.

Что здѣсь спрашивается и отъ чего зависитъ рѣшеніе цѣлаго, это—возможность внутренняго возвышенія человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность иного основнаго отношенія къ дѣйствительности. Этимъ вызывается рѣшительный кризисъ культурнаго развитія: неослабное расширеніе кругозора, прогрессъ и возрастаніе работы, повышающаяся ясность мышленія угрожаютъ все глубже и глубже подавлять человѣка съ его характерными свойствами; возвышающееся надъ всѣмъ величіе, которое ему усвоилось наивнымъ мышленіемъ прежнихъ временъ, повидимому, безвозвратно погибло. Изъ центра вселенной, въ которомъ онъ себя прежде чувствовалъ какъ сынъ Божій или какъ носитель разума, онъ все болѣе и болѣе оттѣсняется къ второстепенному положенію, какъ простая капля въ необъятномъ морѣ вселенной онъ уже не имѣетъ надежды внутренне приблизиться

къ корню дѣйствительности. Тѣ формы, въ которыхъ чело-
вѣкъ пытался усвоить себѣ міръ, все рѣшительнѣе клей-
мятся съ развитіемъ культуры именемъ простого антропо-
морфизма. Не является ли антропоморфизмомъ все, что че-
ловѣкъ отваживался утверждать о реальномъ мірѣ? Не пред-
ставляютъ ли собою, какъ религія и спекуляція, такъ и на-
ука простой систематизаціи нашихъ собственныхъ мыслей?
Отъ своихъ органическихъ особенностей челоѣкъ, повиди-
мому, никакъ не можетъ отрѣшиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ его
жизнь становится невыносимо пуста, если она всецѣло по-
грязаетъ въ собственной области. Отсюда возникаетъ поло-
женіе, котораго никакъ иначе нельзя преодолѣть, какъ толь-
ко тѣмъ, что въ образѣ самого челоѣка совершаются глу-
бокія измѣненія, что въ немъ происходитъ раздѣленіе меж-
ду тѣснымъ и широкимъ видомъ существованія, между про-
сто челоѣческой жизнью, челоѣческой въ узкомъ смы-
слѣ слова, которая никогда не можетъ стать выше са-
мой себя, и жизнью болѣе-чѣмъ-челоѣческой, которая
непосредственно перемѣщаетъ его на просторъ вселенной,
въ ея истинное бытіе. На возможности такого внутренняго
возвышенія челоѣка покоится вся надежда на сохраненіе
за нашею жизнью смысла и цѣнности,—ибо мы уже не мо-
жемъ сомнѣваться въ томъ, что отъ нея она не можетъ по-
лучить ихъ.

Лишь такое возвышеніе челоѣка даетъ намъ силу пре-
возмоучъ также то давленіе, которое неизбежно оказывается
на мыслящаго челоѣка настоящаго времени ближайшимъ
разсмотрѣніемъ нашего положенія. Явственно стоитъ предъ
нашими глазами безконечность природы и ея равнодушіе къ
челоѣку, его затерянность въ этой безконечности, явствен-
но выступаетъ суровый механизмъ общественной жизни съ
ея страстною возбужденностью и ея духовною безсодержа-
тельностью, явственно видится нравственная пошлость че-
лоѣка съ его самолюбіемъ и съ его привязанностью къ
внѣшности, вмѣстѣ съ тѣмъ его упорная преданность при-
роднымъ влеченіямъ необузданнаго характера; все это фактъ
не зависимый отъ личныхъ убѣжденій и никоимъ образомъ
не устранимый. Но спрашивается, представляетъ ли собою
этотъ фактъ послѣднее слово жизни и ея цѣлокупное со-
держаніе, которое мы должны принять терпѣливо какъ не-

оборимую судьбу съ отреченіемъ отъ всякой разумности нашего существованія, или же мы можемъ что-либо ему противопоставить, поднять борьбу съ нимъ, даже одолѣть его. Кто пытается идти послѣднимъ путемъ, тотъ будетъ въ состояніи подвигаться лишь съ трудомъ и среди постоянныхъ опасностей, но это есть единственный путь, который позволяетъ надѣяться на духовное самосохраненіе человѣка, и если гдѣ, то въ этомъ случаѣ оправдывается изреченіе Гёте, что необходимость—лучшій совѣтникъ.

III.

О П Ы Т Ъ П О С Т Р О Е Н І Я .

§ I. Основная часть.

1) Главный тезисъ.

Вопросъ, не сокрыто ли въ человѣкѣ болѣе, чѣмъ сколько въ немъ открывалъ прежній взглядъ, и нельзя ли изъ него выработать болѣе того, этотъ вопросъ можно обсуждать лишь на основаніи его собственной жизни: что въ ней наблюдается и происходитъ, это имѣетъ рѣшающее значеніе въ пользу Да или въ пользу Нѣтъ. Въ жизни же мы наблюдаемъ, конечно, нѣчто больше, чѣмъ простую тѣнь, которую внѣшній міръ отбрасываетъ въ душу индивида,—нѣчто больше также, чѣмъ пустое пространство, въ которое этотъ міръ вливаетъ свое содержаніе; равнымъ образомъ она не есть лишь одна сторона дѣйствительности, которая нуждается въ соотвѣтствующей сторонѣ для восполненія,—она не есть лишь возбужденіе и движеніе субъекта въ противобѣсъ міру объектовъ. Ибо и о мірѣ мы знаемъ лишь, поскольку онъ строится внутри нашей жизни. Даже если мы что-нибудь изъ нашихъ переживаній отчуждаемъ и закрѣпляемъ въ противоположность себѣ, то мы тѣмъ самымъ эту часть не выбрасываемъ совершенно изъ себя, но лишь въ предѣлахъ собственной сферы сообщаемъ ей своеобразную прочность и общезначимость. Изъ жизни въ этомъ широкомъ смыслѣ, изъ жизненнаго процесса, въ которомъ субъектъ и объектъ обнимаются и могутъ взаимодействовать, мы отнюдь не выступаемъ. Что нынѣ этотъ жизненный процессъ содержитъ и что онъ обнаруживаетъ въ переживаніяхъ, это

должно имѣть рѣшающее значеніе и въ вопросѣ о возможности возвышенія человѣка. Простая рефлексія, также и спекуляція не имѣетъ при этомъ никакого значенія.

Издавна извѣстна попытка объединить въ одно цѣлое особенныя и отличительныя свойства человѣка и чрезъ то обезпечить ему выдающееся положеніе; человѣкъ, думали, есть существо духовной природы и принадлежность къ духовному порядку обезпечиваетъ ему своеобразное положеніе. Въ созиданіи культуры, въ процессѣ образованія изъ отдѣльной души личности и духовной индивидуальности, въ созданіи великихъ жизненныхъ комплексовъ, каковы наука и искусство, въ сочетаніи индивидовъ для внутренняго общенія въ государствѣ и обществѣ, наконецъ въ образованіи человѣчества какъ единого цѣлаго, во всемъ этомъ совокупно человѣкъ проявляетъ такъ много своего и новаго, что уже наличностью всего этого ему, повидимому, давно предназначено съ полною достовѣрностью преобладающее положеніе, а его жизни—вполнѣ удовлетворительное содержаніе.

Почему все это стало для насъ недостовѣрнымъ? Преимущественно потому, что возрастающее познаніе всеобщей связанности и обусловленности человѣка со стороны великой природы, а также со стороны его собственной организаци, внушаетъ намъ сомнѣніе въ смыслѣ и значеніи этого „новаго“, именно мы познаемъ острое противорѣчіе между способомъ, какимъ оно въ насъ дѣйствуетъ, и содержаніемъ, которое оно утверждаетъ. Духовная жизнь развивается какъ особенное царство въ отличіе отъ человѣка, она воздвигаетъ свою истину какъ независимую отъ измѣнчивости человѣческихъ положеній, отъ различій и несогласій индивидовъ, она даже заявляетъ притязанія на то, что стоитъ выше всякаго мнѣнія и склонности человѣка и можетъ принудительно управлять ими, ея содержаніе имѣетъ силу нормъ, которыми измѣряется всякое человѣческое дѣйствіе и которыми оно часто отвергается какъ недостаточное и даже превратное. Но этотъ же человѣкъ, въ которомъ поднимаются такія движенія, является по своему непосредственному существованію не чѣмъ инымъ, какъ существомъ особенной, ограниченной и съ разныхъ сторонъ обусловленной организаци, сурово и упорно сдерживаетъ его собственная природа и обводитъ его непереступаемымъ кругомъ. Собственно си-

лою онъ не можетъ подняться надъ собою. Пусть онъ въ игрѣ своихъ мыслей набрасываетъ планъ міра и изъ возносящейся фантазіи творитъ смѣлые образы: какъ бы эти умственные образы могли получить реальность въ отличіе отъ него, какъ бы они могли произвести новое содержаніе и какъ бы они могли воздѣйствовать на него возвышающимъ образомъ, этого нельзя понять. Ближайшее разсмотрѣніе всего этого можетъ признать здѣсь лишь неоправданный антропоморфизмъ, если человѣкъ созданному имъ міру приписываетъ самостоятельность. Не могъ бы никогда этотъ міръ, несмотря на всѣ попытки къ этому, сдѣлаться общимъ достояніемъ и достигнуть общеобязательности своего содержанія. Ибо въ дѣйствительномъ существованіи человечество разсѣяно и раздроблено въ видѣ совершенно отдѣльныхъ индивидовъ, каждый имѣетъ свою особенную организацію и съ полнымъ правомъ противопоставляетъ себя другимъ; отсюда можетъ возникнуть лишь полнота взаимно соприкасающихся и перекрещивающихся движеній, но никакъ не общій, возвышающійся надъ состояніемъ отдѣльныхъ субъектовъ, міръ, и также, поэтому, никакъ не общая, отдѣльные круги обнимающая, истина. А если нѣтъ такой истины и нѣтъ никакого внутренняго общенія жизни, то нѣтъ также никакой науки и никакого искусства, никакого права и никакой морали, никакого взаимнаго пониманія и внутренняго сожительства человѣческаго; такимъ образомъ никогда не могло бы возникнуть стремленіе къ такимъ цѣлямъ и не могла бы появиться никакая мысль о нихъ. Но мысль существуетъ, не менѣе того существуетъ и стремленіе; какъ бы оно ни было несовершенно, оно обнаруживаетъ слишкомъ много мощи, оно произвело слишкомъ значительныя перемѣны не только въ мысляхъ человѣка, но и въ устояхъ его жизни и въ цѣломъ строѣ его души, чтобы могло считаться за простой самообманъ. Такимъ образомъ оказывается жесткое, невыносимое противорѣчіе въ томъ, что то, что выступаетъ въ качествѣ самостоятельнаго міра и должно такимъ выступать, составляетъ простое порожденіе и породной, съ разныхъ сторонъ связанной и подверженной природнымъ условіямъ жизни; какъ бы могло духовное движеніе при такой зависимости получить когда-нибудь чистый отпечатокъ своего содержанія, какъ бы оно могло когда-

нибудь получить силу противъ того, что образуетъ его собственную основу и что остается непрерывнымъ предположеніемъ его? Посему, если бы этой связанности и вообще всего этого даннаго положенія никоимъ образомъ нельзя было преодолѣть, должно было бы все, что называется духовнымъ развитіемъ, оставаться простою тѣнью, возносящеюся надъ нашею жизнью, оно никогда не могло бы освободиться отъ противорѣчія—желать быть чѣмъ-то такимъ, чѣмъ оно при наличныхъ средствахъ ни теперь и никогда быть не можетъ; такъ оно навсегда осталось бы во власти внутренней неправды и лживости.

Не мало извѣстно попытокъ избѣжать этого гибельнаго противорѣчія, но въ концѣ концовъ онѣ, при всѣхъ обходахъ, сводятся къ слѣдующей дилеммѣ: или все, что въ человѣкѣ поднимается своеобразнаго и что чрезъ все разнообразіе его стремленій вытягивается къ одной цѣли—воздвигнуть новый міръ не только въ отличіе отъ человѣка, но и въ противовѣсъ всему непосредственному существованію, или все это есть лишь просто произведеніе человѣка и, слѣдовательно, безиочвенная иллюзія, или же оно происходитъ изъ глубочайшаго источника, какъ отличительной природы человѣка, и свидѣтельствуеть о существованіи такого источника. Самостоятельность въ отличіе отъ человѣка оно можетъ имѣть лишь въ томъ случаѣ, если оно не относится къ его особенной организаціи, но если человѣкъ чрезъ него пріобрѣтаетъ участіе въ міровой жизни, если оно знаменуетъ въ противоположность природѣ новую ступень дѣйствительности, которая нашему кругозору открывается лишь въ человѣкѣ, однако не изъ него происходитъ и потому не подлежитъ условіямъ его природы. Иными словами: духовная жизнь въ человѣкѣ рушится и все, сосредоточенное на ней, усиліе есть погоня за фантомами, если она неимѣетъ за собою духовнаго міра, изъ котораго она черпаетъ и который она представляетъ собою. Что признаніе такой самобытной глубины духовной жизни въ насъ существенно измѣняетъ взглядъ на человѣка и на міръ, а равно и на задачу жизни, что оно даже вызываетъ преобразование всего наличнаго положенія, это сейчасъ нужно будетъ показать подробнѣе; потомъ нужно также изслѣдовать, слѣдуетъ ли

изъ него возвышеніе человѣка, безъ котораго, какъ мы видѣли, жизнь теряетъ всякій смыслъ и всякую цѣнность.

Утвержденіе, которое здѣсь стоитъ подъ вопросомъ, имѣетъ, очевидно, аксіоматическій характеръ, его нельзя доказывать какъ отдѣльное предложеніе, какъ одно только кольцо въ цѣпи мыслей. Но какъ всякую аксіому, его можно лишь оправдать совокупностью двухъ рядовъ мыслей, изъ которыхъ одинъ болѣе отрицательнаго и другой болѣе положительнаго вида. Нужно показать, что все, что движется въ указанномъ направленіи, замираетъ и рушится безъ названнаго поворота, что онъ составляетъ необходимое предположеніе всякаго успѣха, даже всякой прочности духовнаго возбужденія; но далѣе нужно показать, что полное признаніе и развитіе этого поворота проникаетъ и возвышаетъ весь кругъ жизни, что ему противостоитъ все ея развѣтвленіе и что эта противостоящая область лишь теперь освѣщается, объединяется и приводится къ полному раскрытію. Чѣмъ болѣе различныя движенія сходятся въ этомъ пунктѣ, тѣмъ увѣреннѣе смѣемъ мы быть въ томъ, что имѣемъ предъ собою не простые призраки. Такое отрицательное доказательство представлено всѣмъ предшествующимъ изслѣдованіемъ, положительное же будетъ дано въ послѣдующемъ изложеніи.

Для этого прежде всего надлежитъ вкратцѣ припомнить о томъ измѣненіи въ общемъ воззрѣніи на духовную жизнь, на міръ и на человѣческое существо, которое слѣдуетъ за возвышеніемъ духовной жизни надъ областью чисто человѣческой.—Духовную жизнь нельзя отрѣшнить отъ человѣка безъ того, чтобы она не стала собственнымъ царствомъ и не развивала сама отъ себя міровой жизни; а эта міровая жизнь можетъ провести поставляемыя ею требованія лишь въ томъ случаѣ, если духовная жизнь не является привходящимъ къ остальной дѣйствительности особымъ царствомъ, но если она имѣетъ силу открывать глубину для всей дѣйствительности, если эта послѣдняя чрезъ нее обнаруживаетъ самобытность и открываетъ содержаніе, какого не даетъ весь подвижной механизмъ природы. Лишь только этимъ путемъ міръ обнимается въ одно цѣлое, тогда какъ въ томъ образѣ природы, который навязывается нашему представленію, она показываетъ только сосуществованіе отдѣльныхъ элементовъ, которые взаимно соприкасаются,

сплетаются и перекрещиваются. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда слѣдуетъ существенный сдвигъ въ основномъ понятіи жизни. Если въ области природы она обращена только ко внѣ и занята преимущественно утвержденіемъ положенія отдѣльныхъ пунктовъ въ измѣняющихся отношеніяхъ, то теперь открывается возможность, чтобы она занялась собственнымъ состояніемъ и чтобы, если послѣднее представляется несовершеннымъ, она нашла въ самораскрытіи и саморазвитіи свою надъ всѣмъ доминирующую задачу. Такого рода жизнь не могла бы вытянуться по узкой полосѣ между противоположностями субъекта и объекта и не могла бы ограничиться задачей—что лежитъ на одной сторонѣ, то единственно удѣлять другой—дѣло въ сущности совершенно излишнее, но она обняла бы эту противоположность, подняла бы общее состояніе взаимнымъ споспѣшествованіемъ обоихъ рядовъ, преодолѣла бы незаконченность и раздвоенность даннаго положенія. Поскольку отъ этого жизнь становится самобытнымъ развитіемъ, самопереживаніемъ, при которомъ все случающееся обнимается въ цѣломъ и къ нему возвращается, постольку можетъ, прежде всего, возникнуть содержаніе жизни. Какова же именно будетъ она, этого нельзя опредѣлить изъ общихъ соображеній, но это обнаружится лишь изъ фактическаго раскрытія жизни, конечно, въ томъ только случаѣ, если оно объединяется и освѣщается, что не можетъ имѣть мѣста безъ содѣйствія мыслительной работы. Какъ признаніе глубины дѣйствительности измѣняетъ общій образъ міра, такъ оно и міровой ходъ ставитъ подъ особое освѣщеніе. Нашъ опытъ показываетъ оба царства дѣйствительности, данной въ природѣ и въ духовной жизни, не въ независимомъ отъ теченія времени отношеніи, не какъ безвременное сосуществованіе, но, повидимому, должна быть сначала достигнута извѣстная высота природной жизни, чтобы духовная жизнь могла раскрыться въ предѣлахъ нашего міра, такъ что духовная жизнь оказывается позднѣйшимъ въ отличіе отъ прежняго, и основное строеніе мірового хода показываетъ движеніе поступательнаго характера. Но этого движенія никакъ нельзя понимать въ смыслѣ простаго произведенія позднѣйшаго прежнимъ. И именно потому нельзя, что указанный поворотъ къ самобытности реальнаго міра приноситъ съ собою нѣчто суще-

ственно новое, даже переменну цѣлаго, которое отнюдь не есть лишь количественное приращеніе природы, отнюдь не можетъ появиться изъ царства простого сосуществованія. Но если этотъ поворотъ знаменуетъ новонасажденіе, произрастаніе самобытнаго характера, то міровой ходъ не есть лишь развитіе, но саморазвитіе, обѣ ступени должны охватываться всеобъемлющею жизнью, которая въ своемъ самораскрытіи переходитъ отъ одной къ другой, которая своей собственной высоты въ границахъ нашего міра достигаетъ лишь своимъ собственнымъ движеніемъ. Это не значитъ разрывать природу и духъ на два раздѣльныхъ міра, но это во всякомъ случаѣ значитъ протестовать противъ того, чтобы они считались просто параллельными сторонами, что неизбѣжно или духъ подчиняетъ природѣ, даже приносить въ жертву, или же вмѣстѣ сливается ихъ въ простыя формальныя понятія абстрактнаго характера.

Но съ этимъ признаніемъ двухъ ступеней и постепеннаго движенія нашего міра человѣческая жизнь пріобрѣтаетъ своеобразное положеніе и значеніе. Ибо въ ея предѣлахъ совпадаютъ обѣ ступени и въ ней совершается поворотъ отъ одной къ другой. И при этомъ человѣкъ не является лишь ареною, на которой разыгрывается такое движеніе, но для этого оказывается необходимой его собственная дѣятельность, безъ его рѣшенія не наступаетъ у него указанное преобразование. Ну, развѣ онъ долженъ былъ бы принимать участіе въ такой міровой борьбѣ и развѣ онъ могъ бы выдвигать самобытность реальнаго міра противъ царства отношеній, если бы такая самобытность не могла, какъ цѣлое, какъ-либо сдѣлаться для него собственной, если бы его поведеніе не могло какъ-либо руководиться этою силою? Уже здѣсь явно, что человѣкъ не можетъ подняться надъ природою, не освобождаясь отъ ограниченности частнаго существованія и не признавая духовной жизни, самобытности реальнаго міра, ядромъ своей собственной сущности. Мы видѣли, что все занятіе непосредственнымъ существованіемъ не доставляло его жизни никакого содержанія; за опредѣляющею на этой почвѣ жизнью все стояла глубина, которая требовала удовлетворенія, но не находила; при всемъ чрезмѣрномъ возбужденіи съ субъективной стороны такой жизни не доставало основы; если духовный міръ

доставляетъ человѣку такую основу, то въ немъ ему нужно искать своего истиннаго существа, и движеніе къ нему не есть съ его стороны устремленіе въ необъятную даль, а поворотъ къ самому себѣ, добываніе своей собственной сущности. Но эта сущность была бы, рассматриваемая съ эмпирической точки зрѣнія, конечно, высокою цѣлью, безмѣрной задачей, а признаніе самостоятельности духовной жизни весьма значительно должно повысить такую задачу. Ибо теперь уже требованіе касается не того или другого въ жизни, но оно касается всецѣло новой жизни, оно будетъ не выполнимо безъ самаго энергическаго подъема надъ тѣмъ состояніемъ смѣшанности и притупленности, которое представляется ежедневнымъ существованіемъ. Но если такимъ образомъ предъ жизнью поставляется высокій идеаль, то лежитъ онъ не по ту сторону, а внутри ея собственной области; человѣкъ обрѣтаетъ здѣсь основное тяготѣніе не въ отношеніи къ какому-нибудь внѣ-лежащему бытію, а въ отношеніи къ духовному, внутренно ему присущему міру, какъ къ своей собственной сущности. Отъ этого долженъ произойти особенный типъ жизни,—мы увидимъ, что онъ явно отличается отъ всѣхъ доселѣ разсмотрѣнныхъ типовъ.

Такъ человѣкъ становится для насъ самъ по себѣ великой проблемой. Онъ—все, что хотите, только не замкнутая природа. Характернымъ для него является именно то, что отдѣльный и ограниченный видъ жизни только-человѣческое, совпадаетъ съ универсальною жизнью, съ болѣе чѣмъ-человѣческимъ; это совпаденіе должно вести къ многоразличнымъ коллизіямъ, должно весь объемъ жизни приводить въ напряженіе. Что дѣйствительно навязчивое безпокойство проникаетъ человѣческую жизнь, лишь только она какъ-либо вырывается изъ природы, это мы всѣ знаемъ.

Такое совпаденіе разныхъ жизненныхъ ступеней у насъ выявляется съ полною ясностью въ той формѣ, въ какой развивается у насъ духовная жизнь. Все содержаніе, какое она производитъ, не можетъ привлекать насъ, какъ нѣчто чужое, но только какъ нѣчто собственное чтобы овладѣть нами, оно должно какъ-либо укорениться въ нашемъ существѣ и служить раскрытію этого существа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ духовная жизнь выявляется какъ далеко и несомнѣнно превосходящая нашу человѣческую породу,—и она имѣ-

еть силу, или по крайней мѣрѣ можетъ имѣть ее, побѣдно-носно реализоваться вопреки цѣлямъ чисто человѣческаго характера. Единственно этимъ объясняется идея долга, объясняется, что во всякой специфически духовной дѣятельности являются нормы, напр. нормы, которыя управляютъ нашимъ мышленіемъ, художественнымъ творчествомъ; онѣ ставятъ требованія и употребляютъ принужденіе, но онѣ дѣлаютъ это не совнѣ, а извнутри нашей собственной природы, онѣ показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько эта природа отстоитъ отъ непосредственнаго состоянія. То же самое можно сказать и о цѣнностяхъ духовнаго порядка, которыя замѣтно отдѣляются отъ всего только пріятнаго или полезнаго: онѣ—наше и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чѣмъ наше, онѣ поднимаютъ насъ въ иной міръ, чѣмъ міръ просто человѣческаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ для насъ болѣе внутреннее и болѣе существенное, чѣмъ что-либо другое.

Такая связь ставитъ прежде всего въ полное освѣщеніе и ту самокритику, которую человѣческій опытъ показываетъ какъ на душѣ индивидуума, такъ и во всемірно-исторической работѣ. Въ примѣненіи къ этой послѣдней именно новое время доставило самокритикѣ высокое значеніе и рѣшительное вліяніе; для него болѣе и болѣе недостаточною и сомнительною становилась всякая дѣятельность, которая не могла вынести огня этой критики,—оно все болѣе, какъ показалъ намъ это Кантъ, прилагало ее къ внутренней ткани жизни. Но какъ можетъ критика перешагнуть неуверенное состояніе простаго субъективнаго разсужденія и какъ она можетъ вызвать что-либо новое, если природа человѣка не носитъ въ себѣ мѣры, стоящей выше всякаго личнаго мнѣнія и произвола, по которой можно испытывать и усовершенствовать человѣческую дѣятельность? Здѣсь нельзя не видѣть расхожденіе жизни, выступленіе новаго рода, появленіе высоты въ собственной сферѣ человѣка.

Такимъ образомъ въ человѣкѣ происходитъ раздѣленіе, а вмѣстѣ съ нимъ многоразличныя затрудненія. Но именно это раздѣленіе даетъ возможность подъемомъ самостоятельной духовности преодолѣть ту пропасть, которая въ противномъ случаѣ препятствуетъ всякому духовному творчеству,—пропасть между человѣкомъ и міромъ. И мы убѣ-

дились, что ни здѣсь, ни тамъ нельзя упрочить и завершить жизни, что вынужденнымъ становится объединеніе обонхъ. Но внѣшнимъ образомъ ихъ отнюдь нельзя сплотить,—такимъ образомъ они должны быть непосредственно соединены. А это становится возможнымъ лишь вслѣдствіе указанной самостоятельности духовной жизни и ея откровенія въ человѣкѣ. Ибо возвыситься до нея въ такомъ случаѣ означаетъ—перемѣститься въ космическую жизнь, которая оказывается не чуждой, но нашей собственной жизнью. Такимъ образомъ содержаніе этого міра можетъ сдѣлаться собственнымъ переживаніемъ людей и его движущія силы могутъ опредѣлять ихъ непосредственно,—и обратно, что происходитъ въ людяхъ на той высотѣ, то имѣетъ мѣсто въ мірѣ, измѣняетъ его состояніе и имѣетъ для него цѣнность. Здѣсь человѣкъ смѣетъ быть убѣжденнымъ, что онъ своимъ успѣхомъ споспѣшествуетъ и цѣлому, что значеніе его работы и его борьбы переливается чрезъ него самого въ положеніе этого цѣлаго.

Такое признаніе духовнаго міра въ человѣкѣ вмѣстѣ съ требованіями, которыя ставитъ его реализація, позволяетъ ожидать весьма значительныхъ измѣненій въ образѣ нашей души и нашихъ дѣйствій. Но прослѣдить эти измѣненія въ ширину не составляетъ нашей задачи, мы должны лишь изслѣдовать вопросъ, приноситъ ли этотъ поворотъ для нашей жизни возвышеніе, безъ котораго невозможно достигнуть смысла и цѣнности, и удостовѣряется ли самъ этотъ поворотъ тѣмъ свѣтомъ, который онъ бросаетъ на нашу жизнь, и тою силою, которую онъ въ ней пробуждаетъ. Ибо единственно въ этомъ можетъ быть положительное доказательство главнаго тезиса.

2) Развитие.

Если мы бросимъ взглядъ на предыдущія изслѣдованія и обсудимъ данное въ нихъ доказательство неудовлетворительности и непрочности современнаго состоянія жизни, то предъ нами выступаютъ именно три пункта, по которымъ требуется дальнѣйшая работа мы нуждаемся въ твердой точкѣ опоры, во внутреннемъ укрѣпленіи жизни, мы нуждаемся въ самодѣятельности, въ собственномъ дѣйствіи и творчествѣ, мы нуждаемся въ подъемѣ надъ мелко-человѣческими интересами; въ возвеличеніи нашей жизни, если

должны быть обрѣтены смыслъ и цѣнность нашей жизни. Посмотримъ теперь, можетъ ли жизнь, которая возникаетъ въ насъ изъ признанія самостоятельнаго духовнаго міра, выполнить эти требованія, дѣлая жизнь крѣпче, свободнѣе и возвышеннѣе, а вмѣстѣ со всѣмъ этимъ ведя ее отъ той пустоты, которая нынѣ въ ней чувствуется, къ умиротворяющему содержанію.

3) Укрѣпленіе жизни.

Раздвоеніе и неувѣренность появлялись въ современномъ чувствѣ жизни, лишь только ставился вопросъ о точкѣ опоры и исходномъ пунктѣ жизни. Что одно направленіе объявляло неприкосновеннымъ, то оспаривалось и низвергалось другими съ равною силою убѣжденія: вышній міръ, вслѣдствіе двоякаго истолкованія его, ввергалъ насъ въ неувѣренность, а непосредственное существованіе бросало насъ отъ міра къ человѣку и отъ человѣка къ міру и сверхъ того оставляло насъ въ колебаніи то между природой и интеллектомъ, то между индивидомъ и обществомъ. При этомъ вопросъ объ исходномъ пунктѣ никоимъ образомъ не есть вопросъ чисто формальный: выборъ, который здѣсь совершается, имѣетъ также рѣшающее значеніе и для предѣльной точки и направленія цѣлаго, имѣетъ также рѣшающее значеніе и для того, что должно считаться главнымъ дѣломъ и что второстепеннымъ. Сколь сильно вліяло и на содержаніе жизни то обстоятельство, что античное мышленіе начинало съ міра и отъ него переходило къ человѣку, тогда какъ новѣйшее мышленіе принимало человѣка за архимедовскую точку и изъ этого пункта отваживалось начертывать построеніе вселенной: тамъ жизнь болѣе наивная, чувственно окрашенная, ищущая синтеза, завершающаяся въ эстетическомъ созерцаніи; здѣсь энергичное разложеніе дѣйствительности и болѣе проникающая рефлексія, пронизывающая всю дѣйствительность мыслительною работою. Такимъ образомъ нельзя не видѣть важнаго значенія проблемы.

Современныя затрудненія дѣйствуютъ на чувство всею своею тяжестью. Отъ внутренняго укрѣпленія жизни мы никакъ не можемъ отказаться, если мы не хотимъ остаться въ зависимости отъ случайнаго хода впечатлѣній. Но не обратится ли это укрѣпленіе въ неподвижное закрѣпленіе,

и не загоняетъ ли оно жизнь неизбѣжно на слишкомъ узкую дорогу? Далѣе, историческій опытъ человѣчества не сдѣлалъ ли невозможными самыя близкія возможности? Возможность начинать съ міра новое время разрушило своимъ сознательнымъ предпочтеніемъ и болѣе усиленнымъ развитіемъ субъекта, а его собственная попытка,—придать значеніе архимедовской точки субъекту или какому-либо центру въ немъ, мышленію или нравственному поведенію, болѣе и болѣе теряетъ убѣдительную силу. Крѣпкій пунктъ, съ котораго жизнь приводилась бы въ порядокъ и формировался бы образъ реальности, человѣкъ могъ бы образовать лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ самъ составлялъ неоспоримое средоточіе дѣйствительности; если же онъ его не составляетъ, то было бы надменностью—начинать съ него стройку, надменностью, за которую скоро пришлось бы заплатить неудовлетворительностью жизненной формаціи и неувѣренностью въ собственномъ предпріятіи. Такимъ образомъ обычный взглядъ не можетъ отдѣлаться отъ неувѣреннаго колебанія между двумя путями.

Признаніе самостоятельной духовной жизни въ человѣкѣ ведетъ къ новому взгляду. Противоположность міра и человѣка здѣсь, какъ было показано, принципиально одолевается; движеніе здѣсь можетъ быть одновременно и открытіемъ міра и собственнымъ переживаніемъ человѣка. Но, далѣе, жизнь здѣсь пріобрѣтаетъ реальность въ себѣ самой оттого, что она себя отодвигаетъ за черту отдѣльныхъ душевныхъ поступковъ и складывается въ самостоятельный комплексъ; ея собственное образованіе, ея охватываніе и одоленіе противоположностей субъекта и объекта въ полнотѣ дѣятельности составляетъ фактъ фундаментальнаго характера; здѣсь происходитъ процессъ, въ которомъ содержатся своеобразныя сочетанія, направленія и цѣли,—ткань реальности, которая не можетъ возникнуть просто изъ способностей человѣка, но обладаетъ несомнѣннымъ превосходствомъ надъ нимъ. Это и составляетъ прежде всего основной фактъ, доставляющій нашему убѣжденію и нашему стремленію исходный пунктъ и опору: появленіе такой, обладающей самобытностью и полнотою дѣятельности, жизни въ области человѣка. Въ чемъ бы ни раскрывалось у него духовное движеніе, всегда эта жизнь образуетъ опорный пунктъ, на

которомъ оно основывается; всякое духовное стремленіе, даже безъ вѣдома и воли дѣйствующаго, содержитъ переворотъ наличнаго положенія и перемѣщеніе на этотъ опорный пунктъ. Даже прямое отрицаніе всякой духовности, которое проповѣдуется матеріализмомъ, не можетъ выступать въ качествѣ истины, не становясь на этотъ же опорный пунктъ.

Признаніе такого жизненнаго процесса не можетъ послѣдовать безъ того, чтобы жизнь наша не пріобрѣла большей глубины; при такомъ углубленіи и отодвиганіи она достигаетъ въ себѣ самой гораздо больше реальности и одновременно она, какъ цѣлое, становится гораздо болѣе проблемой, чѣмъ при обычномъ образѣ мышленія, который считаетъ фактами лишь отдѣльныя дѣйствія, возникающія отъ сношеній съ средою. Но если жизненный процессъ по общей сторонѣ своего характера составляетъ фундаментальный фактъ, то въ ближайшихъ чертахъ своего полного образованія онъ оказывается для человѣка безмѣрной задачей. До этого полного образованія человѣкъ не можетъ дойти помимо всемірно-исторической работы и безъ уясненія цѣльнаго образа ея опытовъ; а къ чему это приводитъ, то оказываетъ рѣшающее вліяніе на пониманіе и объясненіе всего прочаго, что случается: лишь этимъ дается всей дѣятельности опредѣленное направленіе. Такимъ образомъ, позади того, что мы обычно называемъ жизнью, лежитъ болѣе глубоко уходящая жизнь, душа жизни; эта основная жизнь и ставитъ намъ важнѣйшія задачи, и открываетъ намъ также наиболѣе значительные факты. Чѣмъ болѣе эти факты выявляются, сочетаются между собою и другъ друга поддерживаютъ, тѣмъ болѣе то укрѣпленіе, котораго наше существованіе достигаетъ отъ принципиальнаго признанія такой обладающей самобытностью жизни, можетъ сообщиться всей его широтѣ и чрезъ то усилиться само въ себѣ.

Обычный взглядъ по этимъ вопросамъ не можетъ не казаться философскому размышленію грубымъ. Онъ заботится лишь о томъ, что случается, а какъ случается—это кажется чѣмъ-то само собою разумѣющимся, однообразно совершающимся во всѣ времена. Въ дѣйствительности это какъ есть самое важное изъ всего, оказывающее рѣшительное вліяніе на все направленіе жизни и, значитъ, также на получающееся содержаніе жизни, ея что. Посмотримъ, на-

примѣръ, на рядъ великихъ мыслителей, какъ они проходятъ предъ нами въ исторической послѣдовательности. Рассматриваютъ и обсуждаютъ результаты ихъ изслѣдованія, ихъ отвѣты, и забываютъ, что они обычно ставили вопросы каждый по своему, даже весьма различно, и что такая постановка вопросовъ вліяла на весь ходъ ихъ работы,—что даже нельзя было отвѣчать иначе, послѣ того какъ ставился извѣстнымъ образомъ вопросъ. Съ признаніемъ такого значенія за постановкой вопроса становится яснымъ, что важнѣе всего, что получается при философскомъ изысканіи, есть то, чѣмъ бываетъ философское изысканіе само въ себѣ, а это тотчасъ же приводитъ насъ къ положенію, занимаемому философіей въ жизненномъ процессѣ, откуда выясняется, что самое начертываніе философской проблемы обнимаетъ опредѣленные факты, указываетъ на извѣстное направленіе жизни,—приводитъ къ основному стволу жизни и научаетъ, что его обезпеченіе есть наиважнѣйшій фактъ.

И вотъ—доступные пункты для распознаванія этого основного ствола намъ и доставляетъ всемірно-историческая работа человѣчества. Здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстныя движенія,—движенія, говоримъ мы, а не готовые факты. Но эти движенія, поскольку они возвышаются надъ всякимъ чисто субъективнымъ мнѣніемъ и стремленіемъ, непосредственно суть и факты; такъ какъ они открываютъ намъ специфическую способность духовной жизни, они могутъ намъ болѣе и болѣе поразсказать о ней и, постепенно отодвигая случающееся, давать нашей жизни все болѣе широкую и болѣе прочную основу. Напримѣръ, человѣкъ ищетъ исторіи въ собственномъ смыслѣ слова, она для него не есть просто пробѣгающій рядъ событій, формированіе позднѣйшаго подъ вліяніемъ предшествующаго, но онъ хотѣлъ бы прошлое, которое внѣшне миновало, удержать внутренно или, если оно ослабло, снова ввести въ употребленіе, онъ объемлетъ отдѣльныя времена въ общемъ образѣ, старается въ смѣнѣ временъ выдѣлить что-либо пребывающее и, оживляя это пребывающее, добыть для собственной жизни не зависящее отъ времени настоящее: развѣ не доказываетъ такого рода дѣланіе, хотя оно еще остается не окончаннымъ, развѣ возможность исторіи въ этомъ смыслѣ не доказываетъ специфической способности духа, и развѣ не нужно выра-

батывать эту способность болѣе отчетливо, чѣмъ это обычно бываетъ? Но такимъ образомъ всѣ отдѣльныя области жизни, каковы религія и мораль, искусство и наука, должно было бы ближе рассмотретьъ въ томъ отношеніи, въ какой степени они своимъ возникновеніемъ и ростомъ свидѣтельствуютъ о духовной жизни; каждая изъ этихъ областей прежде всѣхъ фактовъ, появляющихся въ ходѣ ихъ историческаго развитія, образуетъ болѣе первоначальный фактъ, въ которомъ специфически раскрывается цѣльность духовной жизни. Пусть, на примѣръ, отдѣльныя религіи въ своихъ ближайшихъ чертахъ еще столь значительно расходятся между собою,—всякому различію предшествуетъ первоначальный фактъ религіи вообще: онъ заставляетъ насъ чувствовать въ своей жизни глубокое различіе между низшей и высшей формой, онъ показываетъ развитіе величія и благоговѣнія съ одной стороны, любви и милости—съ другой, онъ открываетъ въ глубочайшей глубинѣ нашей жизни конфликтъ, но онъ открываетъ его, содѣйствуя въ то же время его преодоленію. Къ полному завершенію характера религіи принадлежитъ, далѣе, то, что человѣкъ все, что познаетъ и почитаетъ какъ превосходное, не разрываетъ на разбросанныя части, но объединяетъ въ одно цѣлое, вступаетъ съ этимъ цѣлымъ во внутреннее отношеніе и чрезъ то пріобрѣтаетъ новую жизнь. Какъ при отчетливомъ выявленіи этой сущности религіи наша жизнь обнаруживаетъ въ себѣ самой специфическую основную ткань, такъ и другія области обнаруживаютъ ее подобнымъ же образомъ.

Но раскрытіе духовной жизни не исчерпывается сосуществованіемъ отдѣльныхъ областей; сами эти области получаютъ характеристическое очертаніе лишь въ томъ случаѣ, если цѣлокупный образъ жизни доставляетъ объединяющій ихъ всѣ и проникающій синтезъ и стремится осуществить его въ каждомъ пунктѣ. Этотъ синтезъ не есть внѣшнее совокупленіе, но это преодолевающая раздѣленіе самособранность духовной жизни, которая создаетъ новую почву для всякаго поступка. Тѣмъ или другимъ направленіемъ этого синтеза опредѣляется своеобразный характеръ культурныхъ эпохъ. Такъ, греческій геній выработалъ жизненный синтезъ художественно-пластическаго направленія и поставилъ созданіе формъ въ центрѣ работы; просвѣщеніе въ

противоположность этому синтезомъ объявило возрастаніе силы и сдѣлало попытку привести въ движеніе все косное. Конечно, всякій синтезъ имѣетъ свои границы, и безконечность жизни въ концѣ концовъ переступаетъ ихъ. Но прежде, чѣмъ принимать въ соображеніе эти границы, должно оцѣнить тотъ фактъ, что вообще послѣдовали такого рода концентраціи въ собственной области жизни, и нужно испытать, какое развитіе духовной жизни таится въ каждой изъ нихъ. При этомъ оказывается разложеніе жизни на два слоя — опредѣленный и неопредѣленный, оказывается колебаніе между ними, движеніе и преуспѣваніе жизни въ себѣ самой, а вслѣдствіе этого образованіе внутренней вмѣстимости для жизни и формированіе дѣйствительности... Каждый отдѣльный синтезъ при этомъ оказывается какъ бы гипотезой жизни высокаго стиля, право которой зависитъ отъ того, насколько ей удастся сломить всякое противодѣйствіе и захватить весь объемъ жизни.

Всякая такая работа заключаетъ въ себѣ отодвиганіе жизни сравнительно съ первымъ впечатлѣніемъ: въ томъ, что казалось простымъ, она показываетъ сложные комплексы, въ мнимо косномъ—жизнь и теченіе, она разбиваетъ застывшія предположенія и обращаетъ ихъ въ живую дѣятельность. Чѣмъ болѣе, такимъ образомъ, возрастаетъ дѣятельность, тѣмъ болѣе явственнымъ становятся связность и стремленіе къ послѣдовательности, тѣмъ болѣе жизнь какъ цѣлое добываетъ сама себѣ основу и пріобрѣтаетъ глубину. Но это углубленіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпленіе, все въ совокупности утверждаетъ убѣжденіе, что въ человѣкѣ возникаетъ жизненный процессъ, который лежитъ выше всякаго субъективнаго произвола и который всякому стремленію индивида придаетъ надежную прочность.

Такое отодвиганіе жизни ставитъ и убѣжденіе человека въ цѣлокупности міра на болѣе широкую и болѣе твердую основу, чѣмъ это доступно для обычнаго интеллектуальнаго пониманія. Здѣсь отдѣльныя жизненныя области имѣютъ за собою движеніе цѣлаго и служатъ для него обнаруженіемъ,—мало того, здѣсь каждая изъ нихъ имѣетъ своимъ предположеніемъ убѣжденіе относительно этого цѣлаго, ни въ одной изъ нихъ не можетъ совершаться никакого великаго дѣянія, которое не содержало бы въ себѣ

свидѣтельства о цѣломъ, не представляло бы его собою. Такое убѣжденіе и данный съ нимъ просвѣтъ дѣйствительности были различны по свойству каждой области. Мы видѣли, какъ религія въ корнѣ жизни открываетъ острый контрастъ; дѣлая это, она не можетъ не разрывать и міра, не можетъ не усиливать всѣхъ контрастовъ дѣйствительности. Иной основной опытъ таится въ искусствѣ, таится и въ воспитательномъ дѣлѣ. Ибо искусство совершенно не возможно безъ дружественнаго отношенія и взаимнаго сообщенія между внутреннимъ и внѣшнимъ, безъ преодоленія ихъ противоположности въ жизненномъ процессѣ; такимъ образомъ художественная работа содержитъ въ себѣ свидѣтельство о гармоніи цѣлаго. Также и въ воспитательномъ дѣлѣ предполагается дружественное отношеніе къ дѣйствительности, несмотря на весь разладъ, открываемый въ жизни религіей. Ибо какъ было бы возможно приниматься за это дѣло, какъ была бы возможна полная преданность души этому дѣлу, если бы не было вѣры, что въ человѣкѣ дремлютъ задатки истины и добра и что можно разбудить эти задатки... Подобнымъ образомъ мораль и наука даютъ специфическія воззрѣнія на жизнь и міръ.

Эти различныя воззрѣнія стоятъ рядомъ одно съ другимъ; каждое изъ нихъ имѣетъ склонность сдѣлать господствующимъ свой особенный опытъ, такъ что они неизбежно сталкиваются другъ съ другомъ. Жизни видимо угрожаетъ разладъ, если не удастся выше этихъ отдѣльныхъ областей развитія поставить человѣческое существованіе въ его цѣломъ и съ точки зрѣнія послѣдняго искать какого-бы то ни было согласованія. вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда становится понятнымъ, что индивидъ бываетъ болѣе склоннымъ къ тому или другому взгляду на цѣлое, смотря по тому, въ какой области онъ работаетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ споръ и незаконченность показываютъ полноту жизни, разнообразіе направленій и ступеней въ области человѣческаго существованія. Самыя столкновенія страстностью борьбы свидѣтельствуютъ о той энергіи, съ какою жизнь стремится принять объединяющій характеръ. Здѣсь, несомнѣнно, мы становимся выше всего, что можно назвать простой рефлексіей.

Итакъ выясняется, что жизнь можетъ получить увѣренность и крѣпость не чрезъ отношеніе къ какому-либо

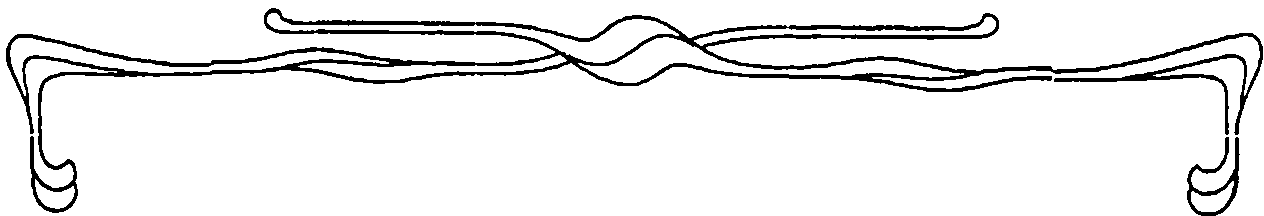
внѣ ея лежащему бытію, вообще не отвнѣ,—она можетъ приобрести ихъ только въ себѣ самой, и она можетъ достигнуть этого не укрѣпленіемъ какого-либо отдѣльнаго пункта, но только тѣмъ, что она объединяется въ одно цѣлое, внутренно расчленяется, изъ себя вырабатываетъ ткань дѣйствительности, а вслѣдствіе всего этого приобретаетъ вмѣстѣ съ неизмѣримой полнотой и надежную самобытность. Но молчаливымъ предположеніемъ всего этого служитъ то, что въ основѣ человѣческихъ усилій лежитъ самостоятельная духовная жизнь; иначе все это движеніе остается неразрѣшенной загадкой и никогда не можетъ стать дѣломъ полного убѣжденія и преданности.

Что сказано о цѣломъ, то имѣетъ значеніе и для отдѣльныхъ носителей жизни: культурныя эпохи, народы, индивиды получаютъ прочность въ убѣжденіяхъ и бодрость въ поведеніи только отъ внутренней гармоніи ихъ жизни; только она можетъ устранить сомнѣнія и указать поведенію его направленіе. Если жизни недостаетъ такой аксіоматической необходимости, такого внутренняго укрѣпленія и вмѣстѣ вѣры въ себя, то и великія дарованія не предохраняютъ ея отъ неуверенности и бесплодности. Это-то, главнымъ образомъ, даетъ простымъ натурамъ превосходство надъ сложными. Итакъ дѣло неуклонно сводится къ тому, что жизнь можетъ приобрести крѣпость только изнутри и отъ цѣльности своего собственнаго движенія, но что такого рода укрѣпленіе всегда имѣетъ предположеніемъ самостоятельность духовной жизни.

М. Т.—вз.

(Продолженіе будетъ).

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

(Продолженіе *).

III.

Касаясь теософическаго движенія въ Россіи, прежде всего нужно сказать, что теософія, какъ и вездѣ, могла и можетъ развиваться только въ средѣ болѣе или менѣе интеллигентныхъ классовъ. Причина этого въ ея отвлеченномъ характерѣ. И нужно думать, что народъ нашъ, любящій религіозную вѣру, сердечную и горящую, а не вѣру холодную и отвлеченную, не приметъ теософіи. Правда, онъ знаетъ домового, лѣшаго, русалку, нетопыря, оборотня—этихъ, назовемъ, матеріализованныхъ духовъ что ли теософіи. Но онъ не только не признаетъ за ними религіознаго значенія, но видитъ въ своей религіозной вѣрѣ несомнѣнное средство противъ нихъ. Колдунъ и волшебникъ въ понятіи народномъ—безрелигіозный, отдавшій свою душу дьяволу, челоуѣкъ. Правда и то, что народъ любитъ таинственное и сверхъестественное въ области религіи, любитъ мистическіи вѣрованія и изліянія, находитъ въ нихъ свои утѣшенія и отраду сердца, но онъ высшій источникъ видитъ ихъ въ живомъ Богѣ и Его откровеніи. Этого живого Бога онъ ищетъ въ церковной вѣрѣ, въ монашескомъ подвижничествѣ, въ странничествѣ и въ юродствѣ. Бываетъ, что онъ ищетъ его внѣ Церкви, въ различныхъ сектахъ, даже въ грубыхъ хлыстовскихъ Данилѣ Филипповѣ, Иванѣ Сусловѣ и подобныхъ имъ. Но въ теософіи онъ не найдетъ

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 21 за 1910 годъ.

своего живого Бога, „Господа-Батюшку“, „Пречистую Матюшку-Богородицу“, своего „Николу-Угодника“, безъ которыхъ его религіозный умъ и сердце жить не могутъ. Здѣсь эти безусловно дорогія ему лица имѣютъ лишь очень относительное значеніе.

Другое дѣло интеллигентные и полуинтеллигентные, часто декаденствующіе классы. Оторвавшись отъ народно-религіознаго міросозерцанія, они представляютъ изъ себя томящуюся, разочарованную, тоскующую душу. Церковная вѣра не удовлетворяетъ ихъ, потому что они видятъ въ ней не источникъ высокаго блага и счастья въ самой себѣ, а единственно благо личное или расширенно-личное, общественное благо. Томиться же и мучиться можно за это личное или расширенно-личное благо. Но нѣтъ надобности религіозно томиться и мучиться тому, кто въ вѣрѣ церковной постигъ благо и счастье въ самой себѣ. Конечно, я говорю объ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ классахъ только постольку, поскольку они представляютъ изъ себя подходящій объектъ для развивающейся у насъ теософіи.

Въ частности относительно этого послѣдняго обстоятельства нужно сказать и слѣдующее.

Буддизмъ, которымъ ярко окрашена теософія Блаватской и Безантъ, не есть что либо у насъ совершенно новое. Въ нашей литературѣ уже давно время отъ времени слышались и слышатся сюжеты и мотивы буддизма. Въ послѣднее время Фофановъ, Мережковскій, Минаевъ, Шелли въ переводѣ Бальмонта, Арнольдъ и др, достаточно хорошо знакомятъ въ своихъ произведеніяхъ русское общество съ буддизмомъ. Даже такіе писатели, которые, по словамъ Влад. Серг. Соловьева, и не интересовались буддизмомъ, напр. графъ Голенищевъ-Кутузовъ, какъ бы непроизвольно въ своихъ произведеніяхъ выражаютъ буддійское настроеніе ¹⁾. Съ другой стороны, символическій тонъ и стиль нашихъ современныхъ писателей, мрачный и безнадежно ноющій характеръ самыхъ произведеній, безобразная чудовищность и эксцентричность ихъ героевъ роднитъ читающіе слои русскаго общества съ мрачнымъ характеромъ буддизма.

Далѣе, мистицизмъ, которымъ характеризуютъ теософію

¹⁾ Собр. Соч. Т. VI, 432.

Блаватской и Безантъ, можетъ находить въ Россіи тоже достаточную почву или подпочву въ средѣ нашихъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ классовъ. Спиритизмъ мистическій Бутлерова и Аксакова, бывшее общество Татариновой сами собой говорятъ за это.

Самое же главное, общественно-политическая и религіозно-церковная рознь послѣдняго времени могутъ только содѣйствовать усиленію у насъ теософическаго движенія. И нужно сказать, что Безантъ очень спѣшитъ воспользоваться въ Россіи этими мучительными политическими и церковными раздорами, чтобы въ томящуюся душу русскихъ людей влить одурманивающее теософическое настроеніе.

Нѣкогда Блаватская старалась привить Всев. Серг. Соловьеву свои теософическія убѣжденія, надѣясь чрезъ него познакомить читающую его романы публику съ своими идеями. И сама она несомнѣнно съ той же цѣлью печатала въ Русскомъ Вѣстникѣ извѣстныя „Изъ пещеръ и дебрей Индостана“ и „Загадочныя племена Голубыхъ горъ“. Послѣ ея смерти Г. Желиховская печатаетъ о ней статьи, съ цѣлью вызвать въ русской публикѣ интересъ къ идеямъ. Но эти идеи долго не прививались русскому обществу. Бывали, впрочемъ, нѣкоторые единичные случаи сочувствія и раздѣленія этихъ идей, въ родѣ Г. Желиховской, но и только. Въ настоящее же время перемѣнились условія общественной и государственной жизни, и Г. Безантъ дѣлаетъ въ Россіи то, что не могла сдѣлать на своей родинѣ Е. П. Блаватская ¹⁾. При послѣдней и отдѣльными личностямъ не прививалась теософія, въ настоящій же моментъ появляются въ крупныхъ центрахъ цѣлые кружки сочувствующихъ теософіи лицъ.

Эти кружки обѣщаются работать въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ въ пользу теософіи и дѣйствительно работаютъ. Изъ „Вѣстника Теософіи“ за 1909 г. № 2 видно,

¹⁾ Конечно, мы разумемъ здѣсь не личную дѣятельность Г. Безантъ, хотя въ смыслѣ распространенія ея идей въ ея сочиненіяхъ, печатающихся въ русскихъ теософическихъ журналахъ, и эту дѣятельность нельзя отрицать. Но мы разумѣемъ ея дѣятельность въ Россіи постольку, поскольку она является президентомъ Теософическаго Общества центральнаго и служитъ общимъ руководителемъ его дѣятельности во всѣхъ странахъ, не исключая и современной Россіи.

что нѣкоторые лица изъ кружка сочувствующихъ теософiи выступали и выступаютъ съ популярными лекціями. Такъ, 11-го января въ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ состоялось открытое собраніе Россійскаго Теософическаго Общества, на которомъ А. В. Унковская изъ Калуги сдѣлала докладъ о цвѣто-звукахъ. Въ Кіевскомъ религіозно-философскомъ обществѣ о. Радецкимъ былъ прочитанъ докладъ „О современномъ теософическомъ движеніи“, въ которомъ докладчикъ обѣщаетъ теософiи, объединяющей мистическое и раціональное познаніе, великое будущее. 20-го января въ С.-Петербургскомъ религіозно-философскомъ обществѣ былъ прочитанъ докладъ Д. В. Философовымъ: „Богоискательство и богостроительство“. Докладчикъ людей религіознаго сознанія именуеть „богоискателями“, а людей, видящихъ Бога въ осуществленіи лучшаго порядка вещей на землѣ, „богостроителями“. Между первыми, подъ которыми разумѣются теософы, и вторыми—людьми позитивистическаго направленія, еще не состоялось пониманія другъ друга, но докладчикъ надѣется, что оно будетъ.

Въ томъ же обществѣ 30-го января состоялся рефератъ В. Иванова: „Русская Идея“, о которомъ, къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній въ имѣющихся у насъ подъ руками теософическихъ журналахъ. 28-го января въ большой аудиторіи Соляного Городка А. Каменская прочитала лекцію „Основные ученія Теософiи и законы высшей жизни“¹⁾.

24-го января въ Петербургѣ въ религіозно-философскомъ обществѣ также А. А. Каменская, въ качествѣ члена теософическаго общества, прочла докладъ: „Теософiя и богостроительство“. Она старается опровергнуть опредѣленіе теософiи, какъ необуддизма, и опредѣляетъ теософiю, какъ вселенскій научно-религіозный синтезъ, основывающійся на религіозномъ эзотеризмѣ всѣхъ народовъ и временъ²⁾.

Трудно сказать опредѣленно, простирается ли дѣятельность теософическихъ кружковъ въ Россіи на какую либо большую и сокровенную область помимо внѣшней пропаганды теософическихъ идей. Есть однако основаніе думать, что все пишущееся въ теософическихъ журналахъ составляетъ только внѣшнее философское изложеніе содержанія теосо-

¹⁾ 81—83 стр.

²⁾ Колоколь 1909 г. № 1114, 4.

фическаго ученія. Но по различнымъ оккультно-ментальнымъ молитвамъ ¹⁾ можно думать, что въ теософiи содержится много сокровеннаго и неподлежащаго виѣшнему наблюденію культативнаго элемента. А Розенбахъ свою статью о теософiи Блаватской въ брошюрѣ „Современный Мистицизмъ“ прямо озаглавливаетъ теософскіи культъ ²⁾.

Какъ видно изъ „Теософическаго Обзорѣнія“, кружокъ теософовъ существуетъ и въ Москвѣ. Но какъ онъ великъ, изъ кого существуетъ и въ чѣмъ заключается его дѣятельность,—намъ пока не извѣстно ³⁾. Можно только *дѣлать догадки*, что къ этому кружку могутъ примыкать нѣкоторые изъ лицъ, группирующихся около редакціи Московскаго „Спиритуалиста“ ⁴⁾. Также несомнѣнно сюда принадлежатъ

¹⁾ См. „Теософская Жизнь“ 1908 т. № 1. Ментальная организація. 45 стр.

²⁾ Стр. 32. Конечно, съ опредѣленной увѣренностью этого сказать мы не можемъ.

³⁾ Впрочемъ временами извѣстія объ этихъ членахъ появляются. Такъ І. Келлетъ изъ Смоленска сообщаетъ въ своемъ докладѣ Смоленскому Теософическому Обществу, что былъ въ Москвѣ, въ февраль 1906 г. и по порученію одной интеллигентной семьи смоленскій велъ бесѣды о психофизическихъ явленіяхъ и дѣлалъ опытъ передачи мысленной энергіи. См. „Христіанинъ“ 1910 годъ, Май 94—5 стр.

⁴⁾ Что дѣйствительно такія догадки можно дѣлать, мы сейчасъ увидимъ. Лѣтомъ прошлаго 1909 г. намъ случайно пришлось слышать бывшаго спирита Ш..., который, по его словамъ, былъ нѣкогда увлеченъ спиритизмомъ и долго мучился этимъ. Отъ спиритизма онъ все таки послѣ долгихъ нравственныхъ усилій отсталъ, но заинтересовался оккультизмомъ, и даже достигъ 21 или 22 оккультныхъ абилитровъ—это особыя степени оккультнаго знанія и, нужно сказать сравнительно низшія. Мы знаемъ Г-жу Д., которая достигла 53, теперь даже 57 абилитра и которая, кстати замѣтить, весьма равнодушно и даже холодно относится къ оккультизму. Г. Д. сообщала намъ о своей пріятельницѣ Г. З., весьма рьяной оккультисткѣ, но абилитрамъ стоящей ниже ея, но превзошедшей первую по внутреннимъ переживаніямъ. Недавно Г. З. писала Г. Ш., что она рѣшилась покончить и разстаться съ оккультизмомъ, такъ какъ одинъ изъ Московскихъ старцевъ запрещаетъ это. При этомъ Г. З. обѣщается выработать свое міровоззрѣніе или „міросозерцаніе“. Недавно она писала своей пріятельницѣ Г. Д.: „прошу Васъ, при случаѣ просадить 1 р. 50 к. на пріобрѣтеніе книгъ: „Древняя Мудрость“ Анны Безантъ (Предсѣдатель Міроваго Теософическаго Общества). Къ этой книгѣ я могла бы прибавить лишь обильныя дополненія, объясне-

всѣ, занимающіеся изученіемъ оккультныхъ наукъ, независимо отъ теософическаго общества. Можетъ быть даже сюда принадлежатъ и лица, занимающіяся такимъ изученіемъ гипнотизма, месмеризма и другихъ этого рода явленій, которое распространяетъ въ Москвѣ такъ называемый „Нью-Йорскій институтъ знаній“. Въ общемъ, однако, все это догадки и предположенія на основаніи тѣхъ или другихъ впечатлѣній.

Но вотъ предъ нами уже нѣчто весьма опредѣленное. Это Смоленское Теософическое общество, открытое 30-го іюля 1907 г. О немъ можно смѣло говорить на основаніи напечатаннаго въ „Теософской Жизни“ „Отчета о дѣятельности Смоленскаго Теософическаго Общества за 1-й годъ его существованія (30 іюля 1907 г.—30 іюля 1908 г.)“.

Первоначально общество состояло изъ 14 членовъ учредителей, которые выработали новый уставъ общества, приблизительно схожій съ уставомъ такихъ же обществъ за границей. вмѣстѣ съ тѣмъ общество стало издавать ежемѣсячный журналъ „Теософская Жизнь“. Открытъ былъ пріемъ заявленій отъ желающихъ поступить въ члены. Съ цѣлью рекламированія общества и журнала печатались осо-

нія и внести крошечныя поправки, но вся она вообще стоитъ не только *son raid d'ur*, а „и брилліантами ее неуравновѣситъ“... Въ нашемъ присутствіи между Ш. и Г. Д. произошелъ обмѣнъ мнѣній по оккультизму и они оказались въ этомъ до нѣкоторой степени солидарными. Но въ то время какъ Г. Д. о теософіи не имѣетъ никакого понятія, Г. Ш. при разговорѣ случайно выдалъ свое знакомство съ теософіей Блаватской. Онъ между прочимъ совѣтовалъ намъ прочесть въ объясненіе оккультныхъ переживаній „Сокровенную философію Индіи“ брамина Чаттерджи. Это послѣднее и показало намъ, съ одной стороны, что Г. Ш. собственно исповѣдуетъ теософію Блаватской, а съ другой,—что онъ заинтересованъ оккультизмомъ вообще лишь постольку, поскольку теософія восточныхъ преданій, т. е. теософія Блаватской, соприкасается съ нимъ и поскольку она допускаетъ лицу, исповѣдующему ее, имѣть свои личные абилитры западнаго оккультизма. Мы подробно остановились на Г. Ш., чтобы показать, какъ могутъ спириты, раздѣляющіе взгляды „Московского спиритуалиста“, переходить къ теософіи или даже заниматься послѣдней при своихъ спиритическихъ воззрѣніяхъ. Въ редакціи „Московского Спиритуалиста“ можно найти даже книгу Е. П. Блаватской „Голосъ Безмолвія“. Это показываетъ, что изъ кружка лицъ, группирующихся около названной редакціи, существовали и существуютъ требованія на названную книгу Блаватской.

бые листы съ программой и краткими о нихъ свѣдѣніями. Образованъ былъ при обществѣ и благотворительный кружокъ, дѣятельность котораго ограничивалась въ виду крайней скудости средствъ городомъ Смоленскомъ. Общество возбудило предъ Св. Синодомъ ходатайство о разрѣшеніи допускать въ общество священно-церковно служителей. Но Св. Синодъ справедливо не разрѣшилъ духовенству принимать участіе въ обществѣ, и хотя указомъ своимъ отъ 25 апрѣля 1908 г. за № 4761 не находить будто бы дѣятельность общества противонаравственной, противохристіанскою или грѣховною, но называетъ ее чуждою православному христіанскому ученію. Послѣ этого, по словамъ отчета, вышелъ изъ общества по приказанію духовнаго начальства членъ учредитель, архимандритъ о. Игнатій. Общество при посредствѣ сочувствующихъ лицъ и членовъ предприняло рядъ лекцій, въ которыхъ съ одной стороны выясняются и развиваются идеи его, а съ другой ведется борьба противъ грубаго матеріализма человѣческой природы и разоблачаются вредъ и продѣлки гипнотизеровъ. Среди членовъ общества образовалась ментальная группа на предметъ моральнаго улучшенія участниковъ. Отчетъ оканчивается грустнымъ для теософовъ сообщеніемъ, что общество временами переживало тяжелые моменты и что настоящая его дѣятельность теплится скромнымъ огонькомъ лампы¹⁾.

Можно отмѣтить еще теософическое движеніе въ нашей Финляндіи, зародившееся тамъ въ 1897 г. Съ января прошлаго 1908 г. существуетъ Финляндская секція Теософическаго Общества. Въ Гельсинфорсѣ была основана Теософическая бібліотека, въ помѣщеніи которой еженедѣльно собирались желающіе ближе познакомиться съ теософіей. Здѣсь происходили бесѣды и чтеніе рефератовъ на научно-религіозныя темы. 15-го марта въ Финляндіи былъ первый теософскій съѣздъ, на которомъ присутствовало 112 членовъ. Въ настоящее время въ Финляндіи 10 теософскихъ вѣтвей, въ которыхъ работаетъ 350 человѣкъ. Финляндская секція имѣетъ свой журналъ—*Omatunto* (совѣсть). Объ отношеніи общества къ теософіи въ Финляндіи мы находимъ замѣчаніе, что „только крайніе матеріалистическіе и ортодоксаль-

¹⁾ Теософ. Жизнь. 1908 г. № 1. 1—4.

ные органы иногда высмѣиваютъ теософское движеніе и высказываютъ къ нему враждебность“. Очевидно, общество не всегда на него смотритъ съ довѣріемъ даже и въ Финляндіи.

Въ общихъ чертахъ таково теософское движеніе въ Россіи. Оно не велико, но проявляетъ дѣятельность и стремленіе къ усиленной пропагандѣ.

IV.

Современная литература русскаго теософическаго движенія сравнительно не велика, если принять во вниманіе вообще довольно богатую литературу всего теософическаго общества во всемъ мірѣ. Однихъ теософическихъ журналовъ выходитъ на всѣхъ языкахъ около 50-ти. Но въ Россіи теософія только начинаетъ развиваться; соотвѣтственно этому и ея литература также въ началѣ своего развитія. Изъ журналовъ спеціально теософскаго направленія нужно отмѣтить: 1) Вѣстникъ Теософіи—религіозно-философскій журналъ; 2) Теософическое обозрѣніе—журналъ, посвящаемый братству человѣчества, теософіи, изученію этики, философіи, наукъ и искусствъ. Оба эти журнала издаются въ Петербургѣ. Къ нимъ нужно присоединить еще „Сборникъ статей по теософіи“, выпускъ 1-й 1907 г. и выпускъ 2-й 1910 г. Сборникъ издается съ цѣлью познакомить русскую читающую публику съ теософіей.

Въ Смоленскѣ, какъ мы уже выше говорили, издается „Теософская Жизнь“—ежемѣсячное изданіе, посвящаемое теософическому движенію и изученію философіи, наукъ и религіи.

На всѣхъ этихъ журналахъ мы найдемъ эмблему Теософскаго Общества, распятый змій, который символизируетъ посвящаемого, побѣдившаго свое низшее начало во имя высшаго ¹⁾. Точно также на журналахъ Петербургскаго изданія мы найдемъ девизъ Общества.—Это извѣстныя слова Е. П. Блаватской: „Нѣтъ религіи выше истины“.

¹⁾ Говорятъ, что это древній символъ и масоновъ. Такъ ли это въ дѣйствительности, мы съ опредѣленностью не можемъ сказать. Можемъ лишь сказать, что, по мнѣнію проф. Глубоковскаго, нѣкоторые пункты „Теософическаго Общества“ поразительно сходны съ положеніями масонства. См. ст. „Теософическое Общество и современная теософія“. „Вѣра и Разумъ“ 1888 годъ. № 8 Апрель. Кн. 2-я. 558 с.

Большинство статей въ журналахъ принадлежитъ перу Анны Безантъ и онѣ усиленно рекламируются въ русскомъ обществѣ нашими теософами. Статей съ русскими фамиліями очень немного.

Можно указать на статьи, обращающія на себя вниманіе: 1) а, „Съ Востока свѣтъ“; б, „Теософія и Новая Психологія“ А. Безантъ; с, „Необходимость перевоплощенія“ А. Безантъ; д, „Карма“ П. Н. Батюшкова; е, „Исканіе Бога“ А. Безантъ; ф, „Противорѣчитъ ли теософія христіанству“? По Безантъ Альба; г. „Голосъ безмолвія Е. Блаватской (Вопросы Теософіи 1907 г.).

2) а, „Главныя теософическія положенія“ Паскаль; б, „Древняя мудрость“ А. Безантъ; с, „Семь началъ человѣка по ученію теософіи“ Д. Страденъ (Вѣстникъ Теософіи 1908 г. № 3).

3) а, „Братство религій“ А. Безантъ; б, „Что такое теософія“ Ф. Гартманъ; с, Православное христіанство, какъ центръ міровой теософіи“ Идеалистъ (Теософическое Обозрѣніе 1907 г. № 1 и 3).

4) а, „лога“ А. Безантъ; б, „Древняя мудрость“ (продолженіе) А. Безантъ; с, „Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ“ Штейнеръ; д, Стихотвореніе, (навѣяно „Апокалипсисомъ“ В. Гарднеръ (Вѣстникъ Теософіи 1909 г. №№ 1 и 2).

Стихотвореній въ Теософическихъ журналахъ встрѣчается немного.

Отдѣльными изданіями на русскомъ языкѣ вышли: 1, „Задачи Теософіи“ Альба; 2, „Голосъ безмолвія“ Е. Б. Блаватской; 3, „Свѣтъ на пути и Карма“, изд. Посредникъ; 4, Сокровенная религіозная философія“ брамана Чаттерджи; 5, „Теософія и Новая Психологія“ А. Безантъ. Въ текущемъ 1910 году обращаютъ вниманіе „Вопросы Теософіи“ (Сборникъ статей) Вып. 2. Въ память Ел. П. Блаватской. Сп. и „Теософія“ Р. Штейнера (Введеніе въ сверхчувственное познаніе міра и назначеніе человѣка). Сп.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ теософическихъ журналовъ и отдѣльных изданіяхъ развивается то исключительное направленіе Теософіи, какое дано ей Е. П. Блаватской и поддерживается ея ученицей А. Безантъ.

По содержанію всей этой литературы, иногда очень не-

опредѣленной, туманной и запутанной, теософическое міросозерцаніе слагается изъ сочетанія мистическаго воспріятія и рациональнаго міропознанія. Буддизму здѣсь отдается преимущество предъ всѣми религіями, и самый тонъ и характеръ теософическаго движенія окрашивается его духомъ и направленіемъ.

Въ смыслѣ языка, стиля, методовъ и формъ мы найдемъ здѣсь иногда безудержное сочетаніе крайней фантастичности содержанія съ внѣшней симметричностью и, пожалуй, стройностью, придающимъ крайне субъективнымъ и ужасно сомнительнымъ построеніямъ видимость связной и мнимо-научной разработанной системы.

Общія начала современной теософіи.

Въ нашей современной теософіи выразилось ея особенное направленіе, основная идея котораго принадлежитъ Блаватской, а послѣдующее развитіе по преимуществу ея ученицѣ Безантъ. И названіемъ теософія Блаватской и Безантъ мы характеризуемъ сущность развивающагося въ Россіи теософическаго движенія.

Эту теософію нужно отличать отъ теософіи въ широкомъ смыслѣ—въ формѣ спиритизма и оккультизма, представители которыхъ встрѣчаются и у насъ въ Москвѣ. Далѣе, наша теософія своимъ направленіемъ отличается и отъ теософіи древней, средневѣковой и новой вообще, хотя и заимствуетъ изъ нея свой корень и общія основанія ¹⁾.

Въ развитіи своихъ идей и методовъ религіозно-философскаго міросозерцанія развивающаяся и у насъ теософія Блаватской и Безантъ достигла самостоятельныхъ доктринальныхъ положеній, которыя выдѣляютъ ее изъ всѣхъ видовъ теософій вообще и даютъ ей право на особенность и оригинальность ея религіозно-философской мысли въ на-

¹⁾ Знакомство съ общимъ представленіемъ теософіи древней, средней и новой можно заимствовать изъ сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьева. Большой знатокъ религіозно-философской мысли и философіи древней, средней и новой, покойный Влад. Сергѣевичъ Соловьевъ въ этомъ отношеніи заслуживаетъ къ себѣ полнаго и глубокаго довѣрія и всецѣлостнаго вниманія. И вообще въ знакомствѣ съ теософіей онъ можетъ служить весьма надежнымъ руководителемъ. Онъ возстаетъ рѣшительно противъ теософіи Блаватской, какъ глубоко разошедшейся съ христіанской теософіей, которую онъ глубочайшимъ образомъ и исповѣдывалъ и переживалъ.

стоящее время. Изложеніемъ этихъ то особенныхъ доктринальныхъ положеній и выводовъ мы и займемся въ настоящее время, конечно-самыхъ главныхъ и только въ систематической формѣ. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду не только сочиненія и мысли ея пионеровъ, но и послѣдующихъ дѣятелей, которые собственно и заняты въ настоящее время распространеніемъ и развитіемъ въ Россіи своихъ теософическихъ идей.

Первоначально при изложеніи доктринъ теософіи мы думали разсматривать ихъ отдѣльно. Но потомъ при ближайшемъ знакомствѣ съ теософіей должны были нѣсколько измѣнить свой планъ, такъ какъ мистическая и раціональная стороны доктринъ такъ перепутываются и переходятъ одна въ другую, что трудно, излагая одну, не касаться другой. При этомъ та и другая понимаются такъ своеобразно и крайне субъективно, что трудно сказать, мистическая это или раціональная сторона.

Въ сущности теософія Блаватской и Безантъ есть чистой воды субъективный раціонализмъ. Что касается мистическихъ выраженій и терминовъ заимствуемыхъ теософами изъ области тѣхъ или другихъ религій, то они представляютъ собою символическое изображеніе той или иной степени познанія и составленія теоріи дѣлъ Божіихъ. Мистическія вѣрованія всѣхъ народовъ—это лишь условныя дисциплины, при посредствѣ которыхъ теософъ вводитъ чело-вѣчество въ область выясняемой имъ высшей истины.

Въ своей книгѣ *The key to Theosophy* (ключь къ теософіи) Блаватская говоритъ, что теософія есть не религія, а божественное знаніе или наука. Теософія составляетъ, по ея объясненію, не мудрость Божію, а божественную мудрость, принадлежащую богамъ. Поэтому, усвоивъ теософію, человѣкъ становится однимъ изъ боговъ. Теософія есть абсолютная истина, есть сущность всѣхъ религій и относится къ нимъ, какъ бѣлый лучъ къ отдѣльнымъ цвѣтамъ спектра ¹⁾,

„Теософія, говоритъ Ф. Гартманъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, есть духовная божественная мудрость, которую знаетъ только тотъ, кто ее постигаетъ. Она есть настоящее познаніе истины, а потому она есть божественная

---

¹⁾ Собраніе Сочиненій Вл. Серг. Соловьева. Томъ VI. Рецензія на кн. Блаватской *The key Theosophy*. 260—2 стр.

мудрость, потому что истинная мудрость въ Богѣ, исходитъ отъ Бога и приводитъ къ Богу“,

При этомъ теософію нельзя смѣшивать съ теологіей. Послѣдняя основывается на откровеніи, а первая на собственномъ вдохновеніи по словамъ Томаса Вохана ¹⁾. Теологія говоритъ о божественномъ свѣтѣ, а первая сама есть этотъ свѣтъ. Теологъ, если онъ не теософъ, знаетъ, а теософъ—можетъ. Одинъ учитъ, а другой дѣйствуетъ. Отсюда недалеко и до вывода—теософъ самъ богъ, потому что онъ владѣетъ божественнымъ свѣтомъ и знаніемъ. Но это было бы слишкомъ просто и слишкомъ наивно. Поэтому теософія приводитъ къ этому выводу на самой послѣдней ступени своего божественнаго самопознанія.

„Когда вся личность твоя, читаемъ мы въ „голосѣ безмолвія Блаватской“, побѣждена и повергнута къ ногамъ учителя, тогда ученикъ сливается съ Единымъ, отождествляется съ Единымъ и пребываетъ въ Немъ ²⁾. Вотъ человѣко-божескій путь теософіи, приводящій человѣка къ обожествленію. Не Богъ сходитъ на землю и соединяется съ человѣкомъ, а человѣкъ восходитъ къ Богу и дѣлается одно съ Нимъ. И этотъ процессъ не единственный въ человѣчествѣ, а постоянный, поскольку оно восходитъ своимъ теософическимъ движеніемъ къ Богу и сливается съ нимъ. И то, что въ теософіи человѣкъ самъ становится богомъ, достигаетъ божественнаго единенія и сосуществованія,—составляетъ глубокой драматизмъ теософической мысли и жизни.“

Однако въ самомъ теософическомъ осуществленіи этого человѣко-божескаго процесса, приводящаго къ обожествленію настоящаго теософа или возвращенію его въ божество изъ проявленнаго состоянія, существуютъ не одинаковыя ступени ³⁾. Существуютъ теософы непосвященные, занимающіеся экзотерическими задачами, именно филантропіей и изученіемъ восточныхъ ученій. И существуютъ посвящен-

¹⁾ Вѣра и Разумъ. 1888 г. Апрѣль. Теософія. общ. и совр. Теософія. Проф. Глубоковскій. 565 стр.

²⁾ Вопросы Теософ. В. 1, 216—17 стр.

³⁾ Нужно замѣтить, что въ теософіи часто слишкомъ рѣзкія для человѣческаго уха выраженія человѣко-обожествленія, божественнаго знанія и мудрости смягчаются и синонимируются выраженіями древняго мудрости, совершенное вѣдѣніе и др.

ные, усвояющіе тайныя знанія и силы, раздѣляющіеся на стремящихся и достигнувшихъ. Только эти послѣдніе истинные мастера своего дѣла и въ собственномъ смыслѣ посвященные, или настоящіе теософисты и оккультисты. Для нихъ нѣтъ чудесъ, они знаютъ и творятъ необычайныя вещи научнымъ образомъ, по тайнымъ законамъ природы. Только внѣшніе непосвященные члены теософическаго общества могутъ вѣрить въ чудеса ¹⁾. Такъ представляется дѣло по катехизису Блаватской.

Такимъ образомъ, для этихъ непосвященныхъ членовъ и существуютъ призраки мистическаго общенія съ божествомъ. Какъ только они достигнутъ степени высшихъ членовъ, они сами становятся творящимъ чудеса божествомъ. И здѣсь вотъ исчезаютъ всякія границы мистическаго и начинается ясное рациональное знаніе.

I.

Въ чемъ же заключается мистическое откровеніе божества въ теософіи?

Божество понимается то какъ абсолютное бытіе, то какъ чистая абстракція ²⁾. Это абсолютное бытіе, Верховное начало, мыслится въ теософіи подъ формою пантеистическаго абсолютнаго, которое, проявляясь въ мірѣ, какъ бы расплывается въ буддійской нирванѣ.

Богъ несравненно великъ и обширенъ, такъ что ни одинъ человѣческой умъ, ни одна религія, какъ бы хороша она не была, не въ силахъ выразить Его безконечнаго совершенства. Вся вселенная не можетъ отразить его. Безчисленные множества міровъ не могутъ исчерпать Его. Имя этого Великаго, Вѣчнаго, Единаго будетъ тогда полно, когда всѣ религіи скажутъ о Немъ свое слово и свою букву (Безантъ) ³⁾.

Вселенная говоритъ собой о проявленной божественной сущности, называемой Логосомъ или Словомъ ⁴⁾.

¹⁾ Вл. С. Соловьевъ, VI, 262.

²⁾ Ibid.

³⁾ Теософ. Обзор. 1907, № 1, 8.

⁴⁾ Терминологія эта заимствуется теософіей изъ Евангелія Іоанна. Вопр. Теософ., 151 стр.

Происходя изъ глубины единого великаго бытія, изъ Первоисточника, превышающаго всякое человѣческое представленіе, Логосъ ставитъ самъ себѣ границы, добровольно очерчиваетъ область своего собственнаго бытія, являясь проявленнымъ Богомъ. Актомъ ограниченія сферы своей дѣятельности, Онъ набрасываетъ внѣшнее очертаніе Своего творенія.

Внутри этой границы проявленный міръ рождается, развивается и умираетъ. Матерія, образующая объективный міръ, есть эманация Логоса, ея силы и энергіи суть токи Его жизни. Онъ пребываетъ въ каждомъ атомѣ, все проникая, все содержа и развивая. Онъ—источникъ и конецъ Вселенной, ея причина и цѣль, ея центръ и окружность. Вселенная построена на Немъ, какъ на твердомъ фундаментѣ; она дышетъ Его жизнью въ очерченномъ имъ пространствѣ. Онъ во всемъ и все въ Немъ. Такъ учатъ охранители древней мудрости о началѣ проявленныхъ міровъ (Безантъ) ¹⁾.

И вотъ звѣзда говоритъ намъ объ Его сіяніи, сіяніи Бога-Солнца всѣхъ солнцевъ. Планета, вращающаяся въ неизмѣнномъ порядкѣ, говоритъ, что такова Его воля. Лѣсъ дышетъ Его красой, гора—Его силой, рѣка—Его оплодотворяющей жизнью, океанъ—Его неизмѣннымъ движеніемъ. Ни одинъ предметъ, ни одно изящное очертаніе, ни богатство красокъ, ни даже сердце, въ которомъ Онъ живетъ, не въ состояніи передать безконечнаго совершенства Высшаго Существа (Безантъ) ²⁾.

Это единство во всемъ Бога теософія усматриваетъ во всѣхъ религіяхъ, не исключая, повидимому, и даже политеическихъ. Только якобы различіе и разнообразіе языка скрываютъ тождество всѣхъ религіозныхъ вѣрованій.

Самораскрытіе Логоса совершается въ трехъ ипостасяхъ. Первый Логосъ—корень бытія; изъ него исходитъ второй раскрывающій обѣ стороны бытія, первичную двойственность, образующую оба полюса природы. Въ предѣлахъ послѣднихъ созидается вся ткань вселенной, жизнь и форма, духъ и матерія, положительное и отрицательное, активное и пассивное, отецъ и мать міровъ. Третій Логосъ—вселенскій разумъ, въ которомъ все уже существуетъ въ идеяхъ.

¹⁾ Вѣст. Теософ. 1908 г. № 3. 11 стр.

²⁾ Теософ. Обзор. 1907 г. № 1, 8.

Онъ же—источникъ всего сущаго, родникъ образующихъ энергій, сокровищница, хранящая въ себѣ всѣ первообразы формъ, которыя въ теченіи міровой эволюціи должны появиться и выработаться въ низшихъ типахъ матеріи. Первообразы эти суть плоды предшествовавшихъ міровъ и они же служатъ посѣвомъ для настоящаго міра (Безантъ) ¹⁾.

Отсюда въ Богѣ можно различать: 1) абстрактный божественный центръ самознанія (1-й или непроявленный Логосъ); 2) противопоставленіе себѣ этимъ міровымъ „я“ своего другого или не я, т. е. первоматеріи (2-й или проявленный Логосъ), и 3) творческій актъ воображенія, создающій идеальный образъ космоса (3-й Логосъ или творческій божественный разумъ, Mahat индусовъ) (Странденъ) ²⁾.

Эта троичность божественнаго проявленія въ отношеніи христіанства толкуется слѣдующимъ образомъ. Теософія видитъ въ христіанствѣ символическое объясненіе этихъ логосовъ.

Троичный Логосъ—Логосъ является въ христіанствѣ подъ видомъ Троицы. Первый Логосъ—источникъ всякаго бытія—Богъ Отецъ. Двойственный по своей природѣ второй Логосъ—Сынъ, Бого-Человѣкъ. Третій, творческій Разумъ—Духъ Святой, воздѣйствіе котораго на воды хаоса вызвало къ жизни видимые міры. (Безантъ) ³⁾.

И эту троичность лицъ въ Богѣ теософія усматриваетъ въ той или иной формѣ во всѣхъ религіяхъ. Безантъ увѣряетъ даже мусульманъ, что у нихъ въ Коранѣ ясно просвѣчиваютъ якобы характерные символы троичности: „Всемогущій, Милосердый и Мудрый“ ⁴⁾.

Не признавая единства Божія и Троичности лицъ единственнымъ достояніемъ какой либо одной религіи, въ томъ числѣ и христіанства, теософія проводитъ свою точку зрѣнія и въ отношеніи къ христіанству. Она признаетъ Божественнаго Основателя христіанства, но она имъ интересуется

¹⁾ Ibid. № 3, 11 стр.

²⁾ Ibid. 40 стр.

³⁾ Вѣстникъ теософіи 1908 г. № 2, 20 стр.

⁴⁾ Теософ. Обзор. 1987 г. № 2, 20 стр.

Такое ученіе вызоветъ несомнѣнно только улыбку у правовѣрныхъ послѣдователей Магомета. Тожественные термины въ отношеніи понятія о божествѣ можно находить во многихъ религіяхъ, но это не дѣлаетъ ученіе о божествѣ однимъ и тѣмъ-же.

столько же, сколько и Кришной, Буддой, Гермесомъ, Моисеемъ, Пифагоромъ и др. Но ея мнѣнію Христось, какъ и они, эти послѣдніе, были одинаково могучіе формовщики умовъ, энергичные будители, спасительные организаторы общества, жившіе только для своихъ идей, всегда готовые на всякое испытаніе и жизнью и дѣятельностью своей создавшіе науки и религіи, литературу и искусство.

Для теософіи въ Основателѣ христіанства гораздо важнѣе мистическій Христось. Она видитъ въ личности Христа Спасителя конечное торжество божественнаго человѣчества, къ которому она и ведетъ своихъ послѣдователей, дѣлая изъ нихъ на высшей ступени такихъ же боговъ. Это торжествующее божественное человѣчество христіанскія націи символизировали во „Христѣ“, послѣдователи же другихъ религій въ томъ же идеалѣ, носящемъ лишь иное имя.

Христось не принадлежитъ одной какой-либо религіи, одной націи, одной семьѣ человѣчества. Онъ не заключенъ въ предѣлахъ одного вѣрованія, но вездѣ является самымъ благороднымъ, самымъ возвышеннымъ идеаломъ. Самыя различныя религіи Его исповѣдуютъ, въ Немъ заключается весь ихъ смыслъ. Онъ есть тотъ великій идеалъ, къ которому стремится все человѣчество.

Слово „Христось“ выражаетъ скорѣе состояніе, чѣмъ самого человѣка. Люди въ своемъ послѣдовательномъ развитіи достигаютъ этого состоянія, ибо всѣ они одинъ за другимъ совершаютъ великое паломничество Того, имя Котораго на Востокѣ отождествляется съ именемъ „Сына Божія“. Созерцаніе этого великаго идеала приготавливаетъ ихъ къ полному осуществленію Его въ насъ самихъ. (Безантъ) ¹⁾.

Сила Христа замѣняетъ беспомощность слабыхъ, ищущихъ спасенія. Его чистота смываетъ человѣческіе грѣхи. Мудрость Христова замѣняетъ человѣческое невѣдѣніе. Это не значитъ, что намъ не надо трудиться, за насъ трудился Христось и все за насъ искупилъ. Это значитъ, что жизнь человѣка участвуетъ какъ бы въ жизни Христовой.

Онъ мудръ, но Онъ не одинъ мудръ, ибо всѣ люди мудры въ Немъ; такъ какъ жизнь Его входитъ въ міръ, оживляя все человѣчество. Каждый „Христось“, возносящійся къ славѣ, поднимаетъ все человѣчество на одну сту-

¹⁾ Вопросы Теософіи 159 стр.

пень, и невѣдѣніе цѣлаго міра просвѣщается Его совершенною мудростью (Безантъ) ¹⁾.

Вотъ въ общихъ и главныхъ чертахъ мистическое ученіе теософій о Богѣ. Нетрудно догадаться, что оно представляетъ собою часто и по меньшей мѣрѣ неудачное приспособленіе къ монистическому объясненію Бога, какъ единого Верховнаго Начала всего происшедшаго и происходящаго въ мірѣ. Троичность же божественнаго проявленія, символически исповѣдуемаго, по мнѣнію теософій, всѣми религіями, составляетъ метафизическую идею развитія изъ Единого духовнаго міроваго начала всего существующаго. Мистическое же ученіе о Христѣ составляетъ развитіе этой же мысли, что все происшедшее изъ этого начала тяготѣетъ къ Нему и въ лицѣ каждаго человѣка Христа снова соединяется съ Нимъ. Эту мысль довольно хорошо поясняетъ одно теософическое стихотвореніе, озаглавливающееся „Призывъ“.

„Гдѣ же были звѣзды, планеты,
Свѣточн дальнихъ міровъ
Въ безднѣ безбрежныхъ вѣковъ
Тѣнью слѣпою одѣты?
Можно ль таиться лучу?
Вашихъ признаній хочу
Тайнъ неразгаданныхъ свѣты!

. . . . .

Ахъ, слабый умъ человѣка,
Можетъ ли онъ уловить
Тайную тонкую нить,
Ту, что связуетъ отъ вѣка
Всю безконечность міровъ?
Сброситъ ли бремя оковъ
Умъ, слабый умъ человѣка?
Всѣ вы ²⁾, начала всего
Власти ума міроваго,
Гдѣ вы таились до слова,
Давшаго намъ естество?

¹⁾ Ibid. 167.

²⁾ Разумѣются здѣсь небесный сводъ, плодоносныя воды, вольныя вѣтры, свѣтъ, теплота, звукъ, солнце и др. стихіи міра, о которыхъ говорится въ этомъ довольно большомъ стихотвореніи.

Къ вамъ я взываю мольбою
Въ вашемъ отвѣтѣ построю
Смыслъ существа своего ¹⁾.

II.

Изъ изученія теософіи о Богѣ мы видѣли, что міръ—проявленный Логосъ. Въ каждомъ предметѣ онъ отражается и все дышетъ его жизнью. Совокупность знаній о всемъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ въ міровой жизни усовершенствуетъ представленіе и понятіе о Логосѣ. Поэтому изученіе міровой жизни, стремленіе проникнуть въ сущность всѣхъ вещей—для теософа составляетъ только степень приближенія къ уму божественному и необходимый актъ въ сферѣ соединенія съ Логосомъ.

Тотъ, говоритъ одна священная книга индусовъ, кто видитъ только Единого во всей перемѣнчивой множественности этой вселенной, тотъ обладаетъ вѣчной истиной—никто иной—никто иной...

Вполнѣ раздѣляя эти мысли, теософія стремится создать научный путь познанія единства Логоса, проявляющагося во всей перемѣнчивой множественности вселенной. И для теософа быть научнымъ—значитъ не только знать современную, но и древнюю науку, къ которой онъ относится съ меньшимъ, если только не съ большимъ, уваженіемъ, чѣмъ къ первой, такъ какъ въ ней содержится знаніе прошлаго проявленнаго Логоса.

Теософъ пользуется всѣмъ, чтобы извлечь изъ современной науки что-либо въ свою пользу. Онъ во чтобы то ни стало хочетъ совершить въ теософіи „интеллектуальное объединеніе ума человѣческаго съ умомъ божественнымъ“ ²⁾. И для него наука имѣетъ жизненное значеніе, которое онъ выражаетъ слѣдующими словами Эмерсона:

— „Всестороннее расширеніе сферы сознанія человѣка, его сліяніе съ природой, пока руки его не будутъ соприкасаться со звѣздами, глаза его не будутъ видѣть сквозь землю, уши не будутъ понимать языкъ звѣрей и птицъ, и благодаря развитію его способности сочувствія, небо и земля не будутъ бесѣдовать съ нимъ“ ³⁾.

¹⁾ Вѣстникъ Теософіи. 1908 г. № 3, 73—4 стр.

²⁾ Вопр. Теософ. 190.

³⁾ Ibid., 110.

Здѣсь невольно вспоминаются слова Блаватской, что она проникла въ секретъ Симона-Волхва и что вовсе не трудно подняться съ земли и летать.

Но въ методахъ современной науки и тессофіи большое различіе. Методы науки сводятся къ точному наблюденію, тщательному сравненію, строгому анализу и изобрѣтенію прекрасныхъ и чрезвычайно-сложныхъ приборовъ, благодаря которымъ поле дѣятельности органовъ чувствъ можетъ быть расширено до необычайныхъ размѣровъ. При помощи телескопа, спектроскопа, и фотографическаго аппарата, человѣкъ по выраженію того же Эмерсона, прикасается къ звѣздамъ; при помощи микроскопа онъ изслѣдуетъ природу „физической основы жизни“; благодаря удивительной изобрѣтательности въ примѣненіи электричества, онъ какъ бы начинаетъ соприкасаться съ областью „четвертаго измѣренія“¹⁾. И такимъ образомъ, умозаключая отъ послѣдствій къ причинамъ, отъ видимаго къ невидимому, онъ достигаетъ порога храма истины, иногда все-таки очень сомнительной и быстро исчезающей въ неуловимую даль вѣковъ.

Методы тессофіи иные. Изучающій ее начинаетъ съ самого себя и, путемъ сосредоточеннаго размышленія стремясь отождествиться съ жизнью всего сущаго, путемъ очищенія собственной души,—онъ стремится сдѣлаться болѣе чувствительнымъ ко всѣмъ импульсамъ, исходящимъ изъ окружающей его вселенной, и такимъ образомъ понять ее. Его методъ состоитъ въ расширеніи своего сознанія thro sympathy, т. е. путемъ развитія способности сочувствовать, какъ выражается Эмерсонъ, такъ чтобы „небо и земля бесѣдовали съ нимъ“²⁾. Умозаключая отъ общаго къ частному, онъ строитъ своеобразную величественную концепцію міроваго цѣлаго, въ которомъ всюду разлито сознаніе и которое все объединено божественною жизнью и біеніе пульса которой онъ такъ непосредственно ощущаетъ³⁾.

— „Гдѣ же были вольныхъ вѣтровъ
Шелесты, бури, метели,
Свѣдать бы, чѣмъ вы владѣли

¹⁾ Вопросы Тессофіи, 110.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibid., 110—111.

Въ лонѣ предвѣчныхъ основъ!
 Сущности ваши почуя,
 Съ вами, о вѣтры, лечу я
 Въ область невѣдомыхъ сновъ“¹⁾...

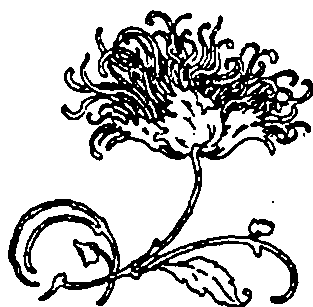
Но какъ бы ни старалась теософія сказать современной наукѣ, что ихъ цѣли совпадаютъ, что послѣдняя дѣлаетъ только то, что первой въ самой себѣ давно уже извѣстно, все же остается убѣжденіе, плохо скрываемое и самой теософіей, что совпаденія въ дѣйствительности нѣтъ. Теософы съ удовольствіемъ вспоминаютъ:

— „Въ древности религія и наука были едины, онѣ сочетались въ нераздѣльное цѣлое, и не существовало раздора между интеллектомъ и духомъ“... Нынѣ, очевидно, весьма сильно чувствуется этотъ раздоръ. Въ надеждѣ на уничтоженіе его теософы хватаются за слова Оливера Лоджа: „область религіи и область болѣе полной науки совпадаютъ“...

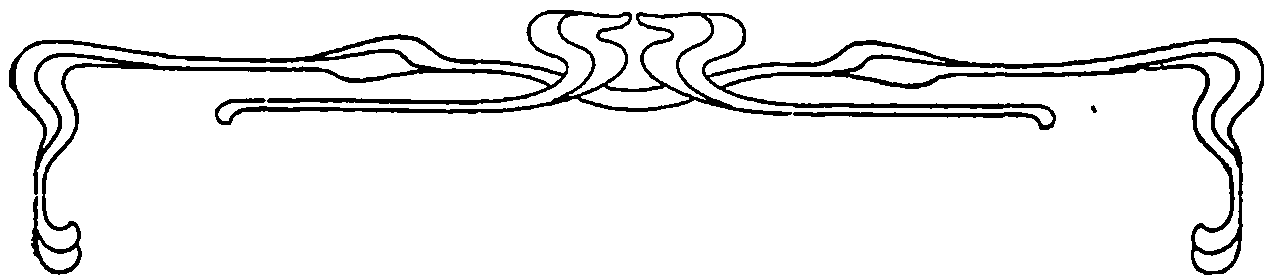
„Болѣе полной науки“... Какой же? Не современной, конечно... А той, которая и древнюю и современную стремится подвести подъ одинъ и притомъ свой особый, теософическій масштабъ.

P.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Вѣстникъ Теософін. 1908 г. № 3, 73.

„Анфиса“ Леон. Андреева.

Смыслъ драмы и этическая оцѣнка Анфисы, какъ нравственно-психологическаго типа.

(Окончаніе) *).

III.

Эротическая основа драмы и ея общій аморальный характеръ.

Приступая къ этической оцѣнкѣ Анфисы, какъ известнаго нравственно-психологическаго типа, мы должны, сперва, высказать нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу общаго смысла драмы, который далеко не всѣми одинаково понимается.

Въ самомъ дѣлѣ, почти каждый изъ критиковъ отвѣчаетъ по своему на вопросъ о томъ: какой же смыслъ всей драмы въ цѣломъ? Мы опредѣлили общій смыслъ драмы, какъ раскрываемую въ ней мысль о правѣ всякаго человѣка на любовь, могущую требовать себѣ даже человѣческой жертвы. Другіе полагаютъ этотъ смыслъ въ томъ, что Андреевъ поставилъ въ „Анфисѣ“ на очередь для окончательнаго рѣшенія „вѣковѣчную“ проблему объ отношеніяхъ мужчины и женщины, какъ будто въ самомъ дѣлѣ есть такая проблема въ нравственной философіи о томъ вѣчномъ антагонизмѣ, который всегда царилъ и царитъ между человѣческими полами, и, къ великому удивленію, въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылаются на слова Библии: „вражду положу между мною и тобою“ (совсѣмъ не слыханная экзе-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 21 за 1910 годъ

гетика). Третьи думаютъ, что въ своей драмѣ Андреевъ поставилъ вопросъ о томъ, что такое женщина? ¹⁾).

Не разбирая всѣхъ этихъ мнѣній, съ точки зрѣнія которыхъ не объяснимы многія детали драмы и непонятенъ общій ходъ развитія дѣйствія въ ней, мы остановимся немного только на томъ изъ нихъ, которое наиболѣе приближается къ высказанному нами взгляду. Это—такое мнѣніе, которое относитъ Анфису къ цѣлому циклу литературныхъ произведеній, поднимающихъ вопросъ... *о протестѣ мужчины противъ одноженства*. Въ этомъ случаѣ Андреевъ оказывается не одинокимъ, хотя отъ этого, конечно, не легче ни ему самому, ни тому, кто съ нимъ или съ кѣмъ онъ за одно, На подобныя темы есть беллетрическія произведенія и у насъ и заграницею.

Такое пониманіе „Анфисы“—это трактованіе все того же безграничнаго права всякаго человѣка на свободную любовь, только взятаго немного съ другого конца: протестъ противъ одноженства поднимается во имя всеильной любви; и чтобы придать требованіямъ послѣдней какую-нибудь авторитетную санкцію, нужно доказать ея право даже на человѣческую жертву. Такимъ образомъ, общій смыслъ драмы все равно оказывается безнравственнымъ на какіе бы различные лады мы ни варіировали ея основную идею: никакое истинно-нравственное сознаніе, конечно, не санкціонируетъ за человѣческой личностію права покупать любовь цѣною человѣческой жизни. А протестъ противъ одноженства оказывается и еще болѣе безнравственнымъ: вѣдь если мужчина протестуетъ противъ одноженства, то почему и женщинѣ не запротестовать противъ одномужества? Ну, а уже если случится послѣднее, то произойдетъ такая путаница въ супружескихъ отношеніяхъ, которая приведетъ когда нибудь все культурное общество къ повальному грѣху хлыстовцевъ и введетъ его въ ежедневный обиходъ человѣческой жизни.

Кромѣ того, какъ также безнравственную или, по крайней мѣрѣ, обнаруживающую тенденцію къ безнравственно-

¹⁾ См. статью объ „Анфисѣ“ въ „Рус. Вѣд. №№ 219, 234, 278 (1909 г.) и др., также ст. Яблоновскаго „Анфиса“ въ „Рус. Словѣ“ (1909 г.), ст. въ „Моск. Вѣд.“ (1910 г. № 28 и „Рус. Богатство“, 1910 г. Январь.

сти, можно отмѣтить ту общую основу, на которой развивается все дѣйствіе Анфисы: это—эротическая любовь. Какъ бы мы ни понимали „Анфису“, за вычетомъ всѣхъ индивидуальных отѣнковъ въ различныхъ пониманіяхъ, всегда получится одинъ остатокъ: эротическая любовь. Въ „Анфисѣ“ все время фигурируетъ это именно чувство, сообщая всей драмѣ эротическій характеръ: во имя любви и Анфиса совершаетъ свое кровавое преступленіе; любовь же составляетъ и главный интересъ страстной души адвоката—самый глубокій источникъ его трагедіи. При этомъ, онъ—не Донъ-Жуанъ, какъ думаютъ нѣкоторые, а чувственникъ, сластолюбецъ; въ немъ говорить не благородная душа, жаждущая только чистой любви, а похоть—я бы даже сказалъ—звѣриная; въ немъ кипитъ карамазовская кровь, заставляющая его желать ежедневно новыхъ, сладострастныхъ наслажденій; вотъ почему онъ и переходитъ, какъ животный самецъ, отъ одной женщины къ другой, отъ другой—къ третьей; перешелъ бы, вѣроятно, и къ четвертой, если бы у его жены была четвертая сестра.

И такъ, общій вопросъ, трактуемый въ „Анфисѣ“, это—любовь, вопросъ, въ настоящее время, истрепанный такъ, какъ только можетъ быть истрепано платье, ежедневно таскаемое на рынокъ. Въ данномъ случаѣ „Анфиса“ Андреева раздѣляетъ участь, одинаковую со многими другими современными писаніями, которыя все время топчутся на одномъ мѣстѣ и никакъ не могутъ сойти съ него, все пережевываютъ одну и ту же тему, все тянутъ одну и ту же эротическую канитель. И нельзя не подивиться на самихъ писателей! Неужели-же въ жизни, кромѣ любви между мужчиной и женщиной, кромѣ влюбленности, флирта, измѣны, ревности и пр. и пр., нѣтъ интересныхъ явленій, нѣтъ другихъ, глубоко-захватывающихъ и волнующихъ темъ? Неужели жизнь такъ измельчала, такъ сузилась въ своихъ интересахъ, что можетъ теперь находить ихъ только въ любовной страсти, все подгоняетъ къ этому одному знаменателю и въ любовныхъ похожденияхъ прямо упирается въ тупикъ? Не можетъ этого быть: слишкомъ бы жалкой тогда оказалась человѣческая природа, не могущая возвыситься надъ своими животными инстинктами и могущая жить только ими!

Но главное не въ этомъ, а въ томъ, что, какъ мы замѣтили, любовь въ современной литературѣ (а также и въ Ан-

фисъ), составляя ея эротическую основу, обнаруживает тенденцію къ безнравственности. Въ самомъ дѣлѣ, теперешніе писатели, даже и не участвующіе въ „лигѣ свободной любви“ Арцыбашева и не свѣтящіеся въ горьковскихъ „огаркахъ“, такъ истаскали самое слово „любовь“, такъ опозлили это святое и цѣломудренное чувство, такъ замарали его грязью самаго наглаго цинизма, такъ осквернили его употребленіемъ на ряду съ циничными словами, что отъ дѣвственной чистоты его неосталось и слѣда, и говорить о немъ стало такъ же неприлично, какъ неприлично напр., говорить о любовникѣ, прелюбодѣяннѣ и пр. И нужно считать позоромъ и оскорбленіемъ для современной русской литературы, что большинство ея произведеній, даже иногда художественно написанныхъ, нельзя дать дѣтямъ и чистымъ подросткамъ, не боясь осквернить ихъ воображенія.

Это обстоятельство тѣмъ болѣе надо поставить въ упрекъ нашимъ беллетристамъ, что вѣдь всякій писатель, каковъ бы онъ ни былъ по своему направленію и убѣжденіямъ, если только въ его творчествѣ есть хоть малая доза таланта, долженъ быть руководителемъ массы, создавать общественное мнѣніе и вырабатывать вкусы толпы; онъ долженъ будить заснувшую совѣсть людей, долженъ диктовать человѣческому общежитію разумныя требованія совѣсти, сердца и разума. Правда, искусство есть художественное изображеніе жизни, и писатель изображаетъ всегда то, что видитъ вокругъ себя, и не отвѣчаетъ за то, въ чемъ повинна дѣйствительность. Но вѣдь жизнь не сплошная мусорная яма, и писатель—не старьевщикъ, чтобы ему надо класть въ сокровищницу литературныхъ произведеній все то, что попадетъ подъ руку, съ одной стороны, а съ другой—литература есть автобіографія челоуѣчества, рассказанная его лучшими и наиболѣе талантливыми представителями; а конечно, не всякая откровенность можетъ быть занесена на страницы этой автобіографіи. Такъ если уже у насъ потеряли чувство мѣры и не умѣютъ непринужденно держать себя, не выходя за предѣлы приличія, то не лучше-ли бросить эту истасканную тему и пойти за жизнью впередъ? И чѣмъ скорѣе сдѣлаютъ это, тѣмъ будетъ лучше: инстинктъ, толкающій мужчину и женщину въ объятія другъ къ другу и безъ того слишкомъ силенъ самъ по себѣ. О немъ лучше молчать, чѣмъ твердить на каждомъ

шагу, спрягая глаголь „любить“ во всѣхъ наклоненіяхъ, временахъ, числахъ и лицахъ.

Наконецъ, не надо забывать еще вотъ чего, не надо забывать нашу молодежь, ея характеръ и настроеніе. Вѣдь наша русская, современная молодежь, много читающая и думающая, вообще работающая и интересующаяся жизнью (это надо признать, особенно, послѣ сравненья ея съ несерьезными заграничными юношами), читаетъ запоемъ текущую беллетристику. И что же она тамъ получаетъ? Да почти вездѣ андреевскую „Анфису!“ Т. е., она съ самыхъ раннихъ юношескихъ, иногда даже дѣтскихъ лѣтъ купается въ любовной атмосферѣ, живетъ любовной интригой, волнуется исходомъ любовныхъ исторій. И мало того: она привыкаетъ смотрѣть на чувство влюбленности, какъ на основное, самое священное чувство, подчиняющее себѣ всѣ остальные интересы жизни и міра; она привыкаетъ и къ такимъ словамъ, какъ любовникъ, измѣна, ревность и пр., и пускаетъ ихъ въ жизненный оборотъ, начиная смотрѣть и на обозначаемыя ими понятія, какъ на нѣчто обыкновенное и даже законное; она привыкаетъ смотрѣть на любовника, какъ на нѣкоторый необходимый коррелятъ супружеской жизни и, во всякомъ случаѣ, какъ на явленіе заурядное, не заключающее въ себѣ ничего особеннаго, а уже тѣмъ болѣе, безнравственнаго; она привыкаетъ ко всему этому и—оправдываетъ Анфису, а потомъ—стрѣляетъ своихъ соперниковъ или, рѣже, и самое себя.

Итакъ, „Анфиса“ заключаетъ съ себѣ безнравственный смыслъ, какъ по своей идеѣ, такъ по той общей основѣ, на которой развивается все ея содержаніе; уже поэтому не можетъ она оказывать облагораживающаго нравственнаго вліянія на направленіе воли тѣхъ ея читателей, которые будутъ относиться къ ней слишкомъ довѣрчиво, не имѣя въ рукахъ опредѣленнаго критическаго масштаба.

Но я осуждаю ее, главнымъ образомъ, не столько за то, что она заключаетъ въ себѣ безнравственный смыслъ, сколько за то: что она, какъ извѣстный нравственно-психологическій типъ, дѣлаетъ вредное, безнравственное дѣло: во 1-ыхъ, она уводитъ насъ въ сторону отъ общечеловѣческихъ идеаловъ, исторію которыхъ должна изъ себя представлять исторія литературы и которые въ послѣдней всегда, болѣе или менѣе

ярко отображаются, и, во 2-ыхъ,—она отрываетъ насъ отъ нашей національно-исторической дѣйствительности.—Здѣсь мы приходимъ къ тѣмъ двумъ пунктамъ, на которые мы уже имѣли случай указывать, какъ на главное и необходимые при этической оцѣнкѣ Анфисы, какъ извѣстнаго нравственно-психологическаго типа.

IV.

Оцѣнка Анфисы съ точки зрѣнія общечеловѣческихъ нравственныхъ идеаловъ.

Литература есть отраженіе жизни и бываетъ хаотична потому, что хаотична жизнь. Она часто перерастаетъ накопленный интеллигенціей уровень сознанія, но никогда не дѣлаетъ выступленій (по крайней мѣрѣ, не должна дѣлать ихъ принципиально) за предѣлы установленныхъ этой жизнью общечеловѣческихъ идеаловъ. Отсюда, всякая исторія литературы есть исторія идеаловъ человѣчества. Послѣдніе, конечно, преломляются черезъ національное сознаніе, но они, при всемъ томъ, никогда не теряютъ своихъ универсальныхъ, общечеловѣческихъ элементовъ. А если такъ, то исторія литературы есть, въ тоже время, и жизнепониманіе или міропониманіе, эволюцію котораго человѣчество записываетъ въ своей автобіографіи, т. е. въ литературныхъ произведеніяхъ.—По этому, критерій въ оцѣнкѣ литературы долженъ быть, прежде всего, моральный; одного же литературнаго и историческаго масштаба для измѣренія, особенно, современной литературы, совсѣмъ мало: наша жизнь слишкомъ усложнилась и литература всегда слишкомъ глубоко врѣзывается во всѣ ея явленія, желая быть не только провозвѣстницей идеаловъ жизни, но и руководительницей въ ней.

Если мы указываемую нами нравственную точку зрѣнія будемъ прилагать къ современнымъ писателямъ и черезъ то испытывать ихъ, то видимо, что они далеко не всѣ могутъ выдержать такую пробу. И это просто потому, что они, по отношенію къ общечеловѣческимъ идеаламъ, являются иногда прямо вандалами,—разрушителями вѣковаго созиданья духовной культуры всего коллективнаго человѣчества. Они уводятъ насъ совершенно въ сторону отъ этихъ идеаловъ и въ душѣ народной производятъ отъ нихъ полное опустошеніе.

Не распространяя такого взгляда на всю современную литературу, я долженъ, все таки, сказать это относительно ея значительной части, въ которой, къ сожалѣнiю, находится и „Анфиса“.—Чтобы не быть голословнымъ въ такомъ сужденiи объ „Анфисѣ“, намъ нужно сейчасъ произвести анализъ содержанiя общечеловѣческаго нравственнаго сознанiя и посмотрѣть, на чемъ зиждется общечеловѣческая нравственность.

Человѣчество на протяженiи многихъ вѣковъ своего историческаго существованiя, опираясь на свой долгiй жизненный опытъ, выработало совсѣмъ не такую мораль, какой живетъ Анфиса. Объ общечеловѣческой морали мы можемъ вполне говорить: вѣдь всѣ люди имѣютъ, въ общемъ, одну и ту же психическую организацію и всѣ, у кого эта организація не извращена или не атрофированы ея нѣкоторыя стороны, приблизительно, одинаково реагируютъ на явленiя обще-мировой и своей частной человѣческой жизни. Поэтому, можно, если не всегда отчетливо осознать, то иногда интуитивно нравственную видѣть норму человѣческихъ отношенiй. Коллективныя усилiя всего человѣчества и были направлены къ отысканiю этой нормы: ее нужно освободить отъ всего наноснаго,—отъ всякихъ историческихъ, культурныхъ и другихъ наростовъ, и подъ ними вскрыть ея основное зерно. По этой нормѣ строится и общечеловѣческiй идеаль счастья, эупружескаго который мы можемъ узнать, отнявши у него всѣ индивидуально-мѣстныя, такъ сказать, черты и оставивши только то, что присуще всѣмъ людямъ. Эти полученные нами остатки, въ видѣ искаемой нормы и идеала счастья, какъ общечеловѣческiя нравственныя величины, и будутъ общеобязательнымъ закономъ жизни, потому что онѣ, очевидно, вытекаютъ изъ самой человѣческой природы.

Вотъ тутъ-то, кажется мнѣ, однимъ изъ главныхъ элементовъ общечеловѣческой морали и являются, прежде всего, такiя этическiя понятiя, какъ понятiя добра и зла—съ одной стороны и—справедливости—съ другой.—Ту истину, что человѣчество въ исторiи своей жизни всегда руководилось реальнымъ различiемъ между добромъ и зломъ, какъ основными этическими величинами, на которыхъ строится всякая нравственность, конечно, не приходится доказывать.—Вопросъ о критерiяхъ добра и зла или объ этической санкцiи, также,

скоро рѣшается въ сторону справедливости, и здѣсь дѣло обстоитъ, быть можетъ, даже съ еще большей ясностью.

Дѣйствительно, общечеловѣческое сознание въ разные времена, по разному понимая добро и зло, говоритъ намъ, что оно не можетъ устранить реального различія между самыми этими понятіями и не можетъ на чемъ-нибудь другомъ строить зданіе нравственности. Равнымъ же образомъ, не можетъ оно разсуждать иначе, какъ такъ: нравственнымъ нужно называть то, что справедливо, хотя самую справедливость можно понимать и неодинаково.—Исходя изъ этихъ точекъ зрѣнія, общечеловѣческое сознание всякое нарушеніе правъ другого, всякое забвеніе интересовъ другой личности называетъ неправдой, потому что это несправедливо. Только на справедливости можетъ человѣчество строить и свою общественную жизнь.

Если будутъ возражать, что вѣдь такая культура нужна для удовлетворенія также общечеловѣческихъ эстетическихъ потребностей, то общечеловѣческое сознание отвѣтитъ: конечно, одна природа не можетъ заключать въ себѣ взаимно другъ друга исключаящихъ потребностей; но здѣсь противорѣчіе устраняется черезъ устраненіе ложно понимаемой эстетики: эстетику нужно понимать гораздо глубже, и она уже ни въ какомъ случаѣ не исчерпывается одними зрительными или какими-нибудь другими подобными же пріятными ощущеніями; къ ней необходимо еще присоединяется нравственный элементъ и именно въ формѣ смутно чувствуемаго или сознаваемаго различія между добромъ и зломъ, справедливостью и неправдой: и я, и онъ, и вы, и всѣ мы не можемъ вполне безмятежно наслаждаться всѣми культурными благами, всѣми удобствами и пріятностями жизни, когда знаемъ, что все это куплено цѣною страданій нашихъ ближнихъ, такихъ же абсолютно цѣнныхъ человѣческихъ личностей; мы не можемъ чувствовать себя совершенно спокойно, когда догадываемся о происходящемъ за нашей спиной нарушеніи справедливости, хотя бы были только и косвенными виновниками этого.

Такова этика по общечеловѣческому сознанию ея существа и основаній. Въ такомъ именно смыслѣ ставится этическая проблема или вопросъ о критеріяхъ добра и зла, иначе —объ этической санкціи—и у Достоевскаго, главнымъ обра-

зомъ, въ его романъ: „Братья Карамазовы“. Тамъ этотъ вопросъ рѣшаетъ Ив. Карамазовъ. Даже этотъ человѣкъ, типичный атеистъ, потерявшій вѣру въ Бога, но способный еще скорбѣть при созерцаніи страданій люоей, особенно маленькихъ дѣтей, ищетъ твердой опоры для укрѣпленія соціальной жизни въ справедливыхъ отношеніяхъ между людьми, и думаемъ, что и безъ вѣры въ Бога возможна какая-то общечеловѣческая нравственность при справедливости.

Такъ разсуждаетъ о нравственности Иванъ Карамазовъ, выражая отчаяннымъ крикомъ своей наболѣвшей души голосъ общечеловѣческаго нравственнаго сознанія въ отношеніи этической проблемы. Во имя справедливости, особенно же, въ виду несправедливости по отношенію къ невиннымъ дѣтямъ, изъ жалости къ страдающему человѣчеству, онъ даже сознательно поднимаетъ *бунтъ* противъ Бога,—субъективный бунтъ безсильной человѣческой личности противъ объективнаго порядка вещей.

И поставленный имъ съ такой трагической силой и безумной отвагой вопросъ есть вѣковѣчный, мучительный вопросъ человѣчества на ряду съ другими вопросами о Богѣ, о душѣ, о смыслѣ жизни и пр., вопросами, имѣющими не теоретическій только интересъ для резонеровъ, а представляющій самую живую, непосредственную реальность, ощущаемую въ индивидуальныхъ переживаньяхъ всякой сознательной личности. Общечеловѣческое содержаніе этого вопроса заключается именно въ томъ, что его ставитъ себѣ всякій человѣкъ, начинающій жить сознательной жизнью и переходящій отъ дѣтской традиціонной вѣры къ сознательной вѣрѣ или невѣрію (все равно, лишь бы сознательной). Это есть въ самомъ собственномъ смыслѣ міровой вопросъ, т. е. въ смыслѣ его неотвязчивости, а также—и объективной неразрѣшимости: послѣднее значить,—никакой прогрессъ науки, никакая сила мысли не можетъ дать этому вопросу, такого рѣшенія, которое уничтожило бы самый вопросъ, и онъ съ фатальной необходимостью ставится каждымъ для рѣшенія въ его субъективномъ сознаніи.

Чтоже теперь мы видимъ въ Анфисѣ?—Прежде всего, мы видимъ, что для Анфисы даже и не существуетъ такого вопроса, такъ какъ она, поставивши въ центрѣ мірозданія

свое „я“, стерла границу между добромъ и зломъ: ея „я“ въ роли мірового владыки можетъ захотѣть и позволить себѣ самые злые поступки наравнѣ съ добрыми. Пытаясь основать свою нравственность только на собственномъ индивидуальномъ сознаніи, Анфиса пришла къ полной безнравственности и санкціонировала право на существованіе за самымъ преступнымъ, безсовѣстнымъ настроеніемъ со всѣми, вытекающими изъ него рѣшеніями.—Такимъ образомъ, реального различія между добромъ и зломъ, это первое, на чемъ начинается строеніе нравственности, для Анфисы не существуетъ; а объясняется это изъ того перваго элемента въ психикѣ Анфисы, который мы отмѣчали при характеристикѣ ея, какъ извѣстнаго, нравственно-психологическаго типа.

Что касается до отмѣченной нами выше одного изъ главныхъ критеріевъ нравственности,—справедливости,—то въ отношеніи къ нему Анфиса держитъ себя также независимо; говоря проще, она и его устраняетъ. Въ самомъ дѣлѣ, все поведеніе Анфисы, на какой бы ея поступокъ вы ни обратили вниманіе, построено на несправедливости и является сознательно-разсчетливымъ нарушеніемъ правъ другихъ. Ей понабидолась любовь адвоката,—она запутываетъ его въ свои сѣти; не обращая вниманія на то, что у него есть жена, которая только имѣетъ на него всѣ права нравственныя и юридическія; Понадобилось ей убить адвоката (изъ мотивовъ ея настроенія, выростающаго на почвѣ все того же индивидуальнаго сознанія), она отравляетъ его ціанистымъ калиемъ, забывая, что она, какъ и никто другой, не можетъ отнимать у человѣка права на жизнь, не ея ему данное.

При этомъ, Анфиса чужда даже такого естественнаго человѣческаго чувства, какъ простаго состраданья.—Вѣдь ея индивидуальное сознаніе вполне удовлетворено, и она замыкается внутрь его, какъ въ уютной, теплой комнатѣ, ни откуда не дуетъ. А что касается до лишившейся мужа жены, которая въ отчаяннѣ ломаетъ себѣ руки и бьется въ истерикѣ, ударяясь въ стѣны запертой комнаты, у дверей которой стоитъ проклинающій ее отецъ,—до такого празднаго вопроса ей нѣтъ никакого дѣла... И Анфиса не только не пожалѣетъ карамазовскихъ дѣтокъ, невинно корчащихся

въ мукахъ и въ страданьяхъ умирающихъ, но она и сама еще готова истязать ихъ всячески, и мучить и даже убивать, если только это понадобится для удовлетворенія себялюбивыхъ интересовъ ея индивидуальнаго сознанія.—Вмѣсто того, чтобы возмущаться за нарушаемую справедливость, она сама готова нарушать ее безчисленное количество разъ, что, какъ мы видѣли, съ большимъ успѣхомъ всегда охотно и дѣлаетъ.

Итакъ, Анфиса, основывающая всю мораль на своемъ индивидуальномъ сознаніи, дѣйствительно, уводитъ насъ въ сторону отъ общечеловѣческихъ идеаловъ въ той ихъ части, которая касается общечеловѣческаго понятія нравственности, зиждущейся на этическихъ понятіяхъ добра и справедливости. Если мы обратимъ вниманіе на другую черту Анфисы, отмѣченную нами въ характеристикѣ ея, какъ нравственно-психологическаго типа,—именно, на безграничность ея личности или „я“,—то увидимъ тоже самое.

Мы уже знаемъ, что собственная личность для Анфисы, съ ея абсолютнымъ самоутвержденіемъ, дороже всего; ея себялюбивое и жестокое „я“, незнающее удержу въ удовлетвореніи своихъ естественныхъ и противоестественныхъ потребностей, безпредѣльно: она не хочетъ знать никакихъ границъ, препятствующихъ росту ея индивидуальнаго сознанія, въ какую бы преступную сторону ни направлялось послѣднее. Когда мы наблюдаемъ Анфису въ финалѣ ея дѣйствій, слѣдимъ за выполненіемъ заранее обдуманнаго плана отравленія адвоката,—передъ нами встаетъ она во всей ужасающей наготѣ ея безсердечно-жестокой души, эгоистической и злобной, неотзывчивой на людское горе и жаждущей человѣческихъ страданій, если послѣднія нужны для удовлетворенія ея похотей; тогда поднимается она передъ нами во весь гигантскій ростъ своего безобразнаго „я“, ничего и никого, кромѣ себя, не знающаго и оцѣнивающаго всѣ другія личности по ихъ значенію для ея субъективнаго сознанія.

Да развѣ такова общечеловѣческая нравственность? Развѣ, по общечеловѣческому сознанію, наше „я“ безгранично? развѣ свобода личности проявляется въ безшабашномъ произволѣ и разнузданности, а также въ забвеніи за собою всѣхъ другихъ личностей?—Конечно же нѣтъ!—Сво-

боду личности, при всемъ уваженіи послѣдней, мы не можемъ считать безграничной и должны только заботиться о томъ, чтобы ея границы были естественны и разумны. На этотъ счетъ довольно хорошо замѣтилъ одинъ писатель: „дѣти, какъ члены общества, говорить онъ, не могутъ пользоваться никакой другой свободой, чѣмъ той, которая доступна каждому члену культурнаго свободнаго обществія, въ которомъ свобода одной оканчивается тамъ, гдѣ начинается права другого“... „Ребенокъ шалилъ, говорить онъ же въ другомъ мѣстѣ, я останавливалъ его; сверхъ простой необходимости, мнѣ казалось совершенно *справедливымъ заставлятъ его стѣснять себя для другого, для матери, которая его такъ безконечно любила*“.

И само собою разумѣется, безусловная свобода личности ни въ какомъ организованномъ, культурномъ обществѣ прямо не мыслима: всякій культурный человѣкъ, какъ цѣпями, скованъ и императивами всякаго рода,—законами, традиціями, правилами приличія, такта, общественнымъ мнѣніемъ и пр. и пр. Тысячелѣтнее воспитаніе человечества наложило на него цѣлую сѣть ограниченій, безъ которыхъ всѣ страдали бы отъ взаимныхъ вторженій въ сферу личныхъ интересовъ другъ друга.

Вообще, свобода, какъ и равенство, взятыя въ абсолютъ, суть противорѣчащія и взаимно другъ друга исключаящія понятія: безусловная свобода одной личности не можетъ терпѣть рядомъ съ собой такой же свободы другой личности. Поэтому, свобода, вмѣстѣ съ равенствомъ, не есть законъ и никогда не будетъ фактомъ, а есть лишь постулатъ: къ ней нужно стремиться—и только. Но при этомъ стремленіи нужно точно опредѣлить, въ чемъ именно каждому человѣку должно быть предоставлено право на свободу и въ какихъ предѣлахъ, за которые ему уже перешагнуть нельзя. Нитцше такъ опредѣлилъ принципы справедливости: „для равныхъ—равенство, для неравныхъ—неравенство“. Это хорошо сказано и, съ развиваемой нами точки зрѣнія, Нитцше неопровержимъ. Немыслимо, конечно, никогда и ни при какомъ строѣ свобода преступниковъ, субъектовъ съ патологической организаціей, злыми наклонностями и пр. Нарушаемая ими справедливость не даетъ имъ права на свободное проявленіе ихъ злыхъ личностей.

Въ параллель со воѣми другими императивами, ставящими естественныя границы для индивидуальнаго сознанія, идетъ, наконецъ, и „категорическій императивъ“ Кантовской морали. Послѣдній со своими двумя абстрактными формулами: „дѣйствуй такъ, чтобы максима твоей воли во всякое время точно также могла бы имѣть значеніе принципа всеобщаго законодательства“ и—„дѣйствуй такъ, чтобы смотрѣть на свое собственное лицо и на лицо всякаго другого всегда только, какъ на цѣль, и никогда какъ на средство“,—правда, отличается формальнымъ характеромъ и мало заключаетъ въ себѣ конкретнаго содержанія. Но и онъ, все-таки, даетъ намъ совершенно опредѣленныя повелѣнія и заключаетъ въ себѣ идею этической равноцѣнности, требуя устраненія такихъ формъ жизни, въ которыхъ человѣкъ служитъ для человѣка средствомъ, а не цѣлью: личность есть самоцѣль и къ ней она всегда стремится, вращаясь въ тѣхъ естественныхъ границахъ, которыя ставятся ей сознаніемъ долга, уваженіемъ нравственнаго закона изъ безкорыстной любви къ послѣднему,—по направленію доброй воли, обусловливаемому ея законодательствомъ.

Влагая въ эту формулу Кантовской морали не положительное содержаніе, мы, повидимому, опять должны вернуться къ указанному выше критерию добра и зла,—справедливости; имъ, предже всего, и будетъ заполнена схема всѣхъ моральныхъ императивовъ.

Такимъ образомъ, общечеловѣческое нравственное сознаніе не допускаетъ возможности существованія въ нашемъ „я“ безграничной личной свободы, не считающейся со свободой и цѣпностью другихъ личностей. Такъ именно выражаетъ это общечеловѣческое сознаніе и упоминаемый уже нами нашъ русскій писатель-философъ и психологъ Достоевскій въ романѣ „Преступленіе и наказаніе“.—Герой романа, Раскольниковъ, этотъ удивительный типъ, въ которомъ тонкость психологическаго анализа соединяется съ глубиной философскаго содержанія, совершаетъ кровавое преступленіе: убиваетъ топоромъ никому и ни на что негодную, зловредную старуху-ростовщицу и случайно подвернувшуюся подъ руку ея сестру, полуидіотку Елизавету.—Это преступленіе нужно было ему, какъ проба своихъ силъ, самоиспытаніе; ему хотѣлось узнать: вошь-ли онъ, какъ всѣ, или че-

ловѣкъ? Сможетъ-ли онъ переступить или не сможетъ? Осмѣлится-ли онъ нагнуться и взять или нѣтъ? Тварь-ли онъ дрожащая или право имѣеть, (т. е. право на преступленіе), по примѣру такихъ необыкновенныхъ людей, которые, какъ Наполеонъ, смотрятъ на обыкновенныхъ смертныхъ, какъ на матеріаль, подлежащій устраненію, если онъ мѣшаетъ осуществленію ихъ предпріятій. Но совершивъ преступленіе, Раскольниковъ оказался не въ состояніи вынести всѣхъ его послѣдствій. Въ головѣ сложился стройно весь планъ убійства, точь въ точь по теоріи, и онъ ему удался вполнѣ хорошо. Но онъ не усчиталъ своихъ душевныхъ силъ, своего настроенія, и это погубило его сейчасъ-же послѣ совершенія кроваваго дѣла, въ психикѣ Раскольникова произошла быстрая и рѣзкая переменна чувствъ и мыслей; душевное равновѣсіе его заколебалось, и онъ съ фатальной неизбежностью приходитъ къ той развязкѣ, которая заставила его отдаться въ руки правосудія.

Правда, Раскольниковъ былъ все время чуждъ раскаянья; его больше всего мучить не преступленіе само по себѣ, не угрызения совѣсти, а сознаніе того, что онъ не выдержалъ испытанья и не имѣлъ права „переступить“; что онъ не принадлежитъ къ разряду тѣхъ „наполеоновъ“, которымъ все „позволено“, все „разрѣшается“. „Я себя убилъ, а не старушку, съ воплемъ отчаянья восклицаетъ онъ; тутъ такъ-таки разомъ и ухлопалъ себя навѣки!“

Но такое настроеніе у Раскольникова, хотя и не скоро, все-таки кончилось. Только Соня Мармеладова разъяснила ему, что совершенное имъ преступленіе есть не просто роковая ошибка, а грѣхъ, требующій раскаянья и наказанья для своего искупленія. Она смѣло выступила въ роли нелицепріятнаго судьи Раскольникова, обратившись, прежде всего, къ его совѣсти: „что вы это надъ собой сдѣлали! въ отчаяньи восклицаетъ она, и затѣмъ, въ истерическомъ плачѣ добавляетъ: „нѣтъ тебя несчастнѣе никого теперь въ цѣломъ свѣтѣ!“ Здѣсь—вся психологія и нравственная сторона преступленія: оказывается, что Раскольниковъ своимъ убійствомъ совершенно лишней старухи совершилъ грѣхъ противъ собственной нравственной природы, почему его преступленіе и есть величайшее несчастье. И всѣ свои муки онъ невѣрно понималъ. Это—не сожалѣнье объ обанкротив-

шемся наполеонствѣ, мечта о которомъ была такъ сладка для Раскольникова, а—угрызения совѣсти, какъ наказаніе за преступленія. Но это наказаніе, какъ голосъ самой природы, есть только естественное послѣдствіе преступленія, и не имѣетъ искупительнаго значенія. Для этого нужны томительныя страданія, которыя теперь только и могутъ быть для Раскольникова естественнымъ выходомъ изъ положенія; это Соня ему и совѣтуетъ сдѣлать, предлагая сперва принести на улицѣ передъ всѣми публичное покаяніе. И истерзанной душѣ преступника ничего не остается больше, какъ сдѣлать это.

Видимое дѣло, правда оказывается на сторонѣ Сони: всякое преступленіе есть, прежде всего, грѣхъ природы человѣка; и теорія Раскольникова о правѣ на преступленія во имя высокихъ цѣлей,—потерпѣла полное крушеніе. И вопросъ объ абсолютномъ значеніи личности, о неограниченной свободѣ индивидуума, выступающаго на борьбу съ условіями общественности, рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ. „Идейныхъ преступниковъ“, безнаказанно преступающихъ законы человѣческаго общежитія, оказывается, нѣтъ и быть ихъ не можетъ; они, думая, что „цѣль оправдываетъ средства“ и что „нѣсколько капель человѣческой крови—сущее ничто“ для ихъ великихъ благодѣяній—всѣ наказываются муками своей совѣсти и должны вести борьбу съ самой природой человѣка. Отсюда выводъ: счастье даже всего человѣчества, тѣмъ болѣе—счастье личное не можетъ быть куплено цѣною насильственной смерти „одного изъ малыхъ сихъ“, и нужно признать естественнымъ и справедливымъ ограниченіе крайняго развитія индивидуализма ненарушеніемъ всѣхъ повелѣній долга и совѣсти, признаніемъ правъ за всякой другой личностью, какъ бы она ни была скромна и незамѣтна.

Итакъ, общечеловѣческое нравственное сознаніе по отношенію къ нашему „я“ и свободѣ личности говоритъ намъ, что это „я“ не безгранично, и ему не „все позволено“; что оно при своемъ проявленіи, въ сферѣ установленія своихъ отношеній къ другимъ личностямъ, сталкиваются съ долгомъ и совѣстью, которыя накладываютъ свое „veto“ на его разнузданность, не позволяють смотрѣть на другихъ людей,

только какъ на средства, и осуждаютъ всякое преступленіе, какъ безнравственное, во имя бы чего оно ни было совершено. По этому, мы въ правѣ осуждать Анфису за то, что она не хочетъ поставить никакихъ границъ своему произволу,—за то, что ея индивидуальное сознаніе не желаетъ считаться ни съ какими императивами въ своемъ обнаруженіи и въ удовлетвореніи своихъ себялюбивыхъ интересовъ; за то, что она смотритъ на всѣ другія личности только, какъ на средства, ведущія къ достиженію ея цѣлей, и за то, что она, оставаясь вѣрной такому взгляду, съ равнодушіемъ жестокаго эгоизма убиваетъ своего любовника. Будетъ вполне справедливо—заставить Анфису стѣснить себя для другихъ. Если же Анфиса не согласится на такое стѣсненіе (а она, дѣйствительно, не соглашается), то мы въ правѣ сказать о ней, что она уводитъ насъ отъ общечеловѣческихъ идеаловъ и не укладывается въ рамки той обычной людской морали, которую человѣчество выработало изъ собственной психики и изъ многовѣкового пережитого опыта на протяженіи всей своей долгой исторіи...

Если, теперь, исторія литературы есть, въ самомъ дѣлѣ, исторія общечеловѣческихъ идеаловъ; если масштабъ для ея измѣренія долженъ быть не только литературно-историческій, но и, главнымъ образомъ, моральный,—то „Анфиса“ Андреева меньше всего можетъ имѣть отношеніе къ исторіи литературы и совсѣмъ не выдерживаетъ моральную пробу: въ нашей душѣ она производитъ полное опустошеніе отъ общечеловѣческихъ идеаловъ и не заключаетъ въ своемъ безнравственно-психологическомъ образѣ никакихъ слѣдовъ общечеловѣческой нравственной этики.

Предвижу возраженія.—Мнѣ скажутъ: почему вы такъ увѣрены, что есть какая-то общечеловѣческая мораль и что она именно такова, какой вы ее изображаете? Можетъ быть, ее нужно брать съ другого конца и именно съ того, на которомъ стоитъ Анфиса?—Это разъ. А два: какъ-же вы тогда объясните самую Анфису? Вѣдь если общечеловѣческая мораль существуетъ, то элементы ея должны заключаться и въ Анфисѣ, какъ все-же человѣкѣ, а ихъ тамъ нѣтъ и найти невозможно!—Что касается перваго возраженія, то я уже подробно разъяснилъ выше, почему мы можемъ говорить

объ общечеловѣческой морали и именно такой, какой она описана въ моемъ разсужденіи. Другая половина этого возраженія вращается въ логическомъ кругу: вѣдь я и сводилъ всѣ свои разсужденія къ тому, чтобы показать, что Анфиса подходитъ къ морали съ друго конца и какъ разъ не съ того, съ какого нужно, почему она и неправа. На второе возраженіе сперва скажу: не моя вина, что въ Анфисѣ нѣтъ элементовъ общечеловѣческой нравственности: а затѣмъ, отвѣчу на него анекдотомъ про одного нѣмца, который цѣлыхъ три года прожилъ во Франціи и, по возвращеніи на родину, не могъ произнести по-французски ни одного слова. Почему бы вы думали? да просто потому, что онъ былъ... нѣмой. Такъ и Анфиса—нѣма и глуха къ голосу общечеловѣческаго нравственнаго сознанія, почему мы и не можемъ добиться отъ нея ни одного слова.

V.

Оцѣнка Анфисы съ націоналистической точки зрѣнія.

Анфиса не ограничиваетъ свою разрушительную дѣятельность тѣмъ, что она производитъ въ нашей душѣ опустошеніе отъ общечеловѣческихъ идеаловъ; она простираетъ ее и дальше или—приноравливаетъ ее къ своей національной территоріи. Вышедши изъ-подъ пера русскаго писателя и будучи, по крайней мѣрѣ, по жизненной обстановкѣ, русскою женщиной, она производитъ нѣкоторыя существенныя видоизмѣненія и въ сферѣ нашей, національно-русской дѣйствительности, говоря точно—прямо вырываетъ насъ изъ нашей исторической среды.

Анфиса стоитъ слишкомъ далеко отъ идеаловъ русскою дѣйствительности. Еще тогда, когда Вы читаете Анфису и, еще больше, когда Вы смотрите ее на сценѣ, въ Вашу душу невольно закрадывается сомнѣніе на счетъ доброкачественности ея національно-русскаго характера, не говоря уже—настроенія. А когда Вы начинаете болѣе устально анализировать образъ Анфисы, Вы рѣшительно не находите въ немъ ни одной черты, напоминающей настоящую русскую женщину. Наоборотъ, въ Анфисѣ все собрались такія свойства ея характера и настроенія, которыя цѣлою пропастью

отдѣляютъ ее отъ типично-русской жизни и ставятъ особнякомъ въ длинной шеренгѣ литературныхъ типовъ русской женщины.

Въ самомъ дѣлѣ, прослѣдите исторію русской женщины, начиная даже съ древнѣйшихъ, до-христіанскихъ временъ,—по ея отраженію и изображенію въ русской литературѣ: просмотрите русскія лирическія народныя пѣсни или эпическія былины, перечитайте нашихъ народныхъ поэтовъ: Кольцова, Никитина, Некрасова; перейдите, наконецъ, къ Пушкину, Тургеневу, Толстому,—вездѣ Вы увидите, что Анфиса ни одной чертой не напоминаетъ выведенную тутъ русскую женщину.—Общее всѣмъ женскимъ типамъ, фигурирующимъ у этихъ писателей, составляетъ: честь, которой дорожить русская женщина, долгъ, которому она повинуется, и правда, которую она иногда сердцемъ чувствуетъ. Русская женщина заключила перастожимый союзъ съ этими тремя добродѣтелями и развести ее съ ними нельзя, не совершивши преступленія. На этой почвѣ развивается и тотъ неизмѣримо высокій нравственный взглядъ русскаго народа на бракъ и семейную жизнь, которымъ онъ всегда отличался и котораго даже и слѣда незамѣтно въ Анфисѣ.

Русскій народъ, дѣйствительно, имѣетъ неизмѣримо высокій и нравственный взглядъ на бракъ, на семейную жизнь, на обязанности мужа и жены, отца и матери.—Положеніе замужней женщины-крестьянки у нашего народа всегда было незавидное, и дѣвушка со страхомъ собиралась выходить замужъ, считая свое будущее положеніе неволюшкой. Да это и понятно, если въ семьѣ ея будущаго мужа встрѣчали ее, какъ новый лишній ротъ, недружелюбно:

„Свекоръ говоритъ (невѣсткѣ):

Къ намъ медвѣдицу ведутъ;

А свекровь говоритъ:

Къ намъ людоѣдку ведутъ;

А деревня говоритъ:

Къ намъ пряху ведутъ;

А золовки говорятъ:

Къ намъ непряху ведутъ;

Двѣ тетушки сидятъ,

Все про тое же говорятъ“.

Вступивши въ мужнинъ домъ, на „чужедальной“ на сторонушкѣ, молодая жена встрѣчала тамъ слѣдующее:

На печищѣ котище лежитъ,
То лютой свекоръ-батюшка;
По полу ходитъ гусыня,
То люта свекровь-матушка.

Иногда положеніе становилось прямо невыносимымъ и гонимая жена не выдерживала,—начинала горько плакаться на свою судьбу. Но замѣчательно, въ этихъ жалобахъ мы ничего не слышимъ, кромѣ вопля изстрадавшейся души, и не замѣчаемъ даже слѣдовъ намѣренія,—измѣнить мужу и убѣжать отъ него. Еще въ дѣвушкахъ, гадая о своей будущей судьбѣ, невѣста говоритъ:

Вы послушайте, родители мои родимые:

. . . . .
Запишу васъ въ вѣковѣчно проклинаньице,
И судьячить буду я на васъ, желанныхъ родителей,
Что вы выдали меня въ чужую сторонушку,
Сняли вы съ меня да волю мою волюшку.

Здѣсь гоненія молодой снохи достигаютъ такой силы, что вызываютъ у гонимой женщины даже ропотъ на родителей, по волѣ которыхъ она была выдана замужъ. Но и этотъ ропотъ на свою судьбу не идетъ дальше жалобы. Положеніе гонимой жены настолько тяжело, но и настолько неизбежно, что ся мужъ можетъ утѣшить ее только такимъ образомъ:

Милъ-любезный по сѣничкамъ похаживаетъ
Легохонько, тихохонько поговариваетъ:
Спи, спи, спи ты, моя умница,
Спи, спи, спи ты, разумница!
Загошѣна, заброшѣна, рано выдана!

А въ это время

Свекоръ-батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ,
Стучить-гредить, стучить-гредить,
Снохѣ спать не даетъ:
Встань, встань, встань ты, сонливая!
Встань, встань, встань ты, дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Такое незлобіе, такая кротость, такая безропотность въ молчаливомъ перенесеніи всѣхъ семейныхъ невзгодъ загнанной жены умницы-разумницы можно объяснить только тѣмъ высокимъ, религіозно-нравственнымъ взглядомъ русскаго народа на бракъ, по которому послѣдній какъ союзъ, благословенный Богомъ, не можетъ быть расторгнутъ. Не даромъ невѣста, во время чесанья волосъ, отвѣчая благодарностью на поцѣлуй своей невѣстки, сулящей ей счастье въ замужествѣ, поетъ дальше:

Будеть Богъ судить невольной моей головушкой!
 Буду Господомъ невольница я сужена,
 Родомъ племемъ невольница я сведена,
 Я священничкомъ въ Божьей церкви обвѣнчана,
 Мнѣ ли Богъ судилъ на чужой жить сторонушкѣ!

Конечно, если Самъ Богъ является нелицепріятнымъ Судьей „невинной головушки“, если этотъ же Судья судилъ ей жить на чужой сторонушкѣ, соединивъ подъ вѣнцомъ въ церкви ея судьбу съ немымъ,—то этотъ союзъ не можетъ быть расторгнутъ, и она должна будетъ безропотно нести свой жизненный крестъ.—Поэтому, она замыкается только въ самое себя, и одна со своими горькими думами и чувствами, внутри своей души переживаетъ свое горе, дѣлясь имъ лишь съ людьми, ей близкими: приглашая къ себѣ въ гости свою сестрицу, она говоритъ ей:

Тутъ я думушку съ тобой да пораздумаю,
 Я обидушку съ тобой да пораздѣлю.
 Не въ проносъ буде во добрые во людишки,
 Не въ рассказъ буде съ нарядными сосѣдюшками!

И русскій народъ крѣпко стоитъ за взлелѣянные имъ долгимъ жизненнымъ опытомъ его семейные идеалы, за пораненіе ихъ онъ караетъ строго и готовъ защищать ихъ даже цѣною собственной жизни.—Въ былинѣ про Добрыню Никитича, между прочимъ рассказывается, какъ во время отсутствія изъ дому этого богатыря его жена, вопреки запрещенію мужа, вышла замужъ за Алешу Поповича, сосватанная за него самимъ кн. Владиміромъ. Узнавъ объ этомъ еще на пути домой послѣ 12-лѣтней разлуки отъ своего вѣщаго коня, Добрыня загорается яростнымъ гнѣвомъ и скоро появляется на пиру, устроенномъ Владиміромъ по случаю

этого брака. Онъ весь пылаеть огнемъ мести и рѣшимости. Чувствуя за собой силу нравственнаго права и Божескаго закона, онъ „идеть на княжескій дворъ безобинячно, а въ палаты идетъ бездокладочно; не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ, у дверей не спрашивалъ придверниковъ, всѣхъ взашей прочь отталкивалъ“. Поздоровавшись съ княземъ и притворившись скоморохомъ, онъ скоро обличалъ свою жену, но простилъ ее послѣ раскаянія; затѣмъ, устыдилъ Владиміра-солнышко вмѣстѣ съ княгиней Апраксіей за то, что они „у живого мужа жену присватали“, и, наконецъ, добрался до Алеши Поповича, съ которымъ и учинилъ такую расправу:

„Ухватилъ Алешку за желтыя кудри,
Выдернулъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпичень мостъ,
Повыдергнулъ шалыгу подорожную (т. е., плеть съ кистнемъ),

Учанъ шалыжищемъ ухаживать,
Что хлопанье и что аханье, не слышно вѣдь!“

Такъ энергично и даже жестоко расправляется русскій народъ за поруганье своихъ семейныхъ идеаловъ, при разрушеніи ихъ всегда спрашивающій въ недоумѣнныхъ словами Добрыми Никитича:

„Гдѣ это видано, еще гдѣ это слыханно,
Отъ жива мужа замужь идти?“

Всѣ позднѣйшіе литературные типы русской женщины были созданы на почвѣ именно такого народнаго взгляда. Такова Тургеневская Наталья (въ „Рудинѣ“), Елена (въ „Наканунѣ“), Гончаревская Ольга (въ „Обломовѣ“) и Вѣра (въ „Обрывѣ“). Всѣ эти и другіе типы, конечно, выступаютъ со своими индивидуальными характерами; но всѣ они, въ общемъ, сохраняютъ одно и тоже, идущее изъ глубокой традиціонной старины настроеніе: вѣрность долгу и высокій нравственный взглядъ на свои обязанности, къ какой бы средѣ жизни ни относились послѣднія. Таковы, въ особенности: пушкинская Татьяна (въ „Евг. Онѣгинѣ“), Марія Ивановна („Копитанская дочка“) и Тургеневская Лиза (въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“).

Посмотрите на пушкинскую Татьяну послѣ того, какъ

она, выслушавши отвѣдь Онегина на свое признанье, встрѣтилась опять съ нимъ, уже вышедши замужъ за генерала! Съ какой твердой и гордой рѣшимостью отвѣчаетъ она ему теперь на его признанье, что „она другому отдана и будетъ вѣкъ ему вѣрна!“ Какое глубокое и высоко нравственное пониманіе обязанности жены сказывается въ этихъ короткихъ, но ясныхъ словахъ! Какъ ярко здѣсь обрисовывается вся свѣтлая душа Татьяны, когда-то дикой и одинокой дѣвочки, а потомъ—взрослой, умной барышни въ тихой русской семьѣ, оттуда, изъ нѣдръ этой семьи вынесшей свои семейные идеалы и свято сохранившей ихъ въ сутолокѣ столичной жизни. Не даромъ вся русская критика признала Татьяну, главнымъ образомъ, за ея вѣрность мужу, „идеальнымъ образцомъ русской женщины“.

Посмотрите на другое созданье пушкинскаго генія, Капитанскую дочку, Марью Ив. Миронову? Эта простая и на первый взглядъ незамѣтная дѣвушка привлекаетъ къ себѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ пристальнѣе въ нее вглядываешься. Слуга Савельичъ своимъ безхитростнымъ умомъ интуитивно почувялъ все величіе ея души и въ простотѣ сердечной назвалъ ее „Ангеломъ Божіимъ“... Насколько сильны были въ ней древне-русскія, національныя преданія, привитыя ей воспитаньемъ и религіей, свидѣтельствуешь хотя бы тотъ фактъ, что узнавъ о нежеланіи родителей Гринева—прислать ему благословенье на свадьбу, она готова подчиниться волѣ Божіей и отказывается отъ мечты-соединить свою сиротскую долю съ судьбой дорогого человѣка. „Нѣтъ, Петръ Андреевичъ, говорить она, я не выйду за тебя замужъ безъ благословенья твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенья не будетъ тебѣ счастья. Покоримся волѣ Божіей. Коли найдешь себѣ суженую, коли полюбишь другую, Богъ съ тобой, Петръ Андр., а я за Васъ обоихъ буду Богу молиться!“

Какое безпримѣрное благородство и героизмъ души! Какое великодушіе безъ мѣры! Какая простая и глубокая вѣра! Какое сознаніе долга предъ Богомъ и человѣкомъ! Дѣвушка изъ вѣрности своимъ религіозно-нравственнымъ принципамъ сама отказывается отъ идущаго ей въ руки счастья и обѣщаетъ молиться за свою будущую соперницу! Какое самоотверженіе и безкорыстіе! Ни тѣни гордости и себялюбія! Незаботясь о себѣ самой, она думаетъ только

о счастье любимого человека и готова на постоянные жертвы. Судьба наградила ее за величие ее души: она впоследствии вышла замуж за Гринева и сделалась счастливой матерью и преданной женой¹⁾.

Посмотрим, наконец, еще на один образ русской женщины, на тургеневскую Лизу. Пушкинская Татьяна приближается к Лизе по строгому чувству долга и ясному его сознанию; но натура Лизы гораздо глубже, психология сложнее, стремления чище и идеальней. Два главных черты составляют специфическую особенность характера Лизы: во 1-ых, глубокая религиозность и во 2-ых, чрезвычайная утонченность нравственного чувства или—чуткость совести. Религиозность проникает все внутреннее существо Лизы и служит основным фоном всей ее душевной жизни и даже внешней деятельности. В основе этого религиозного чувства лежит у нее глубокая, мистическая любовь к Богу, незримое присутствие которого она вездѣ чувствует.

При такой глубокой религиозности, Лиза обладает зоркой и неподкупной совестью. Последняя замѣняет ей жизненный опыт, руководит ее поведением и подсказывает въ каждомъ частномъ случаѣ, какъ она должна поступить... Лиза любила всѣхъ и никого въ особенности, потому что восторженно и горячо любила только одного Бога. Ей тяжело было жить среди этихъ, всѣхъ любимыхъ ею людей, мелочныхъ заботъ которыхъ она непонимала и тѣмъ болѣе, конечно, ихъ не раздѣляла. Нечего уже и говорить про то, что при такомъ настроеніи въ ней не было и слѣдовъ эгоизма; она никогда не думала о себѣ, о своемъ счастьѣ, считая его даже грѣхомъ удаляющимъ человека отъ Бога. Но... вдругъ Лиза полюбила Лаврецкаго, первымъ чувствомъ по отношенію къ которому у нея была жалость и состраданіе: зная, что онъ несчастливъ и страдаетъ, Лиза старается убѣдить его простить жену и примириться съ нею. Съ точки зрѣнія своего строго-нравственного взгляда на бракъ, немогущій быть расторгнутымъ, она говоритъ Лав-

1) Этотъ образъ, окруженный ореоломъ чистоты и поэзіи, пожалуй даже святости, не менѣе свѣтелъ и художествененъ, чѣмъ образъ Татьяны, и съ неменьшимъ же правомъ Марья Иван. можетъ быть названа идеаломъ русской женщины.

редкому: „какъ же можно разлучить то, что Богъ соединилъ? надо покаряться и безропотно нести своей жизненный крестъ“, продолжаетъ она развивать свою мысль. Запутавшись въ противорѣчiяхъ, съ которыми столкнули ее встрѣча личнаго счастья и—долга совѣсти, Лиза, въ концѣ концовъ, уходитъ въ монастырь. И этотъ выходъ по ея господствующему настроенiю, былъ для нея самымъ естественнымъ: будучи по самой своей природѣ и настроенiю „не отъ мiра сего“, она и уходитъ отъ этого мiра, но уходитъ для того, чтобы служить этому же грѣховному мiру своей молитвой.

Вотъ какова настоящая русская женщина съ ея возвышенными, глубоко-нравственными и религiозными взглядами на бракъ, на семейную жизнь, на обязанности жены и мужа. Не нужно даже проводить параллелей, чтобы видѣть, что Анфиса—не изъ ихъ числа. Анфиса, прежде всего, чужда сознанiя долга, о существованiи котораго она даже, какъ будто, и не подозрѣваетъ; въ ней нѣтъ совѣсти, которая давно заглохла и не грызетъ ея душу своими укорами. Въ ней нѣтъ и тѣни великодушiя, жалости и состраданья къ людямъ; нѣтъ никакихъ альтруистическихъ чувствъ, которыя замѣняютъ черствый эгоизмъ и расчетливое, жадное стремленье къ личному счастью. Лишившись надежды на полученiя послѣдняго, она не только не послѣдовала совѣту Лизы нести безропотно свой жизненный крестъ, но изъ злобной мстительности убиваетъ объектъ возможнаго для нея счастья. Для нея нѣтъ ничего святаго въ жизни, нѣтъ никакихъ положительныхъ нравственныхъ идеаловъ, которыхъ она даже и изжить не могла, потому что у нея ихъ никогда не было; она замкнулась всецѣло въ кругъ своего индивидуальнаго сознанья и разрушительно для жизни работаетъ въ немъ. Восклицанье Лизы: „какъ же можно раздѣлять то, что Богъ соединилъ?“ ей непонятно. По этому, она требуетъ отъ своего любовника адвоката, чтобы онъ просто уѣхалъ отъ своей законной жены и замѣнилъ ее ея особой, требуетъ этого, гордая сознаньемъ какого то своего права, даннаго ей развѣ лишь однимъ Андреевымъ. А вѣрность мужу по примѣру Пушкинской Татьяны органически не вяжется съ безнравственнымъ и изолгавшимся существомъ Анфисы, и она къ

ней также идетъ, какъ... но не хочу употреблять грубаго сравненья хотя бы и для Анфисы.

Вообще, Анфиса совсѣмъ не призвана къ чистой семейной жизни, которая составляетъ какъ бы специфическую судьбу дѣятельности русской женщины; ея любовникъ, въ порывѣ раздраженья довольно вѣрно замѣчаетъ ей, что она можетъ быть только любовницей и никогда женой. Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ Анфису въ роли жены хоть ненадолго, и вы сейчасъ же почувствуете все неудобство своего положенья и все несоотвѣтствіе для Анфисы этой трудной роли: съ одной стороны Анфиса, любящая жена и скоро, можетъ быть, мать, а съ другой—хотя бы Костомаровъ ея настоящій мужъ, это понятно, взаимно другъ друга исключаютъ. Слова „мужъ“ и „жена“, а также-права и обязанности, соединяемая съ положеніемъ супруговъ, для Анфисы совсѣмъ непонятны. Мнѣ сейчасъ вспоминается одинъ эпизодъ изъ короткой повѣсти Гоголя: „Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетушка“. Иванъ Федоровичъ былъ кроткое и безобидное холостое существо, не знавшее совершенно жизни и не подозрѣвавшее о существованіи многихъ ея хорошихъ и дурныхъ сторонъ. Тетушка, управлявшая не только его имѣньемъ, но также и мыслями, и чувствами, и волей, задумала злой умыселъ: она рѣшила женить своего боязливаго племянника, который, по ея собственнымъ словамъ, былъ, какъ маленькое дитя, и ничего не зналъ. Когда тетушка вопросъ о женитьбѣ поставила ребромъ, категорически заявивъ племяннику: „тебѣ непременно нужна жена!“ то женихъ пришелъ въ неописанный ужасъ: „какъ тетушка!“ въ испугѣ закричалъ онъ, какъ жена! Нѣтъ-съ, тетушка, сдѣлайте милость... Вы совершенно въ стыдъ меня приводите... Я еще никогда не былъ женатъ... Я совершенно не знаю, что съ нею дѣлать!“ „Узнаешь, Ив. Феод., узнаешь“, промолвила, улыбаясь, тетушка, и тутъ же добавила про себя „Куды-жъ! ще зовсимъ молода дытына: ничего не знаешь“!

Вотъ мнѣ теперь и кажется: если бы Анфисѣ Андреева гоголевская тетушка предложила выйти по-настоящему замужъ, она бы, вѣроятно, также отвѣтила: „какъ замужъ! Нѣтъ-съ, сдѣлайте милость... Вы совершенно въ смѣхъ (вмѣсто—въ стыдъ, котораго у нея нѣтъ) меня приводите... Я

никогда не была замужемъ... Я совершенно не знала, что съ нимъ (съ мужемъ) дѣлать!... Психологія у нея, какъ видите, одна съ психологіей Ив. Ѳед., а настроенія—совершенно разныя; и тогда какъ рѣчь Ив. Ѳед. раскрываетъ передъ нами всю невинность и простоту его дѣтской, наивной души, тѣ же слова въ устахъ Анфисы изобличаютъ ея коварство и цинизмъ. Впрочемъ, и она въ своемъ испугѣ передъ перспективной выйти замужъ была бы совершенно права: она и въ самомъ дѣлѣ не знала бы тогда, что она будетъ дѣлать со своимъ настоящимъ мужемъ, потому что мужъ, какъ отецъ семейства, какъ извѣстная социальная единица съ опредѣленными правами и обязанностями, ей совершенно неизвѣстенъ или, точнѣе, непонятенъ и не укладывается въ рамки ея обычныхъ представленій. Говорить съ нею о такомъ мужѣ все равно, что, напр., слѣпорожденному разъяснять понятіе о цвѣтахъ и ихъ различіяхъ. Она знаетъ и можетъ знать только любовника, а не мужа, и мужъ для нея можетъ быть только любовникомъ, какъ она-его любовницей, а не женой.

Итакъ, Анфиса не русская женщина, и своимъ антинаціональнымъ характеромъ и настроеніемъ она отрѣшаетъ насъ отъ нашей исторической среды, а сама—является въ ней иностранкой, одѣтой въ платье русской интеллигентной вдовы, которое ей велико. Скажутъ: что-же, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго! Анфиса—и не должна была быть русской женщиной въ стилѣ Пушкинской Татьяны или Тургеневской Лизы. Въ ней Андреевъ изобразилъ типъ женщины вообще, съ тѣми особенностями ея психики, которыя мы отмѣчали выше; и русскимъ колоритомъ воспользовался только, какъ внѣшнимъ фономъ. Да мы и не можемъ навязывать, особенно новымъ литературнымъ типамъ, быть точными слѣпками со старыхъ образцовъ, потому что жизнь идетъ, а не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Но во-первыхъ, мнѣ кажется, всякій новый литературный типъ долженъ всегда сохранять вѣрность національному колориту, и выдерживать, по крайней мѣрѣ, общій тонъ типичнаго настроенія своего народа, что не исключаетъ для него возможности—идти вслѣдъ за жизнью и развиваться въ параллель съ наростающими нуждами послѣдней. А затѣмъ: я вѣдь и не затрагивалъ вопроса о томъ, нужно или не нужно быть Анфисѣ типичной

русской женщиной. Я просто констатировалъ фактъ, стараясь показать, что Анфиса очень далеко стоитъ отъ тѣхъ идеальныхъ образцовъ русской женщины, которые намъ даны въ литературныхъ типахъ Пушкинымъ, Тургеневымъ и другими, не менѣе талантливыми, чѣмъ Андреевъ, писателями. Если же Анфиса, дѣйствительно, такова, то значитъ, она измѣняетъ нашей, національно-русской дѣйствительности. Конечно, можно по разному относиться къ этой измѣнѣ, но у насъ-то дѣло было не въ оцѣнкѣ факта, а только въ фактѣ, самомъ говорящемъ за себя.

Продолжаю настаивать на томъ, что Анфиса—не русская женщина. Но она—и не пародія на русскую женщину. Кто-же тогда, наконецъ, Анфиса?—Но таинственная Анфиса вовсе не загадочна. Говоря иначе, Анфиса тотъ „естественный человѣкъ“, только разумѣется, женскаго пола, которую современная культура поставила на концѣ всѣхъ своихъ будто бы освободительныхъ стремленій, какъ послѣднюю и прогрессивнѣйшую цѣль. Къ этому, именно, естественному человѣку, съ его естественными и противоестественными потребностями, т. е., къ его звѣринымъ инстинктамъ, всегда накопляющимся на днѣ человѣческой души и проявляющейся бурно, когда ихъ не сдерживаютъ,—все и свела современная, по крайней мѣрѣ, западная культура. А у насъ въ роли этого „человѣка“ выступили Анфисы, конечно, не исчерпывающія собою всего животное-подобнаго человѣческаго естества, а только съ наибольшей рельефностью отбѣняющія одну часть его психики, направленной въ сторону любовной страсти.

VI.

Заключительный взглядъ на Анфису, какъ на современный типъ „естественнаго человѣка“, выдвинутаго особенно западной культурой, и отношеніе ея къ культурѣ самобытно-русской.

По ассоціаціи съ западной культурой позволимъ себѣ здѣсь подѣлиться со слушателями своими заграничными впечатлѣніями отъ Европы и отъ состоянья тамъ моральной жизни, къ настроенію которой весьма близко подходитъ Анфиса.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ нѣмцевъ, весьма образованный и бывалый человѣкъ, нѣкто Steinemann, рассказы-

валъ въ Берлинѣ мнѣ про свои впечатлѣнія отъ поѣздки по Франціи и Англіи и такъ характеризовалъ студентовъ каждой изъ этихъ культурныхъ странъ, сопоставляя ихъ съ нѣмецкими студентами. Французскіе студенты, говорилъ онъ, народъ веселый; любитъ погулять, поиграть съ женщинами, и рѣдкій изъ нихъ каждую ночь не развратничаетъ. Англійскіе студенты,—ну, это сухопарые практиканты, чопорные и чванные господа,—они не чувствуютъ такого влеченія къ женскому полу, хотя все же при всякомъ удобномъ, иногда даже и неудобномъ случаѣ, не прочь съ нимъ побаловаться. Нѣмцы—это народъ степенный и разсудительный, они изо дня въ день, вплоть до воскресенья, кропотливо занимаются своей работой, и одинъ разъ въ недѣлю уже непременно развратничаютъ.

Меня поразило шутиливо-снисходительный тонъ разсказа и совершенно спокойное настроеніе рассказчика, который говорилъ о такихъ интимныхъ вещахъ, какъ о самыхъ обыкновенныхъ и даже ни разу не сдѣлалъ попытку покраснѣть; на лицѣ не было замѣтно никакого смущенія и тѣни неловкости.

Обратите вниманіе на то, съ какимъ кричащимъ и вызывающимъ цинизмомъ высказываются здѣсь всѣ эти непреличныя мысли! А авторъ ихъ даже и не сознаетъ того, что онъ своими грубыми словами можетъ оскорбить слухъ и нравственное чувство другого. Онъ говоритъ такъ, какъ человѣкъ, въ плоть и кровь котораго вошли подобныя настроенія и сдѣлались господствующими—въ душѣ, а въ жизни—обыкновенными. Но вѣдь это же ужасно!—признаваться открыто въ томъ, что „я по воскресеньямъ развратничаю“ и —не только не стыдиться, но даже какъ будто и бравировать этимъ. Еще болѣе ужасно—дѣлать это и опять не сознавать, что это позорно, постыдно, просто-безнравственно! Что это оскорбляетъ самую элементарную этику!

И вотъ что знаменательно: такъ говоритъ и дѣлаетъ не одинъ только Steinemann. Другой нѣмецъ, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, докторъ литературы, исторіи, критикъ и литераторъ, Hen, повторяя мысли Steinemann'a, замѣтилъ мнѣ однажды на мои жалобы по поводу пониженія уровня нравственнаго сознанія современной русской молодежи, что мои жалобы совершенно напрасны, такъ какъ

въ средѣ отношеній между мужчиной и женщиной вѣтъ опредѣленныхъ критеріевъ или какихъ-нибудь сдерживающихъ похоть стимуловъ.

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на дѣло, но все это нельзя не признать симптомомъ ложнаго направленія всей культуры, которая совершенно сошла съ нравственной почвы и никакъ не можетъ справиться съ разбушевавшимися страстями „естественнаго человѣка“.

И какъ бы нѣмцы ни выдвигали на видъ свою, широко-развитую, внѣшнюю машинную культуру, мы не можемъ спокойно восхищаться ею, если она идетъ на убыль моральному росту человѣка. Одинъ внѣшній блескъ не есть еще признакъ дѣйствительнаго прогресса, потому что можетъ служить для прикрытія подъ нимъ нравственнаго безобразія. И совсѣмъ неправда, что въ Нѣмціи все хорошо! Тамъ — не все благополучно, но это — не такъ замѣтно и не бросается въ глаза, потому — что въ нихъ пускается культурная пыль, которая и заслоняетъ отъ непроницательнаго взора всѣ прорѣхи. Наводя лоскъ на наружную сторону своей жизни, они не обращаютъ вниманія на ея внутреннее содержаніе, въ которыхъ все гніетъ отъ нравственныхъ міазмовъ и заживо разлагается ¹⁾).

Если мы будемъ отыскивать причину нравственнаго гніенія Запада, то ее, быть можетъ, скорѣе всего надо полагать въ томъ, что онъ — порываетъ связь съ христіанствомъ; вотъ почему во Франціи, гдѣ эта связь уже совершенно порвана, развратъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо еще, и гуляетъ тамъ повсюду не только ночью, но даже и днемъ по улицамъ. Да это и понятно: когда во главу угла поставленъ „естественный человѣкъ“, а на мѣсто Бога — Человѣко-богъ, то нечего стѣсняться въ проявленіи своихъ склонностей, какъ бы они безобразны ни были. Тогда, по словамъ Ив. Карамазова, уже не будетъ безнравственнаго, все будетъ позволено, даже антропофагія; тогда нравственный законъ

---

¹⁾ Говоря такъ, я имѣю въ виду, напр., семейную жизнь нѣмцевъ, въ которой у нихъ мать обращена въ кухарку и самку, — школьную жизнь, въ которой узаконены тѣлесныя наказанія дѣтей и всегда съ жестокостью примѣняются, а также и нѣкоторыя другія явленія ихъ общественной и частной жизни. Но останавливаться на нихъ — я не имѣю времени.

природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему религіозному, и эгоизмъ, даже до злодѣйства, не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но и признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и чуть-ли не благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи“... Такому новому человѣку „позволительно стать человѣкобогомъ, даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и уже конечно, въ новомъ чинѣ съ легкимъ сердцемъ перешагнуть всякую прежнюю нравственную преграду, прежняго раба-человѣка, если это понадобится.

Да, безъ Бога „все позволено“—противъ этого вывода возразить нечего. Безъ Бога нѣтъ никакого сдерживающаго стимула для безнравственной разнузданности и открыта настежь дверь всѣмъ порокамъ и преступленіямъ.

Это все мы и видимъ въ „Анфисѣ“ Андреева, безнравственность которой, въ послѣдней инстанціи, быть можетъ, утверждается на безрелигіозности ея автора. Во всякомъ случаѣ, Анфиса (раздѣляетъ всѣ послѣдствія безрелигіозности)—женщина, не имѣющая подъ ногами никакой моральной почвы, и вся, со всей своей односторонней психикой, вылившаяся въ грубую любовную страсть. Увлеченіе сладострастіемъ—господствующее настроеніе ея души, вытѣснившее оттуда всѣ другія стороны ея психики. Вотъ почему она разводится съ мужемъ, вступаетъ въ связь съ подвернувшимся подъ руку офицеромъ въ Смоленскѣ, затѣмъ, влюбляется въ адвоката и влюбляетъ его въ себя, и на протяженіи исторіи развитія этой послѣдней любви, вступаетъ какъ будто въ связь съ застрѣлившимся, несовершеннолѣтнимъ, гимназистомъ Петей.—Словомъ, Анфиса—воплащенная безнравственность. Въ ней до омерзанія опошлось такое чистое чувство, какъ любовь; она загрязнила своимъ сладострастнымъ цинизмомъ всѣ святыни русской женщины, смѣшала любовницу съ женой. Она ворвалась въ самое святое святыхъ человѣческой жизни,—въ семью,—и своимъ нахальнымъ прикосновеніемъ къ семейнымъ идеаламъ, также осквернила ихъ и разбила вдребезги. Не зная никакихъ обязанностей, не знакомая съ чувствомъ долга и совѣсти, не возмущаясь самымъ низменнымъ развратомъ, она готова сама развратничать всю жизнь и поощрять другихъ дѣлать тоже.—Въ отношеніи къ такому полному

аморализму, Анфиса представляет изъ себя прямо сколокъ съ современнаго запада.

Теперь я спрашиваю: неужели общечеловѣческое нравственное сознание санкціонируетъ право на существованіе за этимъ „естественнымъ человѣкомъ?“—Конечно же нѣтъ! Оно намъ непосредственно говоритъ, что въ человѣкѣ есть и сверхъестественный элементъ, влитый въ его природу христіанствомъ. И это долженъ признать всякій, кому только дороги всѣ нравственные идеалы, составляющіе культурное достояніе всего историческаго человѣчества. Значитъ, общечеловѣческая правда сказывается не на сторонѣ Анфисы и запада. Гдѣ же эта правда? Мнѣ кажется, въ русской культурѣ, которая идетъ своей дорогой, не по слѣдамъ запада, и зиждется на своихъ собственныхъ, самобытныхъ началахъ.

Кто-то сказалъ про русскій народъ, что это—увлекающаяся нація: здѣсь всѣ упиваются, если не алкоголемъ, то идеями. Это, можетъ быть, и правда. Во всякомъ случаѣ, въ русскомъ народѣ теплота и мягкость славянства соединяется съ сердечной глубиной мышленія. Это увлеченіе сказывается и въ устройствѣ нашимъ народомъ его культурной жизни, въ основу которой онъ положилъ—строгую нравственность. Несомнѣнно, что у насъ, по крайней мѣрѣ, не стерлась еще грань, отдѣляющая добро отъ зла, добродѣтель отъ порока, и тамъ, гдѣ эта грань ясно не сознается, она интуитивно чувствуется: и это нравственное чувство у насъ обладаетъ еще достаточной интенсивностью и остротой, чтобы отличить хорошаго человѣка отъ дурнаго и отдать предпочтеніе первому передъ послѣднимъ. Правда, и у насъ падаютъ, но у насъ потомъ въ этомъ раскаиваются; и у насъ люди оскорбляютъ другъ друга, но у насъ—оскорбленныхъ оплакиваютъ; и у насъ иногда появляются свои „Анфисы“, но у насъ онѣ стыдятся дѣлать свое безобразное дѣло при всѣхъ и не возводятъ безнравственность въ принципъ.

Такимъ образомъ, все историческое развитіе нашего народа совершается на нравственной почвѣ. И это я считаю специфически-характерной чертой нашей націи и въ этомъ же вижу самобытность нашей культуры. Значитъ, наша культура зиждется на самобытныхъ моральныхъ устояхъ, благодаря которымъ, стоя нока вдали отъ запада, она и не

подвергается разлагающему вліянію послѣдняго. Будетъ очень плохо, если она свернетъ въ сторону отъ этихъ устоевъ и пойдетъ по пути Европы; объ этомъ можно будетъ искренне пожалѣть. Тогда, вслѣдъ за этимъ, она можетъ жить всѣ свои нравственные идеалы, потеряетъ остроту своего нравственнаго чувства и породитъ уже сама андреевскую „Анфису“, склонивъ и всѣ свои симпатіи на сторону послѣдней; тогда ей будетъ грозить полное нравственное банкротство.

Но я думаю, что этого не случится. Я крѣпко вѣрю въ свой русскій народъ, въ его духовныя силы, въ его нравственные идеалы, въ его историческое призванье—быть богоносцемъ для человѣчества. Я вѣрю, что русскій народъ, имѣя свои опредѣленныя культурныя способности и не будучи въ самомъ своемъ существованіи печальной ошибкой природы, имѣетъ свою опредѣленную нравственную задачу, свою опредѣленную историческую миссію, предусмотрѣнную въ общемъ нравственномъ міропорядкѣ; я вѣрю въ это такъ же твердо, какъ вѣрилъ Герценъ и Достоевскій. По этому, я вѣрю и въ то, что нашъ народъ до конца устоитъ на своемъ пути, не измѣнитъ самобытнымъ нравственнымъ началамъ своей культуры и не свернетъ въ сторону запада или Анфисы; живущими въ сокровенныхъ глубинахъ души народной нравственными силами она преодолѣетъ силу притяженія къ Анфисѣ и пройдетъ стороной отъ Запада.

Гоголь, сравнивая Русь и ея поступательное движеніе по пути историческаго развитія съ бѣшено мчащейся тройкой, спрашиваетъ ее: „Русь, куда же несешься ты? Дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта“. И затѣмъ, рисуется ему такая художественная картина: „чуднымъ звономъ заливаются колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь, постарониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.“—Должны всѣ посторониться и дать ей дорогу и въ томъ ея великомъ нравственномъ пути богоношества, который ей начертанъ Богомъ и ея народомъ Богоносцемъ. Если же „Анфиса“ на этомъ пути станетъ ей поперекъ дороги, то Русь задавитъ ее своей тройкой.

П. Нечаевъ.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

30 Ноября

№ 22

1910 года.

Содержаніе. I. Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія въ теченіе 1911 года.—Журналы очереднаго Съѣзда уполномоченныхъ отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа 21 сентября 1910 г.—Отъ Государственнаго банка объявленіе.—Объявленіе отъ Экзаменаціонной комиссіи при Харьковской духовной семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

РОСПИСАНІЕ

очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереями и священниками города Харькова и подгороднихъ селеній въ Кафедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1911 года.

Мѣсяць и число 1911 г.	Наименованіе воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ которые должны быть произнесены проповѣди по назначенію.	Кто изъ протоіереевъ и священниковъ го- рода Харькова и под- городныхъ селеній имѣетъ проповѣды- вать слово Божіе въ Кафедральномъ Успенскомъ соборѣ.	Въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ ихъ храмовые праздники.
Январь			
1	Новый годъ.	Прот. І. Гонча- ревскій.	
2	Недѣля 30-я предъ Богоявленіемъ.	Свящ. Г. Рудин- скій.	
6	Богоявленіе.	Свящ. І. Филев- скій.	
9	Недѣля 31, по Бого- явленіи.	Прот. П. Мигу- линъ.	
16	Недѣля 32-я Поклон. веригамъ Ап. Петра.	Свящ. Н. Черне- левскій.	Свящ. Ѡ. Кіани- цынъ.
17	Преподобнаго Анто- нія Великаго.		Прот. Н. Стел- лецкій.
23	Нед. 33-я о Закхеѣ.	Свящ. Н. Крати- ровъ.	

Январь 30	Недѣля о мытарѣ и фарисеѣ. Соборъ 3-хъ святителей Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста.	Свящ. С. Уманцевъ.	Свящ. П. Кушта- ловъ.
Февраль 2	Срѣтеніе Господне.	Прот. В. Ветуховъ	
6	Недѣля о блудномъ сынѣ и Елецкой иконы Божіей Матери.	Свящ. Л. Твердохлѣбовъ.	
8	Вм. Феодора Стратилата.		Свящ. Н. Загор- овскій.
13	Недѣля мясопуста.	Прот. П. Григоровичъ.	
19	Освобожденіе крест.	Прот. І. Печета.	
20	Недѣля сыропуста.	Прот. Г. Виноградовъ.	
25	На первую пассію въ Покровскомъ монаст.	Прот. В. Александровъ.	
27	Недѣля 1-я Великаго поста, Торжество Прав.	Священ. Н. Липскій.	
Мартъ 4	На 2-ю пассію въ Покровскомъ мон.	Свящ. П. Грома.	
6	Недѣля 2-я Великаго поста, свят. Григорія Паламы.	Священ. І. Инниковъ.	
11	На 3-ю пассію въ Покровскомъ монаст.	Свящ. І. Котовъ.	
13	Недѣля 3-я Великаго поста, Крестопоклон.	Прот. Н. Соколовскій.	
18	На 4-ю пассію въ Покровскомъ монаст.	Свящ. І. Артинскій.	
20	Недѣля 4-я Великаго поста, св. Іоанна Лѣствичника.	Свящ. І. Петровскій.	
25	Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы.	Свящ. М. Энеидовъ.	Прот. В. Поповъ
27	Недѣля 5-я Великаго поста, Маріи Египетс.	Свящ. В. Шаповаловъ.	
Апрѣль 2	Лазарево Воскресеніе.	Прот. П. Скуба- чевскій.	

Апрѣль			
3	Недѣля Вай. Торжественный входъ Господа во Іерусалимъ.	Свящ. С. Перцевъ.	
8	Великій Пятокъ.	Прот. А. Юшковъ	
11	2-й день Пасхи.	Свящ. П. Тимоѣевъ.	Свящ. І. Горанинъ
17	Недѣля о Ѡомъ.	Свящ. С. Крохатскій.	
22	Перенесеніе чудотворной иконы Озерянской Божіей Матери.	Свящ. П. Шебагинскій.	
23	Св. вмв. и побѣдоносца Георгія и Тезоименитство Государыни Императрицы Александры Феодоровны.	Свящ. Бурговъ.	Свящ. І. Толмачевъ.
24	Недѣля св. Женъ Мирносицъ.	Свящ. І. Полницкій.	Прот. Н. Любарскій.
Май			
1	Недѣля о Разслабленномъ.	Свящ. Н. Ястремскій.	
4	Преполовеніе.	Свящ. Н. Шосте.	
6	Рожденіе Государя Императора.	Прот. В. Борисоглѣбскій.	
8	Недѣля о Самарянинѣ, св. Апостола Іоанна Богослова.	Свящ. Е. Оболенскій.	Прот. А. Юшковъ. Свящ. М. Феодоровскій.
9	Перенесеніе мощей Николая Чудотворца.	Прот. Н. Гутниковъ.	Прот. П. Ивановъ.
11	Равноапост. Кирилла и Меѳодія.		Свящ. С. Посельскій.
14	Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.	Прот. В. Добровольскій.	
15	Недѣля о слѣпомъ.	Свящ. Ѡ. Сулима	Свящ. І. Поповъ.
19	Вознесеніе Господне	Свящ. В. Платоновъ.	Свящ. Д. Поповъ.
21	Св. Равноапостольн. царя Константина и матери его Елены.		Свящ. В. Толмачевъ. Свящ. А. Оптовцевъ.
22	Недѣля 7, Св. Отецъ І Вселен. Собора.	Прот. Г. Чеботаревъ.	

Май 25	Рожденіе Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.	Прот. А. Бала-новскій.	
29	Пятидесятница 1-й день.		Свящ. А. Жада-новскій.
30	День Св. Духа.	Свящ. І. Ивно-ковъ.	Свящ. П. Тимо-еевъ.
Іюнь 5	Недѣля І Всѣхъ Святыхъ.	Свящ. Н. Черне-левскій.	Прот. І. Ѳеодоров-скій.
12	Недѣля 2-я по Пяти-десятницѣ.	Свящ. К. Дья-ковъ.	
19	Недѣля 3-я по Пяти-десятницѣ.	Свящ. Г. Рудин-скій.	
24	Рождество Іоанна Предтечи.		Свящ. М. Пет-ровъ.
26	Недѣля 4-я по Пяти-десятницѣ.	Свящ. А. Жада-новскій.	
29	Св. Апостол. Петра и Павла.	Прот. П. Тимоее-въ.	Прот. А. Любар-скій.
Іюль 3	Недѣля 5-я по Пяти-десятницѣ.	Свящ. С. Пер-цевъ.	
8	Явленіе иконы Божіей Матери Казанск.	Свящ. І. Горайнъ	
10	Недѣля 6-я по Пяти-десятницѣ.	Свящ. В. Поно-маревъ.	
15	Равноапостольнаго великаго князя Влади-міра Кіевскаго.	Свящ. С. Крохат-скій.	
17	Недѣля 7-я по Пяти-десятницѣ.	Свящ. А. Оптов-цевъ.	
19	Обрѣтеніе мощей св. Серафима Саровскаго.	Свящ. М. Кляч-новъ.	Свящ. Н. Ястрем-скій.
20	Св. пророка Іліи.	Св. М. Юшковъ.	
22	Тезоименитство вдов-ствующей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.	Свящ. Д. Поповъ	
24	Недѣля 8-я по Пяти-десятницѣ.	Свящ. І. Толма-чевъ.	

Іюль 27	Св. вмч. Пантелеи- мона.	Прот. І. Левни- кій.	Свящ. І. Прихо- динъ.
30	Рожденіе Наслѣдни- ка Цесаревича Алексія Николаевича.	Свящ. П. Вишня- ковъ.	
31	Недѣля 9-я по Пяти- десятницѣ.	Свящ. С. Посель- скій.	
Августъ 1	Происхожденіе дре- ва Креста Господня.	Свящ. Г. Рудин- скій.	
6	Преображеніе Гос- подне.	Свящ. М. Слуц- кій.	Свящ. Е. Оболен- скій.
7	Недѣля 10 по Пяти- десятницѣ.	Свящ. І. Полниц- кій.	
14	Недѣля 11-я по Пяти- десятницѣ.	Свящ. І. Петров- скій.	
15	Успеніе Пресвятыя Богородицы.	Свящ. Л. Твердо- хлѣбовъ.	
21	Недѣля 12-я по Пяти- десятницѣ.	Свящ. Ѡ. Кіяни- цынъ.	
28	Недѣля 13-я по Пяти- десятницѣ.	Прот. П. Мигу- линъ.	
29	Усѣкновение главы Пророка Предтечи и Крестителя Господня Іоанна.	Прот. С. Любиц- кій.	Прот. І. Знамен- скій.
30	Свят. Благовѣрнаго князя Александра Нев- скаго.		Свящ. А. Соколь- скій.
Сентяб. 4	Недѣля 14-я по Пяти- десятницѣ.	Свящ. Н. Крати- ровъ.	
8	Рождество Пресвя- тыя Богородицы.	Прот. Г. Виногра- довъ.	Свящ. Н. Лип- скій. Свящ. А. Захарь- евъ.
11	Недѣля 15-я по Пяти- десятницѣ передъ Воз- движеніемъ.	Свящ. М. Пет- ровъ.	
14	Воздвиженіе Креста Господня.	Свящ. Н. Заго- ровскій.	Свящ. М. Энци- довъ.
18	Недѣля 16-я, по Воз- движеніи.	Прот. П. Тимо- еевъ.	

Сентяб. 25	Недѣля 17 по Пятидесятницѣ и преподобнаго Сергія Радонежскаго.	Свящ. Андрей Жадановскій.	Свящ. І. Артинскій.
26	Преставленіе св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.	Прот. А. Любарскій.	1) Свящ. П. Шибатинскій. 2) Одинъ изъ преподавателей Семинаріи по назначенію Архіепископа. 3) Свящ. Доброславскій.
30	Перенесеніе чудотворныя иконы Божіей Матери Озерянскія.		Свящ. М. Юшковъ.
Октябрь 1	Покровъ Пресвятыя Богородицы.	Прот. П. Григоровичъ.	Свящ. Н. Шосте.
2	Недѣля 18-я по Пятидесятницѣ.	Прот. П. Ивановъ.	
5	Тезоименитство Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича.	Прот. Н. Любарскій.	
9	Недѣля 19-я по Пятидесятницѣ.	Прот. Н. Гутниковъ.	
16	Недѣля 20-я по Пятидесятницѣ.	Свящ. В. Пономаревъ.	
17	Прп. Осии. Воспоминаніе чудеснаго спасенія Царской семьи при крушеніи поѣзда при ст. Борки.	Свящ. П. Кушталовъ.	Свящ. І. Дмитревскій. Свящ. І. Филипповичъ.
21	Восшествіе на престолъ Государя Императора Николая Александровича.	Прот. П. Ѡминъ.	
22	Празд. Казанской иконы Божіей Матери.	Прот. В. Александровъ.	
23	Недѣля 21 по Пятидесятницѣ.	Прот. В. Поповъ.	
24	Праздникъ Образа Божіей Матери Всѣхъ скорбящихъ радости.		Свящ. М. Сѣкирскій.
26	Вмч. Димитрія Солунскаго.		Свящ. А. Луценко.

Октябрь 30	Недѣля 22 по Пятидесятиницѣ.	Прот. Г. Чеботаревъ.	
Ноябрь 6	Недѣля 23 по Пятидесятиницѣ.	Свящ. І. Приходинъ.	
8	Соборъ Архистратига Михаила.		Прот. П. Полтавцевъ.
13	Недѣля 24 и св. Іоанна Златоустаго.	Свящ. В. Толмачевъ.	Свящ. А. Бурговъ.
14	Апостола Филиппа, Рожденіе вдовствующей Государыни Императрицы Маріи Феодоровны	Свящ. В. Платоновъ.	Свящ. П. Грома.
20	Недѣля 25 по Пятидесятиницѣ.	Свящ. І. Приходинъ.	.
21	Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы	Свящ. С. Уманцевъ.	
23	Великаго князя Александра-Невскаго.		Свящ. М. Слуцкій.
27	Недѣля 26 по Пятидесятиницѣ.	Прот. І. Федоровскій.	Прот. П. Солнцевъ.
Декабрь 4	Недѣля 27 и вмч. Варвары.	Архимандритъ Афанасій.	Свящ. І. Котовъ.
6	Св. Николая Чудотворца и Тезоименитство Государя Императора.	Свящ. І. Дмитревскій.	Прот. В. Ветуховъ.
11	Недѣля 28 Св. Праотець.	Свящ. І. Поповъ.	
12	Св. Спиридона.		Свящ. І. Мантулинъ.
18	Недѣля 29, передъ Рождествомъ.	Свящ. М. Федоровскій.	
25	Нед. 30. Рождество Господа Іисуса Христа.	Прот. І. Знаменскій.	
26	Соборъ Пресвятой Богородицы.		Свящ. К. Дьяковъ.

Ж У Р Н А Л Ы

очереднаго сѣзда уполномоченныхъ отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго утромъ 21 сентября 1910 г.

Уполномоченные отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа, въ числѣ 12-ти человекъ, собравшись въ зданіи училища, по молитвѣ, закрытою баллотировкою избрали предсѣдателемъ священника Василя Попова, а дѣлопроизводителями священниковъ: Владимира Чебанова, Валентина Бугуцкаго и Александра Яковлева и приступили къ занятіямъ.

1) Читаны были журналы сѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа за прошлый 1909 годъ съ послѣдовавшими на нихъ резолюціями Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепіскопа Харьковскаго и Ахтырскаго, и *постановили* принять къ свѣдѣнію и руководству.

2) Слушали смѣту о приходѣ и расходѣ суммъ, составленную правленіемъ Купянскаго духовнаго училища на 1911 годъ, изъ коей явствуетъ, что прихода суммъ ожидается къ поступленію въ 1911 году 32,359 р. 54 коп., а расхода 32,980 р. 87 коп., такъ что расходъ превышаетъ приходъ на 621 р. 32 коп., *постановили*: смѣту оставить безъ измѣненія, но окончательное рѣшеніе вопроса о предполагаемомъ дефицитѣ по смѣтѣ 1911 года, въ количествѣ 621 р. 33 коп., отложить до будущаго сѣзда.

3) Разсматривали вѣнчиковыя вѣдомости за прошедшій 1909 годъ, веденіе которыхъ найдено правильнымъ и законнымъ, *постановили*: принять къ свѣдѣнію, при чемъ рекомендовать духовенству, чрезъ оо. благочинныхъ не выписывать для продажи раскрашенныхъ вѣнчиковъ.

4) Разсматривали журналы Временнаго Ревизіоннаго Комитета по провѣркѣ прихода и расхода училищныхъ суммъ и актовъ о ежемѣсячныхъ ревизіяхъ сего комитета, при чемъ члены комитета представили сѣзду свой письменный докладъ о томъ, что документальная отчетность была ведена правильно и законно во всѣхъ отношеніяхъ, а расходованіе суммъ производилось соотвѣтственно дѣйствительной потребности и нуждамъ училища, *постановили*: журналъ Временнаго Ревизіоннаго Комитета приложить къ дѣламъ сѣзда и выразить оо. членамъ названнаго комитета благодарность за понесенные ими труды.

5) Имѣли сужденіе объ изыканіи средствъ къ погашенію 1,205 руб. 11 коп., взятыхъ займообразно изъ строительныхъ суммъ на.

погашеніе образовавшагося къ 1-му января 1910 года дефицита по смѣтѣ 1909 года, каковое позаимствованіе было произведено правленіемъ училища на основаніи постановленія Съѣзда 1909 года, *постановили*: сумму 1,205 р. 11 коп. погасить единовременными взносами по 602 р. 56 коп. отъ причтовъ и церковей училищнаго округа, поручивъ правленію училища сдѣлать соответствующую раскідку по благочинническимъ округамъ.

6) Слушали докладъ правленія Купянскаго духовнаго училища о могущемъ образоваться къ январю 1911 года дефицитъ по смѣтѣ 1910 года въ количествѣ приблизительно до 1,000 руб., *постановили*: могущій образоваться къ январю 1911 года дефицитъ, въ количествѣ до 1,000 руб., покрыть изъ суммъ, имѣющихъ поступить въ январѣ 1911 года.

7) Слушали докладъ правленія училища о необходимости, въ видахъ сохраненія здоровья воспитанниковъ, ассигновать 100 руб. на пріобрѣтеніе галошъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ, *постановили*: просить правленіе училища употребить на пріобрѣтеніе для казеннокоштныхъ воспитанниковъ галошъ 100 руб. изъ текущихъ суммъ.

8) Слушали докладъ правленія Купянскаго духовнаго училища объ ассигнованіи 600 руб. на покраску крышъ всѣхъ училищныхъ зданій, *постановили*: предоставить право правленію училища израсходовать до 600 руб. на покраску крышъ училищныхъ зданій изъ текущихъ училищныхъ суммъ, не выходя изъ предѣловъ смѣтныхъ суммъ, а будущій съѣздъ изыщетъ средства для погашенія этой суммы.

9) Слушали докладъ смотрителя Купянскаго духовнаго училища о единовременномъ вознагражденіи письмоводителю правленія училища Михайлу Погорѣлову въ суммѣ 60 руб. за его безмездные 4-лѣтніе труды по продажѣ книгъ ученикамъ изъ училищной продажной библіотеки, *постановили*: выдать Михайлу Погорѣлову изъ училищныхъ суммъ 40 руб.

10) Слушали докладъ правленія Купянскаго духовнаго училища о вознагражденіи учителя приготов. класса Г. Попова и надзирателей училища: священника Сергія Дубровина и Михаила Черникина за ихъ уроки, данные ученикамъ училища за болѣзнію учителя Островидова—Попову за 12 уроковъ—7 р. 80 коп., Дубровину за 28 уроковъ—18 р. 20 коп. и Черникину за 32 урока—20 р. 80 коп., всего 46 р. 80 к., *постановили*: выдать просимую сумму Г. Попову, О. Дубровину и Г. Черникину.

11) Слушали докладъ правленія Купянскаго духовнаго училища о прибавкѣ училищному фельдшеру Келебердинскому жалованья по 5 руб. въ мѣсяць, въ виду его долговременной и усердной службы училищу, *постановили*: добавить Келебердинскому, ему лично, къ получаемымъ имъ 300 р. жалованья еще 60 р. въ годъ.

12) Слушали: 1) прошеніе священника Изюмскаго уѣзда, слоб. Чепеля, Іоанна Приходина о сложеніи съ него недоимки въ количествѣ 200 руб. за содержаніе въ Купянскомъ духовномъ училищѣ его дѣтей и 2) прошеніе діакона слоб. Шебелинки, Зміевскаго уѣзда, Андрея Лукопскаго о сложеніи съ него 45 руб. недоимки, числящейся за нимъ за содержаніе сына его въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, *постановили*: сложить половину числящейся за священникомъ Приходинымъ недоимки—всего 100 руб., въ прошеніи діакону Лукопскому отказать, такъ какъ по собраннымъ справкамъ оказалось, что діаконъ Лукопскій, состоя на весьма хорошемъ приходѣ, имѣетъ достаточныя матеріальныя средства.

13) Слушали заявленіе нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ на сѣздѣ оо. уполномоченныхъ о томъ, чтобы ученики Купянскаго духовнаго училища были на будущее время снабжаемы правленіемъ училища, за недорогую цѣну, учебниками и письменными принадлежностями, сѣздъ *постановилъ*: просить правленіе училища выработать и представить къ будущему сѣзду условія, при которыхъ было бы возможно снабжать всѣхъ учениковъ училища учебниками и учебными пособіями, взимая одновременно, при поступленіи въ училище, съ каждаго воспитанника не болѣе 5 руб.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, такая: „1910 года сентября 26. Утверждается. А. Арсеній“.

На вечернемъ засѣданіи, узнавъ о смерти учителя ариеметики и географіи Михаила Островидова и одного изъ главныхъ дѣятелей окружныхъ сѣздовъ духовенства священника о. Базилевича, почтили память почившихъ служителей панихидой, по окончаніи которой разсматривали планъ и смѣту на пристройку церкви и другихъ необходимыхъ для училищнаго общежитія помѣщеній, *постановили*: просить правленіе училища означенные планъ и смѣту упростить съ такимъ расчетомъ, чтобы устройство церкви обошлось не болѣе 50,000 руб. Къ постройкѣ корпуса приступить съ весны 1911 года.

Слушали заявленіе предсѣдателя правленія училища И. Григоровича о томъ, что взносы на постройку церкви и другихъ учи-

лищныхъ помѣщеній начали поступать въ правленіе училища съ 1899 года, но взносы эти, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, до 1902 года, по распоряженію почившаго Архіепископа Амвросія, въ суммѣ 11,543 руб. 56 коп. отсылаемы были на устройство епархіальнаго сиротскаго пріюта, и только съ 1902 года взносы эти, по резолюціи Высокопреосвященнаго Флавіана, бывшаго Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, стали снова поступать въ правленіе училища на означенный предметъ,—*постановили*: принимая во вниманіе, что вышеуказанная сумма поступала на удовлетвореніе такой общепархіальной нужды, какъ сиротскій пріютъ, просить правленіе училища войти съ ходатайствомъ предъ Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, о разрѣшеніи обратиться къ будущему епархіальному съѣзду духовенства въ 1911 году съ просьбой о возвратѣ вышеозначенной суммы.

Слушали предложеніе предсѣдателя съѣзда о выборѣ членовъ правленія училища и временно-ревизіоннаго комитета и посредствомъ баллотировки избрали: членами правленія священниковъ о. Θεодосія Навродскаго и Меѳодія Лядскаго и кандидатомъ къ нимъ о. Θεодора Гербачевскаго и членами ревизіоннаго комитета священниковъ: слоб. Крамарскаго о. Николая Оглоблина, слоб. Куньяго о. Михаила Яковлева и слоб. Сватовой-Лучки о. Павлина Дементьева.

Слушали заявленіе предсѣдателя съѣзда о томъ, что членъ правленія о. Θεодосій Навродскій прослужилъ членомъ правленія Купянскаго духовнаго училища съ пользой для дѣла въ теченіе 25-ти лѣтъ, *постановили*: выразить священнику о. Θεодосію Навродскому искреннюю признательность и благодарность и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о внесеніи сей благодарности въ формулярный списокъ.

По окончаніи засѣданія, собравшіеся члены Съѣзда осматривали училищныя помѣщенія, при чемъ найдено все въ образцовомъ порядкѣ, *постановили*: выразить смотрителю училища И. И. Григоровичу благодарность за усердную и полезную службу въ теченіе 18-ти лѣтъ и просить Его Высокопреосвященство разрѣшить занести сію благодарность въ формулярный списокъ.

Съѣздъ постановилъ единогласно выразить благодарность предсѣдателю съѣзда священнику Василю Попову и дѣлопроизводителямъ священникамъ: В. Бугуцкому, А. Яковлеву и В. Чебанову за понесенные труды.

Время будущаго съѣзда назначается на 20-е сентября будущаго 1911 года.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, такая: „1910 г. сентября 26. Утверждается. А. Арсеній“.

Смотритель училища *Ив. Григоровичъ*.

Отъ Государственнаго Банка объявленіе.

Въ виду истеченія 1 ноября текущаго года срока послѣднему купону I-го десятилѣтія отъ 3¹/₂% закладныхъ листовъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 4 выпуска, будетъ произведена, начиная съ вышеуказаннаго срока по 1 мая 1912 года, выдача новыхъ купонныхъ листовъ на 2-е десятилѣтіе въ обмѣнъ на талоны отъ прежнихъ купонныхъ листовъ, а послѣ сего срока—по представленіи подлинныхъ закладныхъ листовъ вмѣстѣ съ талонами, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1. Операція обмѣна будетъ сосредоточена въ С.-Петербургской Конторѣ Государственнаго Банка, въ прочихъ же учрежденіяхъ Банка *будетъ открытъ пріемъ заявленій на обмѣнъ талоновъ на новые купонные листы для отсылки ихъ въ С.-Петербургскую Контору*, причемъ за пересылку какъ талоновъ изъ учрежденій Банка въ СПб. Контору, такъ и новыхъ купонныхъ листовъ изъ С.-Петербургской Конторы въ подлежащія учрежденія Банка, *никакой платы взимаемо не будетъ*.

Что же касается расходовъ по пересылкѣ купонныхъ листовъ изъ учрежденій Банка владѣльцамъ ихъ по ихъ мѣстожителству, то таковыя будутъ относимы на счетъ владѣльцевъ.

2. Пріемъ заявленій въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ будетъ производиться *до 1 мая 1912 года*, а послѣ сего срока исключительно въ С.-Петербургской Конторѣ Банка.

3. Въ пріемѣ талоновъ будутъ выдаваемы именныя контрмарки безъ права передачи.

4. Выдача купонныхъ листовъ въ С.-Петербургѣ будетъ производиться въ послѣдовательномъ порядкѣ поступленія талоновъ по истеченіи не свыше одного мѣсяца со дня представленія ихъ къ обмѣну, въ прочихъ же учрежденіяхъ Государственнаго Банка по мѣрѣ полученія новыхъ купонныхъ листовъ изъ С.-Петербурга.

5. Талоны отъ 3¹/₂% закладныхъ листовъ, находящихся въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Банка во вкладахъ на храненіе, въ за-

логахъ по ссудамъ и въ обезпеченіи кредитовъ по спеціальному текущему счету, а равнымъ образомъ таковыя же талоны, находящіяся во вкладахъ на храненіе въ Казначействахъ и въ Сберегательныхъ Кассахъ, будутъ обмѣнены безъ особыхъ заявленій вкладчиковъ и заемщиковъ и безъ какихъ-либо для нихъ расходовъ.

За Управляющаго *Д. Никитинъ*.

Объявленіе отъ Экзаменаціонной Коммисіи при Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно постановленію Педагогическаго Собранія Семинарскаго Правленія отъ 20-го октября 1910 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, плата за производство экзаменовъ на санъ священника увеличивается до *20 рублей*, а на санъ діакона до *10 рублей*.

Епархіальныя извѣщенія.

1) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Бывшій псаломщикъ Харлампій *Твердохлѣбовъ* опредѣленъ 6 ноября н. г. на псаломщицкое мѣсто при Преображенской церкви, слободы Марковки, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Сынъ діакона Николай *Сулма* опредѣленъ 20 ноября н. д. псаломщика къ Іоанно-Предтечевской церкви, слободы Штеповки, Лебединскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, слободы Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда, Андрей *Лужинъ* перемѣщенъ 10 ноября на службу въ Туркестанскую епархію.

б) Діаконъ Успенской церкви, слободы Хрущевой Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, Владиміръ *Зеленскій* перемѣщенъ 18 ноября на діаконское мѣсто при Преображенской церкви, слободы Преображенской, Купянскаго уѣзда.

3) Объ увольненіи за штатъ.

а) И. д. псаломщика Покровской церкви, слободы Ободовъ, Сумскаго уѣзда, Владиміръ *Шаповаловъ* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 20 ноября.

б) И. д. псаломщика Троицкой церкви, слободы Ново-Россоши, Старобѣльскаго уѣзда, Емельянъ *Домашенко* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 8 ноября.

в) Псаломщикъ Кирилло-Мееодіевской церкви, села Райгородскаго, Купянскаго уѣзда, Михайлъ *Кирилловъ* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 20 ноября.

4) О смерти священно-церковно-служителей.

а) Священникъ Петро-Павловской церкви, при Андреевскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, Зміевскаго уѣзда, Николай *Жуковъ* умеръ 10 ноября.

и б) Псаломщикъ Соборной Покровской церкви, города Старобѣльска, Александръ *Корнильевъ* умеръ 9 ноября.

5) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Покровской церкви, сл. Брусовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 28 октября старостою крестьянинъ *Феодоръ Смаглюкъ*.

б) Къ церкви Лимаревскаго конскаго завода, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 28 октября старостою полковникъ *Евгеній Вилламовъ*.

в) Къ Николаевской церкви, села Буймера, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 28 октября старостою крестьянинъ *Онисимъ Назаренко*.

г) Къ Петро-Павловской церкви, слободы Великотской, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 2 ноября старостою крестьянинъ *Иванъ Коломійцевъ*.

д) Къ Вознесенской церкви, села Никольскаго, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 1 ноября старостою крестьянинъ *Давидъ Воробьевъ*.

е) Къ церкви сл. Семикозовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 1 ноября старостою крестьянинъ *Иванъ Брусъ*.

ж) Къ Успенской церкви, села Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 4 ноября старостою крестьянинъ *Левъ Поповъ*.

з) Къ Преображенской церкви, сл. Петровской, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 6 ноября старостою крестьянинъ *Иванъ Расповъ*.

и) Къ Троицкой церкви, города Лебедина, утвержденъ 10 ноября старостою крестьянинъ *Прокопій Соляниковъ*.

и) Къ Успенской церкви, сл. Лимана, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 10 ноября старостою крестьянинъ *Прохоръ Трофименко*.

к) Къ Преображенской церкви, сл. Кабанья, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 9 ноября старостою крестьянинъ *Іосифъ Бѣлянскій*.

л) Къ Георгіевской церкви, слоб. Свистуновки, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 9 ноября старостою крестьянинъ Симеонъ *Киселевъ*.

м) Къ церкви села Лутищъ, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 11 ноября старостою потомств. почетн. гражданинъ Петръ *Виноградовъ*.

н) Къ Сергіевской церкви Харьковской 2-й мужской гимназіи утвержденъ 12 ноября старостою купецъ Алексѣй *Муравьевъ*.

о) Къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Волоховки, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 13 ноября старостою крестьянинъ Іосифъ *Епишевъ*.

п) Къ Троицкой церкви, сл. Нижняго Бурлучка, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 15 ноября старостою крестьянинъ Сергѣй *Ткаченко*.

р) Къ Сопествievской церкви, сл. Сватовой Лучки, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 22 ноября старостою крестьянинъ Григорій *Житла*.

с) Къ Успенской церкви, города Зміева, утвержденъ 22 ноября старостою крестьянинъ Теохтистъ *Черноморець*.

т) Къ церкви сл. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 22 ноября старостою крестьянинъ Митрофанъ *Кононенко*.

у) Къ Вознесенской церкви, слоб. Борщевой, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 19 ноября старостою крестьянинъ Яковъ *Лебедь*.

ф) Къ Іоанно-Богословской церкви, слоб. Бригадировой, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 19 ноября старостою крестьянинъ Иванъ *Коробка*.

х) Къ Преображенской церкви, слоб. Вербовки, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 19 ноября старостою крестьянинъ Андрей *Головинченко*.

6) Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ Николаевской церкви, слободы Липецъ, Харьковскаго уѣзда, Николай *Ладенко* утвержденъ 1 ноября въ должности законоучителя Муроховецкаго нар. учил. Харьков. уѣзда.

б) Священникъ церкви сл. Малыхъ-Проходовъ, Харьковскаго уѣзда, Александръ *Навродекій* утвержденъ 1 ноября законоучителемъ мѣстнаго народ. училища.

в) Священникъ церкви села Борщеваго, Харьковскаго уѣзда, Максимъ *Рубинскій* утвержденъ 1 ноября законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

г) Священникъ Успенской церкви, слободы Поповки, Старобѣльскаго уѣзда, Димитрій *Кириченко* утвержденъ 4 ноября законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

д) Священникъ Успенской церкви, слободы Осиповой, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Капустянский* утвержденъ 4 ноября законоучителемъ вновь открытаго Осиповскаго народнаго училища.

е) Священникъ Николаевской церкви, села Будъ, Харьковскаго уѣзда, Стефанъ *Вутковскій* утвержденъ 5 ноября законоучителемъ Будянскаго начальнаго училища.

ж) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Ново-Россоши, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Евфимовъ* утвержденъ 5 ноября законоучителемъ во вновь открытомъ 2-мъ Ново-Россошанскомъ нар. училищѣ.

з) Священникъ церкви села Рыбьянцева, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Григоровичъ* утвержденъ 5 ноября законоучителемъ народнаго училища хутора Писаревки, Староб. у.

і) Къ церкви села Чепиговки, Староб. у., Григорій *Бутковъ* назначенъ 5 ноября законоучителемъ Чепиговскаго и Покровскаго народныхъ училищъ, Стар. у.

и) Священникъ Архангело-Михайлов. церкви, слоб. Краснянки, Купянскаго уѣзда, Симеонъ *Корнильевъ* утвержденъ 10 ноября законоучителемъ мѣстнаго народнаго учил.

к) Священникъ Троицкой церкви, слоб. Бѣлолуцка, Староб. у., Василій *Ладенко* утвержденъ 10 ноября законоучителемъ вновь открытаго 4-го Бѣлолуцкаго городского училища.

л) Священникъ Успенской церкви, сл. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда, Гавріилъ *Протопоповъ* утвержденъ 10 ноября законоучителемъ мѣстн. народ. учил.

м) Священникъ церкви сл. Бунчужной, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Гревизиурскій* утвержденъ 10 ноября законоучителемъ мѣстнаго вновь открытаго народнаго училища.

н) Священникъ церкви сл. Лашиновки, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Григоровичъ* утвержденъ 10 ноября законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

7) О присоединеніи къ православію.

Священникомъ Воскресенской церкви, сл. Надеждовки, Изюмскаго уѣзда, Іоанномъ *Колосовскимъ* 22 августа просвѣщена св. крещеніемъ мѣщанка Хана *Розенбергъ*, 23 лѣтъ, іудейскаго вѣроисповѣданія.

8) Обь увольненіи псаломщиковъ отъ должности, за принятіемъ ихъ въ военную службу.

Псаломщикъ Николаевской церкви, слоб. Волобуевки, Изюмскаго уѣзда, Александръ *Гусевъ* принять въ военную службу въ призывъ 1910 года.

9) Обь утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Священникъ церкви слоб. Боровой, Купянскаго уѣзда, Николай *Кротенко* назначенъ 1 ноября депутатомъ округа для производства слѣдствій.

б) Иеромонахъ Ахтырскаго Свято-Троицкаго монастыря *Пантелеимонъ*—исправляющій должность благочиннаго въ ономъ утвержденъ 17 октября въ должности благочиннаго.

10) Обь утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности.

а) И. д. псаломщика церкви села Княжева, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Жуковъ* утвержденъ 9 ноября въ должности псаломщика.

б) И. д. псаломщика Казанской церкви, сл. Нижней Богдановки, Староб. у., Адрианъ *Юрковъ* утвержденъ 9 ноября въ должности псаломщика.

и в) И. д. псаломщика Троицкой церкви, слободы Черниговки, Старобѣльскаго уѣзда, Стефанъ *Борисенко* утвержденъ 9 ноября въ должности псаломщика.

II) Вакантныя мѣста:

а) Священническія:

При Пророко-Ильинской церкви, г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.
— Рождество-Богород. церкви, сл. Каплуновки, Богодухов. у.

б) Діаконскія:

При Харьковской Николаевской церкви.
— Успенской церкви, сл. Хрущевой Никитовки, Богодух. у.

и в) Псаломщицкія:

При Василіевской церкви, села Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда.
— Преображенской церкви, сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда.
— Пророко-Ильинской церкви, гор. Бѣлополя, Сумск. уѣзда.
— Александро-Свирской церкви, с. Александровки, Староб. у.

- При Николаевск. церкви, с. Долгенькой, Изюмскаго уѣзда.
 — Покров. церкви, сл. Ободовъ, Сумскаго уѣзда.
 — Троицкой церкви, сл. Ново Россоши, Староб. у.
 — Соборной Покровской церкви, гор. Старобѣльска.
 — Кирилло-Меѳодіев. церкви, с. Райгородскаго, Купян. у.
 — Николаевской церкви, с. Волобуевки, Изюмскаго уѣзда.
 — Іоанно-Предтечевской церкви, с. Токарей, Сумскаго уѣзда.

 II.

Содержаніе. Рѣчь Депутата отъ Харьковской губ. *Прот. Алексѣя Станиславскаго*.—Свѣтлой памяти Императора Александра III—Царя Миротворца и великаго молитвенника земли русской о. Іоанна Сергіева-Кронштадскаго. (Продолженіе). *Свящ. Н. Зогоровскаго*.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Чествованіе сельскаго священника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Архипастырское посланіе пастырямъ Екатеринославской епархіи.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Женскіе богословскіе курсы въ Москвѣ.—Признаки сектантства.—Воззваніе.—Объявленія.

Рѣчь Депутата отъ Харьковской губерніи прот. Алексѣя Станиславскаго, сказанная въ засѣданіи Государственной Думы при обсужденіи законопроекта о начальныхъ училищахъ 29 октября н. г.

Г.г. члены Государственной Думы! Все уже, кажется, исчерпано по законопроекту, предлагаемому нашему вниманію, о введеніи всеобщаго начальнаго обученія въ Имперіи предшествующими ораторами, и я не рискнулъ бы отнимать у васъ дорогое время, если бы не такъ сильно возмущалъ и волновалъ меня отд. XIV законопроекта, трактующей объ объединеніи управленія начальными училищами въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, или правильнѣе, о подчиненіи церковно-приходскихъ школъ этому Министерству, или еще правильнѣе, объ упраздненіи церковно-приходской школы. Этотъ отдѣлъ, по моему мнѣнію, насколько вѣроломный по своимъ цѣлямъ, настолько же онъ нелѣпъ и неоснователенъ по своимъ основаніямъ. Его цѣль—это отнять право учительства у церкви, устранить духовенство православное отъ руководительства церковно-приходской школой и, наконецъ, въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, совершенно уничтожить религіозный и церковный характеръ

воспитанія въ самой же церковной школѣ. Я постараюсь, насколько возможно, доказать свою мысль. Что же, въ самомъ дѣлѣ, значить подчиненіе церковно-приходской школы Министерству Народнаго Просвѣщенія, какъ не отнятіе права учительства у церкви православной, права, которое ей принадлежитъ неоспоримо, права, которое дано Самимъ Основателемъ церкви Господомъ Іисусомъ Христомъ, сказавшимъ ученикамъ Своимъ, когда Онъ посылалъ ихъ на проповѣдь: ищите научить всѣ языки; а отсюда въ сознаніи истинно-вѣрующаго православнаго христіанина такое подчиненіе церковно-приходской школы другому вѣдомству иначе не можетъ быть названо, какъ кощунственнымъ посягательствомъ на достоинство православной господствующей церкви, посягательствомъ на ея умаленіе, на ея униженіе. Тысячу лѣтъ существуетъ у насъ православная Христова церковь, столько же лѣтъ существуетъ и церковно-приходская школа; церковь наша независима, самостоятельна, не находится въ подчиненіи у государства, почему независима должна быть и церковно-приходская школа, какъ дочь церкви, какъ ея преддверіе, находящаяся съ нею въ органической, самой тѣсной связи. Такъ понимали эту истину наши благочестивые предки и никогда не дерзали нарушать или попираť эту истину. Изъ чувства уваженія къ церкви и просвѣтительнымъ заслугамъ ея школы они дорожили церковно-приходской школой, той школой, которая, по свидѣтельству русской исторіи, воспитала столь великое множество великихъ Героевъ, честно исполнившихъ свой гражданскій долгъ, и великихъ столповъ нашей церкви, созидавшихъ наше дорогое отечество. И вотъ теперь, когда послѣ столькихъ вѣковъ церковно-приходская школа достигла полнаго расцвѣта своихъ силъ, когда она достигла того положенія, когда и въ качественномъ и количественномъ отношеніи стала на одной ногѣ съ школой министерской и земской, теперь, когда духовенство своими усиліями, трудами, заботами и самоотверженіемъ поставило на прочный путь процвѣтанія церковно-приходскую школу, въ эту пору, вмѣсто дани благодарности, Государственная Дума собирается взять въ плѣнъ церковно-приходскую школу, наложить на нее незаслуженныя оковы. Но этого, г.г., мало; по смыслу предлагаемаго намъ законопроекта, церковно-приходскія школы, входяція въ школьную сѣть,

подлежать вѣдѣнію губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, избираемыхъ земскими собраніями, отъ которыхъ и зависитъ утвержденіе и увольненіе учителей, составленіе программъ, подборъ учебниковъ. Стало быть, отсюда уже ни для церкви, ни для духовенства, не остается права, руководящаго въ этомъ отношеніи, а отъ этого-то права, г.г., и зависитъ сохраненіе самобытности и церковнаго направленія церковно-приходской школы. Какая же, спрашивается, гарантія сохраненія этой самобытности церковно-приходской школы въ будущемъ? Авторы проекта намъ говорятъ, что въ ст. 1 положенія этого законопроекта обеспечивается религіозно-нравственное воспитаніе въ начальной школѣ, а противники самостоятельной церковной школы говорятъ, что и земскія и городскія самоуправленія не меньше выражаютъ заботы о постановкѣ религіозно-нравственнаго воспитанія въ своихъ школахъ, чѣмъ духовенство въ своихъ школахъ, но, г.г., факты говорятъ намъ другое. Послѣ 1905 г., правда, и земства и города поправѣли, и намъ слышны ихъ сѣтованія о томъ, что плохо поставленъ законъ Божій въ начальныхъ школахъ, что не слышно хорошаго, толковаго церковнаго чтенія и пѣнія въ школахъ, но, г.г., мы готовы вѣрить искренности городовъ и земствъ въ томъ, что они удѣляютъ такое мѣсто религіозному элементу въ начальныхъ школахъ, но чѣмъ мы можемъ поручиться за продолжительность такого благопріятнаго настроенія? Всѣмъ вамъ извѣстно, что городскія и земскія самоуправленія отражаютъ въ себѣ жизнь не только мѣстнаго общества, но отражаютъ въ себѣ взгляды и убѣжденія руководителей и заправилъ, а часто среди этихъ руководителей встрѣчаются инородцы, инувѣрцы, люди невѣрующіе, для которыхъ церковь, православіе, церковно-приходская школа во все ничего не значатъ, и самый составъ земскихъ и городскихъ самоуправленій, какъ вамъ, г.г., извѣстно, далеко не устойчивъ: одно трехлѣтіе онъ можетъ быть консервативнымъ, другое либеральнымъ, и мы знаемъ, что въ годы либеральные многія земскія собранія сдѣлали постановленія объ исключеніи закона Божія и славянской грамоты изъ курса школъ. Таковыя же попытки мы замѣчаемъ даже и въ Государственной Думѣ настоящаго созыва. Да проститъ мнѣ членъ Государственной Думы П. В. Каменскій, если я напомню одинъ случай. Два года тому назадъ, когда под-

комиссія по начальному народному образованію разбирала вопросъ относительно программы начальной школы, депутатъ П. В. Каменскій внесъ предложеніе въ комиссію, чтобы вмѣсто уроковъ закона Божія были поставлены уроки морали и этики. Онъ принесъ намъ французскія методички и таблицы, на которыхъ въ расписаніи уроковъ вовсе не значилось урока закона Божія. Депутатъ П. В. Каменскій въ горячей рѣчи утверждалъ, что вовсе не нужно Закона Божія, что рассказы изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завета всего болѣе туманятъ головы молодыхъ ребятъ и тормозятъ ихъ развитіе. Представьте себѣ, гг., что въ составѣ даннаго совѣта будетъ большое число единомышленниковъ депутата Каменскаго, и будете ли вы сомнѣваться въ томъ, что законъ Божій и весь церковный элементъ тамъ пойдетъ на смарку и отъ церковной школы не останется не только духа, но даже звука и ея имени? И вотъ, при обсужденіи вопроса въ совѣщаніи о церковно-приходскихъ школахъ, когда большинствомъ одного голоса было установлено, что церковно-приходская-школа подчиняется тѣмъ программамъ, которыя будутъ выработаны уѣздными училищными совѣтами, докладчикъ комиссіи Е. П. Ковалевскій демонстративно ушелъ изъ совѣщанія, отмѣтивъ, какъ мнѣ помнится, что въ этомъ пунктѣ вся пропасть, въ которую падаетъ церковно-приходская школа, съ этимъ пунктомъ, несомнѣнно уничтожается ея самобытность, ея церковность. Теперь, спрашивается, за какую же вину устроимъ походъ на церковно-приходскую школу? Чѣмъ она не нравится русскому народу? Или она по своему направленію опасна для государства, или она плоха по постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, или же ея руководители, учителя плохи и неспособны? Оппозиція во главѣ съ И. С. Ключевымъ твердила намъ, что церковно-приходская школа поставлена очень плохо; и порядки въ ней не важны, и учебники плохи, и программа узка, и организація управленія слаба. Но такъ ли это? разберемся! Я думаю, что тотъ, кто говоритъ противъ правильной и успѣшной постановки церковно-школьнаго дѣла, дѣлаетъ это не потому, что знаетъ это по опыту, онъ говоритъ по слухамъ, а вѣдь, по русской пословицѣ, не всякому слуху вѣрь. Въ подтвержденіе этой мысли я укажу на одинъ—два факта, которые ясно укажутъ на неосновательность такого

обвиненія. Въ 1907 г. наблюдатель церковныхъ школъ Казанскаго у. вошелъ въ земское собраніе съ ходатайствомъ объ ассигнованіи 700 р. Предсѣдатель собранія и многіе его сторонники не соглашались дать сразу просимое ассигнованіе на томъ основаніи, якобы, что церковно-приходскія школы Казанскаго у. поставлены въ учебномъ отношеніи плохо. Тогда наблюдатель просилъ дать пособіе на одинъ годъ, а затѣмъ предложилъ провѣрить земскому собранію чрезъ своего агента положеніе церковно-школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Собраніе согласилось и назначило завѣдывающего школьнымъ отдѣломъ вмѣстѣ съ наблюдателемъ провѣрить постановку церковныхъ школъ въ Казанскомъ у. И что же оказалось? Этотъ агентъ слѣдующему собранію далъ докладъ, въ которомъ сообщалось, что церковно-приходскіе школы, въ числѣ 30 въ уѣздѣ, поставлены прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ, и только двѣ не совсѣмъ удовлетворительны. Этотъ докладъ данъ, гг., кадетомъ по убѣжденію, получившимъ образованіе въ Лѣсномъ институтѣ, стало быть, никакого подозрѣнія въ преувеличеніи достоинствъ церковно-приходской школы у него быть не могло. Въ томъ уѣздѣ, котораго я являюсь представителемъ, тамъ тоже на мое прошеніе о пособіи говорили: ваши школы поставлены плохо. Но когда предсѣдатель управы со мной вмѣстѣ обслѣдовалъ и осмотрѣлъ церковныя школы, то далъ самый лестный отзывъ о 60 школахъ и только объ одной отозвался, какъ о неудовлетворительной. Пособіе было ассигновано въ размѣрѣ около 3.000 р. десять лѣтъ тому назадъ и продолжается доселѣ. Вотъ вамъ, гг., какъ бываетъ, когда люди бранятъ церковно-приходскую школу, вовсе ея не зная, по провѣркѣ же усматриваютъ истинное положеніе дѣла. Но вамъ покажется рѣчь И. С. Ключева о печальной постановкѣ церковно-школьнаго дѣла, какъ будто бы, особо достовѣрной. Вѣдь онъ былъ много лѣтъ инспекторомъ, видалъ церковно-приходскія школы на мѣстѣ и, стало быть, его утвержденіе достойно довѣрія. Но, гг., и въ этомъ случаѣ я вамъ скажу: вы ошибетесь, если отнесетесь съ полнымъ довѣріемъ къ этому депутату. Я припомню И. С. Ключеву первое собраніе комиссіи по народному просвѣщенію, въ которомъ обсуждался вопросъ объ ассигнованіи 4.000.000 р. на пособіе церковно-приходскимъ школамъ. Помню, какъ сегодня, было

сказано 27 рѣчей въ пользу церковныхъ школъ и только двѣ, Бѣлоусова и Воронкова, были неблагопріятны для церковныхъ школъ и ея труженниковъ. Всѣ же остальные говорили о томъ, что церковно-школьное дѣло поставлено нормально, правильно, что труженники ея ничѣмъ не хуже земскихъ учителей и заслуживаютъ всякаго вниманія въ вопросѣ обезпеченія. Но изъ всѣхъ рѣчей самой краснорѣчивой и убѣдительною была рѣчь И. С. Ключева, который, какъ инспекторъ народныхъ училищъ, утверждалъ, что онъ видалъ трудъ и усердіе учителя церковно-приходской школы, заботы духовенства; видалъ, что этотъ трудъ не напрасный, даетъ прекрасные плоды, что онъ самъ перенималъ учителей церковно-приходскихъ школъ въ свои школы. Онъ говорилъ такъ убѣдительно и краснорѣчиво, что я не утерпѣлъ и на виду у многихъ расцѣловалъ Ивана Семеновича: сказавъ: „Иванъ Семеновичъ, вашими устами говорила сущая правда; вы, какъ инспекторъ народныхъ училищъ, убѣдили многихъ въ истинномъ положеніи и значеніи церковно-приходскихъ школъ“. (*Голосъ справа*: не стоило его цѣловать). Теперь, черезъ нѣкоторое время, тотъ же Иванъ Семеновичъ, когда духовенство въ комиссіи не избрало его въ подкомиссію по вопросамъ церковно-приходскихъ школъ, измѣнилъ курсъ своихъ взглядовъ на церковно-приходскія школы; съ тѣхъ поръ онъ только оплевываетъ духовенство, оплевываетъ церковно-приходскія школы, совершенно голословно, измышляя небылицы и анекдоты, которые, конечно, никакого довѣрія среди насъ не должны имѣть. Нельзя не обратить вниманія, гг., на такое сопоставленіе. Мы слышали съ этой кафедры двухъ ораторовъ, занимавшихъ одинаковое положеніе: инспекторовъ Ключева и Тычинина; тотъ и другой на мѣстѣ видали церковно-приходскія школы. Но депутатъ Тычининъ говоритъ, что церковно-приходскія школы во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяютъ своему назначенію—дѣлу народнаго просвѣщенія, а депутатъ Ключевъ говоритъ обратное. Кто же изъ нихъ правъ? Я думаю, гг., что послѣ случая, рассказаннаго мною о Ключевѣ, большаго довѣрія заслуживаетъ депутатъ Тычининъ, съ одной стороны потому, что депутатъ Ключевъ далъ намъ поводъ думать, почему онъ измѣнилъ свои убѣжденія, а съ другой стороны потому, что образовательный цензъ Тычинина далеко выше

Клюжева. Тычининъ при своемъ академическомъ образованіи естественно можетъ болѣе правильно разобратся въ постановкѣ церковно-школьнаго дѣла, чѣмъ Клюжевъ, сравнительно низшаго образованіи—Учительская семинарія,—который такъ же могъ превратно понимать успѣхи церковной школы, какъ превратно онъ понялъ сочиненія Благовидова, Рачинскаго и Ключевскаго, на которыхъ онъ ссылался какъ на авторовъ, упрекавшихъ церковную школу въ ея слабыхъ сторонахъ; подробности этого превратнаго толкованія ученыхъ педагоговъ ясно указалъ преосвященный Митрофанъ и я повторяю ихъ не буду. Что постановка церковно-школьнаго дѣла не плоха, это утверждаемъ не только мы, священники, стоящіе у церковно-школьнаго дѣла, объ этомъ свѣдѣтельствуя отчеты уѣздныхъ отдѣленій училищныхъ совѣтовъ, выдающіеся общественные дѣятели, отчеты земскихъ собраній, предводители дворянства въ массѣ лестныхъ отзывовъ, получаемыхъ училищнымъ совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ. И, кому угодно убѣдиться въ справедливости этихъ свѣдѣній, тотъ можетъ найти ихъ въ Петербургѣ. Наконецъ, и выставки сельско-хозяйственныя, во многихъ мѣстахъ бывающія за послѣднее время, съ педагогическимъ отдѣломъ, говорятъ ясно, что церковно-школьное дѣло процвѣтаетъ и не только въ общеобразовательныхъ наукахъ, но и въ ремесленныхъ. Наконецъ, примите во вниманіе изданіе учебниковъ; въ этомъ отношеніи, не преувеличивая, можно сказать, что училищный совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ опередилъ Министерство Народнаго Просвѣщенія; учебники, которые употребляются въ церковно-приходскихъ школахъ, не только не хуже имѣющихся въ земскихъ школахъ, но далеко ихъ превосходятъ; что касается программы, то она, собственно, одна и та же, что и въ земскихъ школахъ, только съ большимъ церковнымъ элементомъ. Еще указывалось, какъ на причину упраздненія церковно-приходскихъ школъ, на то, что существованіемъ ихъ создается дуализмъ, который раздѣляетъ какъ будто, по словамъ Клюжева, деревню на два враждебныхъ лагеря, который тормозитъ дѣло народнаго образованія и народнаго просвѣщенія. Но не есть ли это одна фраза и больше ничего? Вѣдь на самомъ дѣлѣ, если есть у насъ дуализмъ между школой церковно-приходской и школой земской и министерской, то

онъ скорѣе внѣшній, чѣмъ внутренній. Цѣль и задача школы и народной и церковно-приходской, по крайней мѣрѣ въ данное время, совершенно одна и та же. Дуализмъ же признанъ сосѣдними государствами, Швеціей, Даніей, Норвегіей, а также Англійей, какъ необходимый залогъ соревнованія между школами, какъ залогъ преуспѣянія. Въ данное время въ Англійи, на ряду со школами министерскими, существуютъ школы церковныя, даже въ большомъ количествѣ, и это не мѣшаетъ ихъ мирному развитію и прецвѣтанію народнаго просвѣщенія. Если говорить о единствѣ школы, то надо было говорить раньше, въ свое время, теперь же, когда сама жизнь естественнымъ историческимъ процессомъ доказала самостоятельность двухъ типовъ школъ, церковной и земской,—поздно говорить уже объ объединеніи управленія начальныхъ училищъ. Однимъ изъ доказательствъ упраздненія церковно-приходскихъ школъ въ рукахъ противниковъ приводилось и то, что церковно-приходскія школы при своей организаціи управленія дорого стоятъ государству, что при одномъ управленіи меньше тратилось бы средствъ на содержаніе администраціи управленія; но уже многими ораторами была доказана несостоятельность и этой мысли. Ясно и понятно, что при приливѣ новыхъ комплектовъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія потребуются, несомнѣнно, и большее количество инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ, что несомнѣнно потребуетъ и новыхъ средствъ. Затѣмъ вѣдь по предполагаемому закону въ школьную сѣть вводятся только 14.000 церковно-приходскихъ школъ, но еще остается 26,000. Конечно, вѣдь надо же и надъ ними сохранить администрацію и управленіе, и это потребуетъ тѣхъ средствъ, какія даются въ данное время. Какъ видно, нѣтъ и одного мотива сколько-нибудь основательнаго для упраздненія церковно-приходской школы или подчиненія ея вѣдомству народнаго просвѣщенія, а потому церковно-приходская школа, по самой своей природѣ самостоятельная, не можетъ войти ни въ какое рабство и ни въ какое вѣдомство, и само православное русское духовенство не можетъ никогда отказаться отъ роли руководителя церковно-приходской школы въ ея внутренней жизни, такъ какъ это связано исторически съ его пастырскими обязанностями. Этотъ отдѣлъ—отдѣлъ вѣроломный;

какъ законодательная ересь онъ уже осужденъ, гг., и Святейшимъ Правительствующимъ Синодомъ 10 марта 1910 г., и каждый порядочный православный христіанинъ долженъ безпрекословно повиноваться голосу церкви. Этотъ докладъ, обѣщающій насильственный переворотъ и ломку налаженнаго церковно-школьнаго дѣла, обѣщаетъ смуту и, вмѣсто объединенія, разъединеніе, справедливый ропоть и негодованіе духовенства и православнаго населенія, и какъ таковой во всемъ своемъ объемѣ долженъ быть нами отвергнутъ. (*Справа рукоплесканія и голоса: браво*).

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ

Императора Александра III-го—Царя-Миротворца и великаго молитвенника земли русской о. Іоанна Сергіева-Кронштадтскаго, какъ яркихъ выразителей идеаловъ русскаго народа.

(Продолженіе) *).

О. Іоаннъ имѣлъ особенную вѣру въ цѣлительную силу чаши Христовой и постоянно звалъ народъ къ этой чашѣ святой. Онъ училъ, что приобщеніе должно быть постояннымъ, а не такимъ рѣдкимъ событіемъ въ жизни человѣка, какъ это бываетъ у христіанъ теперь: самъ батюшка приобщался ежедневно и въ этомъ ежедневномъ принятіи Тѣла и Крови Христовой онъ почерпалъ для себя силу и подкрѣпленіе для перенесенія тѣхъ неимовѣрныхъ трудовъ, среди которыхъ проходила вся его жизнь. И вѣрующіе люди со всѣхъ концовъ земли русской шли къ батюшкѣ, чтобы предъ нимъ исповѣдать грѣхи свои и изъ его рукъ приобщиться Св. Таинъ...

„Общая исповѣдь“, какую совершалъ при этомъ о. Іоаннъ, представляла собою потрясающую картину... Это былъ судъ Божій надъ людьми. Люди несли къ ногамъ батюшки тяжелые грѣхи свои, свое горе, болѣзни, свои жизненные испытанія, нерѣдко отчаяніе и все это сливалось здѣсь въ одинъ потрясающій вопль покоящей души человѣка и погружалось, тонуло въ волнахъ милующей благодати Божіей, ко-

*) См. ж. „В. и Р.“, от. Извѣстій и Замѣтокъ № 19 за 1910 г.

тору ю низводилъ на кающихся батюшка, этотъ любимецъ народный, къ которому народъ шелъ съ такимъ довѣріемъ, какъ своему духовному отцу, своему родному пастырю... Тотъ, кто хоть одинъ разъ въ жизни видѣлъ картину этой „общей исповѣди“—никогда ея не забудетъ...

Вотъ громадный Андреевскій соборъ; онъ переполненъ богомольцами до послѣдней степени... Но вся эта многочисленная толпа людей стоитъ какъ одинъ человекъ, проникнутая общимъ влеченіемъ и любовью къ своему пастырю... Вотъ о. Іоаннъ показывается на высокой солеѣ, съ которой ему видны весь храмъ... Предъ нимъ тихо колеблется цѣлое море головъ...

Начинается его рѣчь, отрывочная, звучная, полная, изумительной силы, проникающая глубоко въ душу, опаляя грѣховное тѣло..

— „Грѣшники и грѣшницы подобны мнѣ!—говоритъ о. Іоаннъ.—Вы пришли въ храмъ сей, чтобы привести Господу Іисусу Христу, Спасителю нашему покаяніе во грѣхахъ и потомъ приступить къ Св. Тайнамъ. Приготовились ли вы къ столь великому Таинству? Знаете-ли, что великій отвѣтъ несущи ея передъ престоломъ Всевышняго, если вы приступите, не приготовившись! Знайте, что каетесь не мнѣ, а самому Господу Богу, Который невидимо присутствуетъ здѣсь, Тѣло и Кровь Котораго въ настоящую минуту находится на жертвенникѣ“...

Безмолвная передъ этимъ толпа оживаетъ, въ ней слышатся вздохи, стоны, рыданія. Изъ грѣшныхъ людскихъ глазъ льются слезы, къ небу несется вопль кающихся: „Батюшка, прости насъ, помяни! Всѣ мы тяжкіе грѣшники, молись о насъ“!..

Но по мановенію руки о. Іоанна всѣ умолкаютъ... Прочтя покаянныя молитвы, онъ продолжаетъ:

— „Господь Богъ Іисусъ Христосъ далъ власть Апостоламъ, а тѣ архіереямъ и священникамъ, въ томъ числѣ и мнѣ грѣшному іерею Іоанну, разрѣшать кающихся, прощать или не прощать ихъ, судя потому, какъ люди каются... Братія и сестры! Каетесь ли вы? Желаете-ли исправить свою жизнь? Сознаете-ли грѣхи свои? Лѣнились-ли Богу молиться? Пьянствовали? Прелюбодѣйствовали? Обманывали? Клятво-преступничали? Богохульствовали? Завидовали? Воровали?..

Много грѣховъ у васъ, братья и сестры, всѣ ихъ и не перечеть. Кайтесь же, кайтесь, въ чемъ согрѣшили“!..

И то, что происходило послѣ этихъ словъ—невозможно описать, это надо видѣть. Страшный шумъ поднимается въ храмѣ: кто рыдаетъ, кто падаетъ на колѣни, кто стоитъ въ безмолвномъ оцѣпѣненіи. Многіе громко, вслухъ, передъ всѣми исповѣдуютъ свои грѣхи; а самъ пастырь-проповѣдникъ стоитъ на виду у всѣхъ глубоко растроганный, потрясенный...

Уста его шепчуть молитву, взоръ обращенъ къ небу...

„Боже мой, Боже мой!,—пишетъ одна вѣрующая, боголюбивая женщина, бывшая на „общей исповѣди“ у батюшки, —какъ радовалась, какъ трепетала кающаяся душа при видѣ добраго пастыря, взявшаго на себя въ данныя минуты трудную обязанность примирителя и просителя благости Божіей къ намъ грѣшнымъ! Какъ умилительно просилъ онъ у Господа прощенія грѣховъ нашихъ, приводя въ оправданіе нашу жизнь, съ какимъ трепетомъ слушалъ народъ вдохновенныя молитвы своего мудраго наставника и какъ горячо молился вмѣстѣ съ нимъ! Какая-то неземная сила поднималась тогда въ очищающейся душѣ cadaго челоуѣка. Это была сила чудная, дивная, сверхъестественная сила добра, правды и вѣры, возвышающая надъ собственными пороками, и эта чудная сила жила и росла въ душахъ нашихъ. Слагая въ сердцѣ мудрыя слова дорогого батюшки, пламенно жаждалось воскрылиться духомъ, очиститься отъ скверны грѣховъ и унести чистыми помыслами туда, въ горную, въ голубую, въ дивную высь небесъ къ лучезарному Престолу Божію и, тамъ повергнувшись въ прахъ, вымолить у Господа такъ страстно желаемое душею прощеніе грѣховъ...

Святая минуты нравственнаго просвѣтленія! Чудныя минуты духовнаго общенія съ Свѣтозарнымъ Образомъ Сущаго на небесахъ!..

Рыдали буквально всѣ безъ малѣйшаго изъятія и вмѣстѣ съ этими воплями и стопами дивно очищались души людскія, какъ въ горнилѣ огня очищается кусокъ золота... А онъ,—вдохновитель и руководитель этого сердечнаго порыва, поднявшаго мгновенно тысячи душъ на подвиги искренняго покаянія,—онъ стоялъ на амвонѣ передъ образомъ Спасителя и пламенно, горячо молился, испрашивая у Господа милосерднаго прощенія всей массѣ громко кающагося и ры-

дающаго народа. Онъ смотрѣлъ на насъ своимъ глубокимъ взоромъ и вдругъ... *крупныя слезы градомъ покатались по лицу о. Иоанна на холодный, церковный полъ...*

Онъ плакалъ о насъ... Онъ своими чистыми слезами омывалъ скверну грѣхоеъ нашихъ!.. Онъ какъ истинный „пастырь добрый“ плакалъ вмѣстѣ съ кающимся народомъ, соединяя свои слезы со слезами своего стада... И только по временамъ слышался его голосъ: „кайтесь же, кайтесь“!.. О, гдѣ же еще есть лучшее доказательство святой, евангельской любви къ ближнему? Это-ли не любовь глубокая, всеобъемлющая, скорбящая, страдающая и чисто сердечными слезами омывающая грѣхи ближняго своего?.. Великій пастырь стада Христа—о. Иоаннъ плакалъ, скорбя душою за овцы своя... И въ этотъ моментъ волненіе рыдающаго народа достигало высшей степени: громадный Андреевскій соборъ, казалось, дрожалъ отъ потрясающихъ воплей народа“... Но вотъ о. Иоаннъ перекрестился, отеръ глаза...

— Тихе. тихе, братіе!—слышится его голосъ.—Слушайте! Мнѣ, какъ и всѣмъ священникамъ, Богъ даровалъ власть вязать и разрѣшать грѣхи человѣческіе. Слушайте! Я прочитаю молитву разрѣшительную. Наклоните головы, я покрою васъ эпитрахилью, благословлю и вы получите отъ Господа прощеніе грѣховъ...

Толпа преклоняется какъ одинъ человѣкъ. О. Иоаннъ читаетъ молитву, беретъ конецъ эпитрахили, проводитъ по воздуху на всѣ четыре стороны и благословляетъ народъ... Великая тайна новаго крещенія—совершилась! Нѣтъ больше грѣшниковъ, наступаетъ тишина и надъ всѣмъ народомъ царить радость и духовный восторгъ...

Потрясающая картина! Величественное и вмѣстѣ умирительное зрѣлище, ясно доказывающее, какъ сильна вѣра въ Бога и какъ великъ духъ русскаго народа, воздвигнутаго на добрый подвигъ покаянія вдохновенными наставленіями Божьяго пастыря—подвижника и усерднаго молитвенника...

Но чтобы судить во всей силѣ о томъ, сколь глубока по вліянію на вѣрующія сердца была молитва Кронштадскаго пастыря, сколь сердечна и Богоугодна была его молитва, надо обратить вниманіе и на то, что по молитвамъ о. Иоанна еще при жизни его совершилось много чудесныхъ

исцѣленій и необыкновенныхъ случаевъ подачи Божіей помощи. „Поразительнѣйшее знаменіе времени о. Іоаннъ Кронштадскій“, писалъ одинъ изъ видныхъ архипастырей нашей церкви, преосвящ. Никавортъ, архіепископъ Херсонскій.— „Его молитвенной помощи ждуть и просятъ не только въ Россіи, но и за-границей. И молитвенная помощь его, всегда со стороны простая, ничего чудеснаго прямо не обѣщающая, бываетъ иногда *поразительно чудесною*. Истинно поразительна, даже чудесна самая вѣра въ о. Іоанна Кронштадскаго всѣхъ сословіі Петербурга, да и всѣхъ концовъ Россіи... *Чудотворна та икона*,—выразился глубоко первосвятитель мудрый Россійской церкви, столѣтній старецъ,—*которая сильна возбудить вѣру въ свою чудотворность*... Силу этого глубокомысленнаго изреченія можно примѣнить и къ о. Іоанну Кронштадскому. Да, *чудотворецъ онъ уже и по тому самому, что возбудилъ крѣпкую вѣру въ чудотворную силу Божію, содѣлающуюся въ человѣческой немощи и въ нашихъ невѣрные дни*“... „*Отецъ Іоаннъ—Божій человекъ*,—писалъ и знаменитый подвижникъ—епископъ Θεοφάνъ, Вышенскій Затворникъ.—*Молитва его къ Богу доходна по великой вѣрѣ его*... Онъ достоинъ всякаго уваженія... Онъ для Бога работаетъ и силою Божіею укрѣпляемъ есть... Господь да хранитъ его въ смиреніи и преданности Его святой волѣ, и въ самоотверженіи“...

И нѣтъ возможности исчислить всѣхъ случаевъ чудесныхъ исцѣленій, которыя совершились по молитвамъ о. Іоанна еще при жизни его... Достаточно указать на то, что если кто былъ боленъ, и если родственники его были истинно богобоязненные, православные люди, то ихъ послѣдняя надежда была на молитвы дорогого батюшки, когда помощь врачей уже оказывалась безсильной... Послѣдніе гроши собирались, чтобы послать ему телеграмму или письмо съ просьбою помолиться о здравіи болящаго... Вѣхаль-ли куда о. Іоаннъ, слухъ о томъ на сотни верстъ опережалъ его и всѣ, кому жизнь не давала возможности увидать его въ Кронштадтѣ, спѣшили теперь встрѣтиться съ нимъ, поговорить съ нимъ о своихъ горестяхъ и получить утѣшенія, просить его св. молитвъ... Больныхъ вывозили и выносили навстрѣчу дорогому пастырю и его путешествіе сопровождалось чудесными знаменіями исцѣленій, предъ которыми благоговѣли и преклонялись даже люди маловѣрующіе или

и совсѣмъ невѣрующіе въ самую возможность чуда, какъ сверхъестественной силы Божіей по молитвѣ праведника ¹⁾...

О своихъ безчисленныхъ чудотвореніяхъ, совершавшихся благодатію Божіею по его святымъ молитвамъ, о. Іоаннъ самъ при одномъ случаѣ съ истинно-апостольскимъ дерзновеніемъ говорилъ: „Я исполненъ немощи и знаю мои немощи; но сила Божія въ немощи совершается; и она див-

¹⁾ Въ наше скептическое и маловѣрующее время намъ хотѣлось бы привести одинъ изъ многочисленнѣйшихъ случаевъ чудесныхъ исцѣленій, бывшихъ по вѣрѣ и молитвѣ о. Іоанна Кронштадтскаго еще при жизни его, какъ особенно разительное доказательство силы и благодати Божіей, содѣвающейся въ немощи человѣческой и въ наши не вѣрные дни.

Это было въ селѣ Кончанскомъ, Боровичскаго уѣзда, въ день освященія новой церкви, на каковое торжество былъ приглашенъ о. Іоаннъ Кронштадскій.

Несмѣтная толпа народу, по обычаю, встрѣтила дорогого гостя и переполняла храмъ и во время всенощной, и во время обѣдни на слѣдующій день. Присутствовало много депутатовъ академіи генеральнаго штаба и другихъ почетныхъ лицъ... Послѣ торжества освященія, въ новомъ зданіи земской школы для о. Іоанна и многихъ почетныхъ лицъ былъ устроенъ завтракъ. На завтракъ присутствовали уѣздные помѣщики, генералы, городскія и уѣздныя власти, священники, и т. д. О. Іоаннъ сидѣлъ во главѣ стола... Видъ у него былъ крайне утомленный...

Во время завтрака, въ залѣ вдругъ появилась груша, состоящая изъ трехъ мужиковъ и рослой бабы, которые несли на рукахъ бившуюся и метавшуюся въ истерическомъ припадкѣ женщину. Впослѣдствіи оказалось, что эта женщина была крестьянкой Румянцевой, страдавшей болѣзнію, которую врачи называютъ—*„классической истеріей“*.

Мужики, нешіе больную оглядѣлись и, увидѣвъ о. Іоанна во главѣ стола, направились со своей ношей къ нему. Батюшка обернулся къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ священнику Льву Матвѣеву и нервно спросилъ:

— Одержимая?..

— Да, батюшка,—отвѣтилъ тотъ.

Между тѣмъ больная билась и металась, грудь ея изгибалась колесомъ, а на лицѣ ея былъ написанъ дикій, непередаваемый ужасъ...

— Поставьте ее на ноги!—рѣзко закричалъ о. Іоаннъ.

Женщина, помогавшая нести одержимую, объяснила батюшкѣ, что стоять больная не можетъ, когда съ ней случается припадокъ. Но о. Іоаннъ еще рѣзче крикнулъ:

— Я вамъ приказываю—поставьте ее и отойдите!

Мужики и женщина отошли въ сторону, оставивъ больную, которая шаталась во всѣ стороны, точно пьяная...

но совершалась во мнѣ въ продолженіе 25-лѣтняго священствованія моего, и дерзну сказать, ибо скажу истину: чрезъ меня совершилась во многихъ, въ простотѣ вѣрующихъ, очевиднымъ, осязательнымъ образомъ сила благодати! Слава Господу Иисусу Христу, даровавшему намъ благодать на благодать (Іоан. 1,—6). Говорю вамъ объ этой силѣ Божіей больше для того, что бы вы вмѣстѣ со мною прославили вели-

— Смотри на меня!—послышался голосъ о. Іоанна.

Исправникъ П., присутствовавший за завтракомъ, улыбнулся и довольно громко проговорилъ:

— Ну, сейчасъ будетъ представленіе съ чудомъ!

Больная женщина, какъ бы услышала приказъ батюшки, но никакъ не могла поднять на него свой бессмысленный,—блуждающій взглядъ.

-- Говорю тебѣ, приказываю—смотри мнѣ въ глаза!—настойчиво повторилъ о. Іоаннъ.

Глаза женщины наконецъ остановились на немъ и нѣсколько прояснились.

— Перекрестись!

Изъ груди больной вырвался *страшный, хриплый вопль*:

— Не могу!

Тогда о. Іоаннъ подошелъ къ ней вплотную. Голова его была закинута, глаза горѣли.

— *Выйди! Именемъ Господа—выйди!*—раздался его голосъ, властный, звучный...

Что произошло послѣ этихъ словъ съ больной женщиной описать невозможно. Она вся вытянулась и нечеловѣческимъ голосомъ, а какимъ—то *звѣринымъ ревомъ* закричала:

— *Выйду, выйду!..*

Присутствующіе всѣ были глубоко потрясены. *Тотъ самый исправникъ, который только что смѣялся, говоря о представленіи съ чудомъ—истерически зарыдалъ...*

— Перекрестись! прежнимъ властнымъ тономъ приказалъ о. Іоаннъ.

Больная подняла руку, сдѣлала нѣсколько неловкихъ движеній и, наконецъ, правильно, твердо перекрестилась... Послѣ этого голова ея опустилась на плечо пастыря и тихія, сердечныя рыданія изстрадавшагося сердца огласили комнату... Батюшка, поддерживая ее, отвелъ въ дальній уголъ комнаты... Всѣ бывшіе въ залѣ, до глубины души пораженные всѣмъ видѣннымъ, догадались, что это будетъ исповѣдь и отошли въ сторону...

Исповѣдь длилась недолго. Вскорѣ послышался ослабѣвшій голосъ пастыря, читающаго разрѣшительную молитву.

— Ты совершенно здорова,—сказалъ онъ на прощаніе женщины,—и Господь благословитъ тебя дѣтьми.

Авт.

каго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Коего благодать и милость не оскудѣваютъ и нынѣ, какъ не оскудѣютъ до вѣка. Не могу исчислить безчисленнаго множества врачеваній благодатныхъ—душевныхъ и тѣлесныхъ, совершенныхъ во мнѣ Господомъ чрезъ сердечное призываніе Имени Его. Слава Спасителю нашему Богу. Онъ видитъ, что я неложно возсылаю Ему эту славу. Только Имъ и о Имени Его я славенъ, а безъ Него немощенъ, съ Нимъ святъ, безъ Него исполненъ грѣховъ и немощи, безъ Него малодушествую, съ Нимъ дерзаю на все“!..

Священникъ Николай Загорскій.

(Продолженіе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія богослуженія.

Ноябрь. 14-го, воскресенье и день рожденія Государини Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Его Высокопреосвященство Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершалъ литургію въ церкви Харьковскаго института благородныхъ дѣвиць. Въ сослуженіи участвовали: профессоръ богословія протоіерей о. Николай Стеллепкій, ключарь собора протоіерей Іоаннъ Гончаревскій, протоіерей о. Василій Добровольскій и настоятель институтской церкви священникъ о. Павелъ Грома. Пѣли литургію воспитанницы института на два хора. На богослуженіи присутствовали воспитанницы, начальствующіе и учащіе и избранные молящіеся. Послѣ литургіи былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, послѣ чего начальствующіе, учащіе и воспитанницы подходили къ св. кресту.

Послѣ богослуженія, Владыка поздравилъ институтъ съ его праздникомъ и преподавъ всѣмъ общее благословеніе, прослѣдовалъ въ торжественный залъ, гдѣ воспитанницами, въ присутствіи начальствующихъ и гостей, былъ исполненъ гимнъ „Боже, Царя храни“. Затѣмъ Владыка посѣтилъ квартиру г-жи начальницы, гдѣ ему, сослужащимъ и гостямъ былъ предложенъ чай.

Въ кафедральномъ соборѣ въ этотъ день совершалъ литургію архимандритъ Покровскаго монастыря о. Іосифъ, въ сослуженіи со-

борнаго духовенства. Послѣ литургіи былъ отслуженъ благодарственный молебенъ при участіи градскихъ протоіереевъ и священниковъ. За литургіей была сказана проповѣдь протоіереемъ о. Андреемъ Балановскимъ. На богослуженіи присутствовали: г. и. д. Харьковскаго губернатора, представители разныхъ учреждений, генералитетъ и много молящихся.

— 20-го, въ субботу, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ всенощную въ Крестовой церкви въ сослуженіи монастырскаго духовенства.

— 21-го, въ воскресенье и праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи архимандритовъ Іосифа и Аванасія и четырехъ іеромонаховъ. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ очень прочувственное и назидательное слово о величайшемъ значеніи христіанскаго воспитанія дѣтей въ духѣ православной вѣры и благочестія. Какъ на образецъ такого воспитанія Владыка указалъ на Пресвятую Дѣву Марію, праведные и благочестивые родители которой всегда должны служить примѣромъ въ воспитаніи дѣтей, а особенно въ наше время. По примѣру ихъ и всѣ родители и учителя, воспитывая дѣтей и учениковъ своихъ, должны заботиться о томъ, чтобы воспитаніе и ученіе ихъ прежде всего было религіозно-нравственное, чтобы оно всегда проходило подъ благодатнымъ воздѣйствіемъ св. ученія Христова и сопровождалось молитвой, отъ которой, какъ отъ благодатной силы, человѣку подается все необходимое для укрѣпленія его душевныхъ и тѣлесныхъ силъ и, вообще, для его нравственнаго усовершенствованія.

Въ храмѣ было множество молящихся; всѣ они съ напряженнымъ вниманіемъ слушали понятное, убѣдительное и сердечное слово Владыки, которое, видимо, произвело на нихъ глубокое впечатлѣніе.

— 23-го, во вторникъ и день памяти св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ домово́й церкви 1-ой Харьковской мужской гимназіи, по случаю ея храмоваго праздника. Въ служеніи съ Его Высокопреосвященствомъ участвовали: настоятель церкви протоіерей о. Павелъ Солнцевъ, ключарь собора протоіерей Іоаннъ Гончаревскій, благочинный священникъ о. Даніилъ Поповъ и законоучитель священникъ о. Павелъ Грома. Пѣлъ литургію хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. При входѣ въ зданіе гимназіи Владыка былъ встрѣченъ начальствомъ и учителями гимназіи, а также хоромъ учениковъ гимназіи, который шелъ впереди Владыки и до входа въ церковь пѣлъ

тропарь храма. На богослуженіи въ церкви находились воспитанники гимназій съ своимъ начальствомъ и учителями, г. исполняющій обязанности попечителя учебнаго округа, окружные инспектора, директора института и гимназій и посторонніе молящіеся.

Въ концѣ литургіи Владыка, поздравивъ гимназію съ праздникомъ, сказалъ весьма прочувственное и глубоконазидательное слово о значеніи для учениковъ гимназій ихъ храмоваго святаго, какъ примѣра и образца вѣры въ Бога, преданности православной церкви и любви къ своему отечеству. Въ сжатыхъ, но рельефныхъ изображеніяхъ Владыка изложилъ: воспитаніе и образованіе великаго князя Александра Невскаго, его заботы и подвиги на благо отечества, его побѣдоносныя войны съ врагами православной вѣры и русскаго государства, его заботы объ умиротвореніи удѣльныхъ князей, его поѣздки къ монгольскому хану для ходатайствъ о льготахъ и милостяхъ своему отечеству, его твердость и стойкость въ своихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ, когда онъ самоотверженно и безъ страха отказывался исполнить предъ ханомъ языческіе обряды, наконецъ его истинно-христіанскую кончину, значеніе его жизни и дѣятельности для блага русскаго народа и необыкновенную любовь къ нему народа, выразившуюся въ глубокой всенародной скорби и плачѣ о „закатившемся солнцѣ земли русской“. Въ заключеніе Владыка назвалъ весьма мудрой мысль устроителей гимназическаго храма—посвятить его въ честь св. благов. князя Александра Невскаго, такъ какъ въ лицѣ его учащимъ данъ живой примѣръ твердой вѣры въ Бога, преданности православной церкви и любви къ отечеству. Это наилучшій образецъ для воспитанія юношества, и Владыка выразилъ пожеланіе, чтобы воспитаніе и ученіе въ гимназіи совершалось по этому образцу—въ духѣ религіозности, христіанскаго благочестія и любви къ Государю и своему отечеству, и чтобы для воспитателей и воспитанниковъ гимназіи живымъ и воодушевляющимъ образцомъ служилъ молитвенный покровитель ихъ храма и заведенія. Слово Владыки дышало пастырскою учительностію и патриотическимъ чувствомъ и было выслушано присутствовавшими съ интересомъ и глубокимъ вниманіемъ.

Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ св. князю Александру съ провозглашеніемъ обычныхъ многолѣтій, послѣ чего всѣ присутствовавшіе подходили къ св. кресту и были окроплены св. водою.

По окончаніи богослуженія Владыка былъ приглашенъ въ залъ, гдѣ ему и гостямъ былъ предложенъ чай и завтракъ. Около 2-хъ часовъ дня Владыка, провожаемый всѣми присутствовавшими, отбылъ изъ гимназій.

Въ этотъ же день, въ началѣ 10-го часа утра, кафедральный соборъ посѣтилъ Преосвященный Алексій, Епископъ Псковскій и Порховскій, который, проѣздомъ изъ Симферополя на новую свою кафедру въ Псковъ, остановился на нѣсколько дней у Его Высокопреосвященства. Въ соборѣ Его Преосвященство приложился къ чудотворнымъ иконамъ и прослушалъ позднюю литургію, а затѣмъ отбылъ для посѣщенія мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній.

Протоіерей *І. Гончаревскій*.

Чествованіе сельского священника.

Въ маѣ сего года вышелъ за штатъ священникъ Преображенской церкви слободы Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, отецъ Александръ Пантелѣевъ, и прихожане этой церкви, уже неоднократно чествовавшіе о. Александра (въ день 40, 45 и 50-лѣтія его службы), рѣшили и теперь почтить своего достойнѣйшаго пастыря, для чего, на собранныя деньги, приобрѣли икону для подношенія и составили прочувствованный адресъ. Чествованіе происходило, съ разрѣшенія Владыки, 11 іюля сего года и носило самый сердечный характеръ. Для служенія молебна, послѣ литургіи, въ Преображенскую церковь собрались все Котелевскіе священники, діаконы и псаломщики. Предъ началомъ молебна къ солеѣ подошелъ учитель Котелевскаго двухкласснаго училища І. М. Федченко и отъ имени бывшихъ прихожанъ о. Александра прочелъ ему адресъ слѣдующаго содержанія:

„Глубокоуважаемый и дорогой пастырь нашъ, отецъ Александръ!

52 года Вы доблестно исполняли обязанности пастыря. Почти весь этотъ долгій, тернистый и многотрудный путь пройденъ Вами среди насъ, прихожанъ этого святаго храма (50 лѣтъ). Почти всехъ насъ, духовныхъ чадъ своихъ, восприняли Вы отъ святой купели и въ теченіе полулѣтка съ кротостію и любовью духовно растили. Не одно, а нѣсколько поколѣній воспитывалось подъ Вашимъ добрымъ вліяніемъ. Кротость и смиреніе, состраданіе къ бѣднымъ, отзывчивость на всякую нужду ближняго—вотъ чему учили Вы насъ своею жизнью, учили не словомъ только, а добрымъ, пастырскимъ примѣромъ. Бѣдные и несчастные, вдовы и сироты влили не одну горячую слезу благодарности, благословляя Васъ за оказанную имъ помощь. Ни одно доброе начинаніе, требовавшее сочувствія и матеріальной поддержки, не обходилось безъ Вашего замѣтнаго участія. Въ мирѣ и любви жили Вы со всеми; мира и любви требовали и отъ насъ; а въ этомъ—царство Божіе, въ этомъ—счастье человѣка.

Мы видѣли въ Васъ прежде всего: добраго, сердечнаго и отзывчиваго человѣка и, какъ дѣти къ любимому отцу, охотно несли къ Вамъ свои скорби и печали.

А въ этомъ святомъ храмѣ, для благолѣпія котораго такъ много сдѣлано Вами и Вашею доброю семьей, въ теченіе полувѣка совершая св. службу съ рѣдкимъ благоговѣніемъ и сердечностью, Вы учили и насъ, отрѣшаясь отъ всего земнаго, благоговѣнно возноситься мыслию и сердцемъ къ Богу.

Теперь Вы оставили насъ... А мы такъ сжились съ Вами, такъ долго Вы были близкимъ и дорогимъ для насъ!.. Съ живѣйшимъ чувствомъ искреннѣйшаго сожалѣнія и скорби расстаемся мы съ Вами, добрый отецъ нашъ, но навсегда сохранимъ въ сердцѣ своемъ горячую любовь къ Вамъ; ее завѣщаемъ мы и дѣтямъ нашимъ! Отъ глубины сердца благодаримъ Васъ, дорогой пастырь нашъ, за все то добро, которое Вы такъ охотно дѣлали для насъ; благодаримъ за то чистое, хорошее и свѣтлое, чему мы учились у Васъ; благодаримъ за тѣ высокія минуты религіознаго восторга и умиленія, которыя мы переживали въ этомъ св. храмѣ и которыя вызывались Вашею проникновенною молитвою, Вашимъ сердечнѣйшимъ исполненіемъ службы Божіей; благодаримъ Васъ и за дѣтей нашихъ, въ юныя души которыхъ Вы съ такою кротостію и любовью старались заложить прочныя основы истинно-христіанскихъ добродѣтелей. Горячо молимъ Всевышняго: да продлитъ Онъ дни Ваши, да будутъ они тихи и безпечальны!.. Молитесь за насъ!.. Въ знакъ же нашей искреннѣйшей любви и горячей признательности къ Вамъ просимъ принять отъ насъ эту св. икону славнаго Преображенія Господня!“ (Слѣдуютъ подписи).

Отецъ Александръ съ благоговѣніемъ приложился къ св. образу и, принимая его, въ горячихъ словахъ благодарилъ своихъ бывшихъ прихожанъ за добрую память о немъ.

По окончаніи молебна и многолѣтія къ о. Александру обратился съ краткою, прочувствованною рѣчью священникъ Всѣхсвятской церкви с. Котельвы о. Владиміръ Щербининъ:

„Дорогой отецъ Александръ!

Св. Апостоль Павелъ въ посланіи къ юному Епископу Тимоѳею такъ изображаетъ идеаль пастыря духовнаго стада: „Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою“ (I Тимоѳ. 4. 12).

Какъ труденъ этотъ подвигъ! Не даромъ св. Іоаннъ Златоустъ, этотъ великій подвижникъ благочестія, такъ уклонялся отъ

сана пресвитера! Вотъ что писалъ онъ къ другу своему, Епископу Василю, который такъ уговаривалъ его принять священный санъ: „душу священника обуреваютъ иногда волны, большія тѣхъ, какія бываютъ отъ вѣтровъ, возмущающихъ море“. А въ другомъ мѣстѣ своего письма св. Іоаннъ Златоустъ, говоря о томъ, съ какою предусмотрительностью долженъ относиться каждый пастырь къ своимъ дѣйствіямъ, замѣчаетъ, что на священника всякую минуту взираютъ тысячи глазъ пасомыхъ.

Если такъ смотрѣли на трудность пастырскаго служенія такіе столпы церкви, какъ свв. Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, то какъ трудно намъ—грѣшнымъ исполнить этотъ высокій идеалъ пастырства, чтобы не заслужить справедливаго упрека отъ этихъ тысячъ глазъ нашихъ прихожанъ, которые съ надеждою взираютъ на насъ, ожидая отъ насъ добрыхъ примѣровъ! Вы-же, дорогой духовникъ нашъ и старѣйшій сотоварищъ, какъ яркая свѣча горѣли въ храмѣ предъ своими прихожанами не пять или десять лѣтъ, а болѣе полустолѣтія (52 года), правда, не красотою рѣчи, не изысканностью обращенія, не пышностью совершаемаго Вами богослуженія, но за то простотою, добродушіемъ, снисходительностью къ недостаткамъ младшихъ своихъ сослуживцевъ, отзывчивостью на чужое горе, усердіемъ и благоговѣніемъ къ церкви и св. служенію...

Да наградитъ Васъ Господь за добрыя качества Вашей души! Есть пословица „Гласъ народа—гласъ Божій“... Прихожане Ваши неоднократно дѣлали Вамъ подношенія на память, составляли Вамъ адреса... Что-же все это значить, какъ не то, что Вы вполне заслужили такого ихъ вниманія, что Вашъ трудъ угоденъ и Богу!

Примите-же и отъ насъ, дорогой сотоварищъ, этотъ скромный подарокъ (посохъ); пусть онъ будетъ для Васъ твердою опорою въ старости, при сознаніи, что Вы честно исполнили трудный подвигъ духовнаго пастыря. Многая Вамъ лѣта!“ Пѣвчіе еще разъ пропѣли „Многая лѣта“, а священникъ Троицкой церкви с. Котельвы о. Николай Артемьевъ вручилъ о. Александру прекрасную священническую трость съ серебряно-вызолоченною верхушкою. Глубокорастроганный о. Александръ со слезами выразилъ, въ краткихъ словахъ, свою благодарность за вниманіе къ нему своихъ сотоварищей.

По окончаніи молебна все присутствовавшее на торжествѣ духовенство и прихожане были приглашены о. Александромъ въ его домъ раздѣлить хлѣбъ-соль.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Архипастырское посланіе пастырямъ Екатеринославской епархіи.

*„Благодать Господа нашего
Исуса Христа, и любовь Бога и
Отца, и общеніе Святаго Духа со
всеми вами“ (2 Кор. 13, 13).*

Церковь Екатеринославскую въ послѣднія пять лѣтъ сильно волнуютъ свирѣпыя вѣтры сектантскаго лжеученія, невѣрія и увлеченія духомъ времени. На окраинахъ епархіи появились сектанты, именующіе себя „ново-израильтянами“, которые глумятся надъ истинами вѣры православной, надъ ея святынями и служителями, стараются произвести охлажденіе къ вѣрѣ среди сыновъ Церкви православной и совратить ихъ на путь гибели. Внутри епархіи появившаяся недавно секта іоаннитовъ уже успѣла сьорганизоваться и увлечь въ ересь темныхъ меньшихъ братьевъ.

Воинствующій баптизмъ въ послѣднее время проявляетъ особенно усиленную дѣятельность. Съ небывалой энергіей проповѣдники штундо-баптизма разъѣзжаютъ съ хорами пѣвчихъ по православнымъ приходамъ нашей епархіи, производя большой соблазнъ и смущеніе среди православныхъ христіанъ; всюду они устраиваютъ торжественныя молитвенныя собранія; въ проповѣдяхъ открыто поносятъ православную вѣру съ ея таинствами и обрядами; совершаютъ торжественныя присоединенія и крещенія надъ обращенными въ баптизмъ, въ виду многочисленной толпы зрителей. Въ большомъ изобиліи баптисты распространяютъ свою литературу, устраиваютъ воскресныя школы и т. д.

Родственный баптизму адвентизмъ имѣетъ прочную организацію образованныхъ проповѣдниковъ, обладаетъ большими матеріальными средствами и ведетъ пропаганду своего ученія всевозможными способами.

Появляются иногда за послѣднее время на заводахъ и рудникахъ и такіе народные учителя, которые доказываютъ, что и Бога нѣтъ, и такимъ путемъ насаждаютъ невѣріе и, по меньшей мѣрѣ, религіозный индифферентизмъ.

Словомъ, грозныя тучи сектантства и невѣрія надвигаются со всѣхъ сторонъ.

Правда, подобнаго рода еретики и безбожники появлялись на

протяженіи всей жизни Церкви на землѣ, согласно пророчеству ап. Петра: „Были и лжепророки въ народѣ, какъ и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси и, отвергшись искупившаго ихъ Господа, навлекутъ сами на себя скорую погибель. И многіе послѣдуютъ ихъ разврату и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ поношеніи. И изъ любостыжанія будутъ уловлять васъ льстивыми словами; судъ ихъ давно готовъ и погибель ихъ не дремлетъ“ (2 Петр. 2, 1—3).

Исторія Церкви свидѣтельствуешь, что пастыри и учителя Церкви всегда воинствовали мечемъ духовнымъ съ врагами православія. Не даромъ св. ап. Павелъ говоритъ: „Надлежитъ быть и разномыслиямъ между вами, дабы открылись между вами искусные“ (1 Кор. 11, 19), и Самъ Христосъ Спаситель учитъ: „Побѣждающему дамъ сѣсть со мною на престолѣ Моемъ, какъ и я побѣдилъ и сѣлъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его“ (Откр. 3, 21).

Возлюбленные о Господѣ пастыри Екатеринбургской епархіи! Уступимъ-ли и мы сектантамъ и невѣрамъ ввѣренныя нашему попеченію души, искупленныя безцѣнной Кровію Іисуса Христа? Отдадимъ-ли ихъ на растерзаніе хищнымъ волкамъ, прикрывающимся овечьей шкурою? Дадимъ-ли тѣмъ побѣдить свѣтъ?

Настаетъ теперь крайняя необходимость обнажить волчью шкуру сектантовъ, показать ихъ лицемѣріе, раскрыть ихъ заблужденіе. Теперь, когда всюду хулится имя Божіе, молчаніе преступно, и пассивное отношеніе пастыря къ дѣлу было бы измѣною Церкви и своему званію. Вспомнимъ слова нашего Господа о спасеніи хотя бы единой заблудшей овцы. Будемъ прилагать всякія старанія, будемъ неопустительно пользоваться дозволенными православною Церковію средствами, чтобы спасти хотя нѣкоторыхъ, по Апостолу: „Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ“ (1 Кор. 9, 22). Пастырь Церкви, какъ стражъ и хранитель, Богомъ поставленный къ духовному стаду, дастъ отвѣтъ за каждую утерянную овцу.

Господь черезъ пророка Іезекіиля угрожаетъ гнѣвомъ Своимъ тѣмъ нерадивымъ пастырямъ, по винѣ которыхъ блуждаютъ и разсѣиваются овцы и, разсѣявшись, дѣлаются пищею всякому звѣрю полевому, и изрекаетъ горе тѣмъ изъ нихъ, которые оставили овецъ своихъ на расхищеніе, и при видѣ опасности не развѣдывали о нихъ, и угнанной не возвращали и утерянной не искали (34, 2—10). Образецъ заботливости объ охраненіи стада пастырь долженъ видѣть на примѣрѣ Пастыреначальника, Который называетъ Себя „добрымъ пастыремъ“, душу свою полагающимъ за овцы, и Кото-

рый въ извѣстной притчѣ обличаетъ своекорыстныхъ и нерадивыхъ пастырей, представляя ихъ подъ образомъ наемника, которому овцы не свои и который, видя приходящаго волка, оставляетъ овецъ и бѣжитъ (Іоан. 10, 11—14).

Поэтому, пастырь всегда долженъ быть бдителенъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы не отстала отъ стада и не увлечена была въ ложное ученіе какая-либо изъ овецъ, ввѣренныхъ его попеченію.

Что же долженъ дѣлать пастырь Церкви въ данномъ случаѣ? Какія предохранительныя воздѣйствія онъ можетъ оказать на свою паству и колеблющихся въ православіи, подверженныхъ опасности совращенія?

Прежде всего и главнымъ образомъ каждый пастырь долженъ обратить взоры на себя самого, на свою жизнь и дѣятельность. Нѣтъ-ли здѣсь какихъ-либо причинъ и условій перехода православныхъ въ сектантство? Не будемъ скрывать того, что по немощамъ нашимъ не всѣ мы и не всегда стояли на высотѣ пастырскаго служенія, но, успокоенные видимымъ благополучіемъ ввѣренныхъ намъ приходоу, вели дѣло безъ особыхъ ревностныхъ подвигоу и стараній, не всегда возвышались надъ пороками и слабостями человеческими.

Только тогда дѣятельность пастыря будетъ успѣшна и плодотворна, если онъ самъ, отрѣшившись отъ всѣхъ худыхъ привычекъ, непрестанно будетъ бороться и подавлять въ себѣ всякія порочныя начинанія. Иначе наставляемые пастыремъ скажутъ ему: „врачу, исцѣлися самъ“.

„Душа священника, говоритъ св. І. Златоустъ, должна со всѣхъ сторонъ блистать красотоу, дабы она могла и радовать и просвѣщать души взирающихъ на него. Грѣхи людей незначительныхъ, совершаемые какъ бы во мракѣ, губятъ однихъ только согрѣшающихъ, а грѣхи человека значительнаго и многимъ извѣстнаго наносятъ всѣмъ общій вредъ, дѣлая падшихъ болѣе нерадивыми о добрыхъ подвигахъ, а внимательныхъ къ себѣ располагая къ гордости... Священникъ долженъ со всѣхъ сторонъ оградить себя, какъ бы какимъ адамантовымъ оружіемъ, тщательною бдительностію и постояннымъ бодрствованіемъ надъ своею жизнью, всюду наблюдая, чтобы кто-нибудь не нашелъ открытаго и необерегаемаго мѣста и не нанесъ смертельнаго удара; ибо всѣ окружающіе готовы уязвлять и поражать его,—не только враги и непріатели, но многіе и изъ тѣхъ, которые притворяются друзьями“ (т. I „О священствѣ“ стр. 426).

Если жизнь не по Евангелію православныхъ мірянъ соблазняетъ малыхъ сихъ, то тѣмъ болѣе неблаговидная жизнь пастыря,

вверху горы стоящаго. Изъ жизни Церкви можно привести много примѣровъ, когда добродѣтельная жизнь даже молчаливаго пастыря спасала многія души. Добрая, благочестивая жизнь пастыря—одно изъ главныхъ и могущественныхъ средствъ для огражденія прихожанъ отъ увлеченія разнаго рода ученіями.

Пастырь есть служитель Церкви, посредникъ между Богомъ и людьми, молитвенникъ. Поэтому возможно чаще пастырь долженъ прибѣгать къ молитвѣ уединенной и общественной; пастырь долженъ подавать примѣръ молитвы и молитвеннаго настроенія, какъ самаго доступнаго всякому человѣку средства общенія съ Богомъ; пастырь долженъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы воспитать въ своихъ пасомыхъ съ ранняго дѣтства любовь къ молитвѣ и молитвенное настроеніе. Если этого пастырь достигнетъ, народъ пойметъ, что его отецъ духовный не наемникъ, не чиновникъ, но, дѣйствительно, ходатай и молитвенникъ за него предъ Богомъ.

(Окончаніе будетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Женскіе богословскіе курсы въ Москвѣ.

Съ октября нынѣшняго года въ Москвѣ открылись женскіе богословскіе курсы, учреждаемые „Союзомъ христіанскихъ матерей“ при „Обществѣ содѣйствія религіозно-нравственному и патріотическому воспитанію дѣтей“. Въ задачи курсовъ входитъ—сообщать образованнымъ женщинамъ научное изложеніе вѣро-и нравоученія христіанскаго, въ связи съ современными запросами мысли и жизни въ образованномъ обществѣ, въ строгомъ соотвѣтствіи съ ученіемъ православной Церкви, а также изложеніе теоріи и практики христіанской педагогики въ примѣненіи къ обученію дѣтей дошкольнаго и школьнаго возраста и преподаванію ихъ народу въ народныхъ и иныхъ школахъ, посредствомъ чтеній и т. д. Методъ преподаванія на курсахъ устанавливается собесѣдовательный вмѣстѣ съ примѣненіемъ лекціоннаго. На курсы принимаются матери-христіянки съ образованіемъ (домашнимъ или въ учебномъ заведеніи) не ниже прогимназическаго и дѣвицы-христіянки съ гимназическимъ образованіемъ и соотвѣтствующаго этому возраста. По прослушаніи курсовъ слушательницы получаютъ особыя свидѣтельства, которыя, не давая какихъ-либо особыхъ правъ, однако, могутъ имѣть значеніе частныхъ рекомендательныхъ документовъ, на случай допущенія ихъ.

обладательницъ епархіальною властью къ преподаванію Закона Божія въ школахъ, къ веденію религіозно-нравственныхъ народныхъ чтеній и чтеній для дѣтей, а также къ обученію дѣтей Закону Божию въ семьяхъ.

Признаки сектантства.

Въ предупрежденіе вреда для слабыхъ и неопытныхъ въ вопросахъ вѣры, нужно обратить вниманіе на слѣдующіе признаки, на основаніи которыхъ можно судить о приверженности кого-либо къ сектантству: 1) сектанты очень рѣдко или совсѣмъ не посѣщаютъ храма Божія; если бывають въ церкви, то только для отвлеченія отъ себя подозрѣній со стороны духовенства; 2) они уклоняются отъ сближенія съ другими православными; держать себя какъ-то особнякомъ, какъ люди особыхъ правилъ и образа жизни; 3) скрываютъ отъ стороннихъ глазъ своихъ знакомыхъ и тѣ мѣста, гдѣ бывають у нихъ собранія, на которыхъ происходятъ моленія и идутъ разсужденія о вопросахъ вѣры и дѣлахъ; 4) стараются привлечь наиболѣе податливыхъ и легковѣрныхъ къ себѣ посредствомъ особенной любезности, ласки и доброты, а иногда, если позволяютъ средства, посредствомъ благотворительности, денежной помощи, ссуды денегъ безъ проц. и т. п.

Но всѣ эти особенности относятся къ внѣшнимъ признакамъ, не дающимъ еще права заключать о принадлежности къ сектантству. Нужно еще имѣть въ виду внутренніе признаки принадлежности къ сектантству, присутствіе убѣжденій или взглядовъ сектантовъ. Только при наличности этихъ взглядовъ есть основаніе установить фактъ, какъ нѣчто достовѣрное. Какія же особыя убѣжденія сектантовъ, въ отличіе отъ православныхъ?

Взгляды сектантовъ на вѣру и церковь сложились подъ вліяніемъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, руководствующагося въ разсужденіяхъ о предметахъ вѣры одними доводами разсудка и внутреннимъ убѣжденіемъ, а не совмѣстно и свято-отеческимъ преданіемъ по примѣру православнаго исповѣданія.

Свободный духъ изслѣдованія свящ. Писанія, независимо отъ толкованій библіи свв. отцами Церкви, произведши на Западѣ разладъ и смущеніе, отразился чрезъ непосредственное вліяніе иновѣрцевъ на русскихъ, въ формѣ итумды, баптизма, пашковщины, толстовщины и т. п.

Въ каждомъ изъ перечисленныхъ названій сектантскаго движенія общее состоитъ въ томъ, что, по воззрѣнію сектантовъ, Богу можно угодить духомъ, а духъ свободенъ, а потому молитва должна

быть свободна: молитва, чтеніе и проповѣдь не заключаются въ извѣстныхъ границахъ, не совершаются по чиноположенію. Дѣйствующимъ лицомъ можетъ быть каждый членъ общества и даже женщины, за исключеніемъ проповѣди, которая не дозволяется женщинамъ; сектантство придаетъ значеніе, даже святость собраніямъ въ домахъ, а не присутствію въ церквахъ. Всѣ семь таинствъ сектантство отвергаетъ, не вѣря въ то, что чрезъ таинства сообщается благодать Св. Духа; они отвергаютъ и таинство священства, членовъ свящ. іерархіи—епископовъ и священниковъ, называя ихъ оскорбительными именами, какъ людей не только не нужныхъ, но и вредныхъ. Отрицаніе сектантовъ доходитъ до того, что они не признаютъ православной Церкви въ смыслѣ богоучрежденнаго общества вѣрующихъ. Отвергая церковь земную, они хулятъ Пресв. Богородицу, не почитаютъ ангеловъ, угодниковъ Божіихъ, отвергаютъ мощи святыхъ и не придаютъ значенія молитвамъ Церкви за живыхъ и умершихъ. Отвергаютъ посты, праздники, не почитаютъ креста, т. е. не поклоняются предъ нимъ, не носятъ его на груди, не употребляютъ даже крестнаго знаменія. Отрицанія штундистовъ заходятъ за предѣлы положеннаго и въ другомъ отношеніи: они непочтительно относятся къ гражданской власти и даже царямъ.

Нѣтъ нужды и возможности перечислять всѣ дальнѣйшія частныя заблужденія сектантовъ и отступленія ихъ отъ ученія православной Церкви, но и перечисленнаго достаточно для признанія того, что сектантство далеко уклонилось отъ истины, составляя общество людей вредныхъ и опасныхъ,—тѣмъ болѣе, что оно отличается скрытностью и враждебностью къ тѣмъ, кто не сочувствуетъ имъ, кто открывасть, обличаетъ ихъ и доноситъ о нихъ властямъ для вразумленія и удержанія ихъ отъ стремленія распространять свои заблужденія среди людей простыхъ и довѣрчивыхъ.

Такимъ образомъ, если замѣчены люди, подобные представленнымъ, то это—несомнѣнный признакъ, что они—сектанты.

(„Гол. Ист.“).

В О З В А Н І Е.

Христолюбивые благотворители! Помогите устроить храмъ во имя св. Николая въ сл. Ольшанѣ, Харьковскаго уѣзда. Прихожане—исключительно бѣдные крестьяне. Каждая копѣйка дорога. Помогите!

Пожертвованія просятъ адресовать: ст. Люботинъ, Южн. ж. д., сл. Ольшана, Харьковск. у., Николаевскому церковно-приходскому попечительству.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ XXXV ГОДЪ ИЗДАНІЯ
ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журналы для дѣтей и юношества, основанные С. М. Макаровой и издаваемые подъ редакціей П. М. Ольхина.

Подписной годъ съ 1-го ноября 1910 г.

Первые №№ высылаются немедленно.

Гг. годовые подписчики журнала
 „З. Сл.“ для дѣтей
МЛАДШАГО ВОЗРАСТА
 (отъ 5 до 9 лѣтъ) получаютъ
52 №№ и 48 премій.

Въ числѣ которыхъ:

Большая картина въ хромоолеограф. краскахъ: „Утро Малютки“, художника Б. М. Кустодіева.

12 Занимательныхъ игръ, работъ, рукодѣлій и т. п. на раскрашен. и черныхъ листахъ.

12 Иллюстрированныхъ книжекъ рассказовъ, повѣстей, сказокъ, шутокъ и пр. для маленькихъ дѣтей.

12 Вып. иллюстр. изданій „Новый Дневникъ Мурзилки“. Записки о приключеніяхъ и путешествіяхъ крошечныхъ лѣсныхъ человѣчковъ-эльфовъ, съ мног. веселыми рисунками П. Кокеа.

8 Тетрадей изданія „Моя первая книга стиховъ“. Сборникъ лучшихъ стихов. для дѣтей младшаго возраста; составила М. Р. Лемке, съ иллюстр. худ. Герардова.

Игра „Домино-Звѣринецъ“, съ краткими свѣдѣніями о жизни животныхъ, на большомъ листѣ.

Стѣнная таблица-расписаніе занятій съ стѣннымъ табель-календар. и мног. друг.

Гг. годовые подписчики журнала
 „З. Сл.“ для дѣтей
СТАРШАГО ВОЗРАСТА
 (отъ 9 до 14 лѣтъ) получаютъ
52 №№ и 48 премій.

Въ числѣ которыхъ:

Акварельная картина „Въ Стѣнахъ кремля“, худ. В. В. Верещагина.

12 Повѣстей, рассказовъ и пьесъ для юнош., русскихъ и иностр. авторовъ, съ илл.

6 Книжекъ „Библиот. Историч. Очерковъ“, русскихъ авторовъ, съ иллюстр.

10 Вып. „Книги Знаменитыхъ дей“. Біографическіе рассказы для юношества Евг. Мюллера, съ илл. худ. Баяра.

12 Вып. Изданія „Вечера Княжны Джавахи“. Сказанія старой Барбалы, Л. А. Чарской, съ рис. худ. Гурьева, Каразина и др.

6 Вып. „Русскіе Самородки и Самоучки“. Біографическіе очер. и рассказы В. Русакова, съ портр.

6 Книжекъ „Библиот. Полезныхъ Свѣдѣній“ для юношества, съ илл.

Спутникъ школы. Календарь и записная книжка для учащихся на 1911--12 учебный годъ въ изящн. колленкор. переплетѣ.

и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться „Задушевное Воспитаніе“ и „Дѣтскія Моды“.

Подписная цѣна cadaго изданія „Задушевнаго Слова“, со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ **ШЕСТЬ руб.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по 2 р.

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться въ конторы „Задушевнаго Слова“, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

За годъ—6 рублей, разсрочка—по 2 рубля.

Объявленіе о продолженіи изданія при Кіевской д. Семинаріи журнала

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1911 подписномъ году.

Вступая при помощи Божіей въ 52 годъ своего существованія, журналъ и въ этомъ году останется неизмѣнно вѣрнымъ своей задачь—содѣйствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ святомъ и многотрудномъ служеніи. Осуществляя эту задачу, нашъ журналъ отведетъ на своихъ страницахъ широкое мѣсто статьямъ, по изъясненію Слова Божія, его проповѣданію и устроенію всей приходской жизни на основѣ Евангелія и церковныхъ каноновъ, а также статьямъ литургическаго и церковно-историческаго характера.

Въ виду нападокъ на Церковь Христову со стороны современныхъ невѣрія и отрицанія, иновѣрія и сектантства, а также въ виду широкаго распространенія въ русскомъ народѣ нравственной грубости и распущенности, журналъ займется посильнымъ освѣщеніемъ этихъ язвъ современной жизни и выясненіемъ средствъ исцѣленія ихъ, сообразныхъ съ духомъ Христовой вѣры. Точно также журналъ будетъ отзываться замѣтками и статьями о цѣлесообразной постановкѣ оживляющихъ приходскую жизнь организацій, каковы, напр., приходскіе совѣты, братства, общества трезвости, благотворительности и пр.

Предлагая свои страницы вѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями и опытомъ съ сопастырями, нашъ журналъ независимо отъ этого будетъ давать время отъ времени свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ, а также обзоръ церковно-общественной жизни и выдающихся событій приходской жизни Россіи. Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго Листка“. Кроме того въ 1911 г. Редакція дастъ подписчикамъ въ качествѣ бесплатнаго приложенія въ память исполнившагося еще въ 1908 г. столѣтія со дня смерти талантливаго и популярнаго духовнаго композитора А. Л. Веделя, изданіе его произведеній въ видѣ партитуры съ переложеніемъ для фортепіано подъ заглавіемъ: „Избранныя духовно-музыкальныя сочиненія А. Л. Веделя“, вып. 1 и 2.

Сверхъ этого подписчики 1911 г. могутъ выписывать изъ редакціи „Толковый Типиконъ“ М. Скабаллановича по уменьшенной цѣнѣ.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начаствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпускѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во все мѣста Россійской Имперіи ШЕСТЬ рублей, за границу 8 р.

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть отсрочена до сентября м. 1911 года.

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать 25 к.; можно марками.

Подписка принимается только на цѣлый годъ; на 1/2 г. или на 1 м. не принимается.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Открыта подписка на 1911 годъ

На литературный, научный, общественно-политическій журналъ

Годъ изданія
четвертый. „МІРЪ“ 8 р.
въ годъ.

Съ 1 января 1911 года журналъ „Міръ“, продолжая издаваться въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы, преобразовывается въ толстый ежемѣсячный журналъ, съ цѣлью болѣе основательной и широкой постановки всѣхъ отдѣловъ.

„Міръ“ является ежемѣсячнымъ журналомъ, знакомящимъ читателей со всѣми новѣйшими успѣхами и теченіями въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ и общественной жизни.

Главной своей задачей журналъ „Міръ“ ставитъ содѣйствіе читателямъ въ выработкѣ строгаго-научнаго міросозерцанія.

Обращая серьезное вниманіе на постановку научнаго отдѣла, совершенно отсутствующаго въ другихъ толстыхъ журналахъ, „Міръ“ не считаясь съ затратами, для удобства иллюстрированія статей рисунками и снимками издается въ большемъ форматѣ на дорогой бумагѣ.

Въ литературномъ отдѣлѣ „Міра“ помѣщаются романы, повѣсти и рассказы извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Какъ журналъ научный, „Міръ“ въ общественно-политическомъ отдѣлѣ, знакомя читателей съ фактами и событіями внутренней и иностранной жизни и давая матеріалъ для сознательнаго и критическаго къ нимъ отношенія, придерживается прогрессивно-объективнаго направленія.

Въ журналѣ помѣщаются портреты выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, а также репродукціи съ картинъ знаменитыхъ художниковъ.

Особый отдѣлъ отведетъ вопросамъ литературы и искусства, критики и библиографіи.

При журналѣ „Міръ“ есть справочное бюро, которымъ гг. подписчики могутъ бесплатно пользоваться. Особое вниманіе обращено редакціей на запросы читателей по части самообразованія (указанія и совѣты, что читать по тому или другому вопросу, справки и разъясненія затрудненій, встрѣчающихся при изученіи какой-либо науки).

Подписная цѣна на журналъ „Міръ“, съ доставкой и пересылкою: во всѣ мѣстности Россіи: на годъ 8 р. Допускается разсрочка подписной платы за „Міръ“ на 1911 годъ: при подпискѣ—4 р. и къ 1 іюня—4 р.; или при подпискѣ 2 р. и къ 1 марта, 1 іюня и 1 августа по 2 р. За границу 12 р.

Для гг. служащихъ въ правительственныхъ, общественныхъ и торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ черезъ гг. казначеевъ и дѣлопроизводителей дѣлается 10% скидки и допускается разсрочка платежа до 1 руб. въ мѣсяць.

Доставляющіе подписку книжные магазины, земеліе склады и управы, частныя и общественныя бібліотеки, газетныя бюро, агенты по приему подписки въ разныхъ учрежденіяхъ, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра при передачѣ сразу полной годовой платы.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ. Лиговская, 47.

Подробный проспектъ о журналѣ высылается безплатно.

Издатель В. Л. Богущевскій.

Редакторъ Л. Л. Богущевскій.

Открыта подписка на 1911 годъ.

На двухнедѣльный научно-популярный иллюстрированный журналъ

„ПОПУЛЯРНЫЯ ЗНАНІЯ“

Журналъ, идя на встрѣчу вполнѣ наарѣвшеі потребности во всѣхъ слояхъ русскаго общества въ популярно изложенныхъ знаніяхъ, дастъ на своихъ страницахъ рядъ законченныхъ и общедоступнымъ языкомъ изложенныхъ статей и очерковъ, посвященныхъ успѣхамъ науки, техники и промышленности, практич. вопросамъ и жизненнымъ формамъ систематическаго самообразованія.

Наибольшее вниманіе будетъ удѣлено новѣйшимъ успѣхамъ техники, волнующимъ все человѣчество, вопросамъ сельскаго хозяйства въ связи съ животноводствомъ, вопросамъ гигиены общественной и домашней, открытіямъ въ области медицины и др.

Въ каждомъ № журнала будетъ помѣщенъ „Отдѣлъ Справочный“, въ которомъ подписчики получаютъ отвѣты на интересующіе ихъ вопросы обиходной жизни.

При журналѣ будутъ даны 12 бесплатныхъ приложеній, въ видѣ книгъ, каждая не мѣнѣе 10 печат. листовъ большого формата. Каждая книга будетъ представлять собою вполнѣ законченное сочиненіе по данному вопросу и будетъ, по мѣрѣ надобности, богато иллюстрирована рисунками, чертежами и таблицами. Приложенія будутъ разсылаться ежемѣсячно при первомъ очер. номерѣ даннаго мѣсяца.

Въ видѣ приложеній будутъ даны слѣдующіе 12 книгъ:

- 1) Діета и столъ больного. D-г Штерибергъ. Пер. съ нѣм.
- 2) Желѣзо-бетонъ и его примѣненія. М. А. Морель. Перев. съ фран.
- 3) Химія сельскаго хозяйства. Вайанъ. (Vaillant). Перев. съ франц.
- 4) Педагогическія бесѣды. В. Джемсъ. Перев. съ англійскаго.
- 5) Игры дѣтей. Подвижныя и комнатныя. Составл. при содѣйствіи кружка педагоговъ.
- 6) Гигіена нервныхъ людей. D-г Levillain—Лэвилланъ. Перев. съ француз.
- 7) Искусственно выращив. растенія въ сельск. хозяйствѣ. Проф. Константанъ. Перев. съ франц.
- 8) Математика для всѣхъ. Общія основы математики.
- 9) Указатель фальсификацій. Дюфуръ. Перев. съ франц.
- 10) Чудеса жизни. Эрнстъ Геккель. Перев. съ нѣмецк.
- 11) Искусственное освѣщеніе, его исторія и современное состояніе.
- 11) Океанъ, его законы и загадки. I. Thoulet—Туле Н. Переводъ съ французскаго.

Всѣ годовыя подписч. получаютъ первыя три приложен. при первомъ № журнала.

Подписавшіеся до 1 декабря 1910 г. получаютъ особое бесплатное приложеніе: Проф. I. Ранке. **Физическія различія человѣческихъ расъ** (400 стр. и 148 рис.).

Пробный № выйдетъ 15 ноября и высылается за семикоп. марки. Подписка принимается въ конторѣ журнала С.-Петербургъ, Кузнечный 22/67 а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Россійской имперіи.

Подписной годъ съ 1 января.

Подписная цѣна на журналъ „Популярныя знанія“ съ приложеніями съ доставкой и пересылкой во всѣ города Имперіи на годъ 3 руб. 60 коп., за границу 6 рублей. Допускается разсрочка подписки помѣсячно безъ повышенія платы. Приложенія будутъ разсланы лишь годов. и полугод. подписчикамъ.

Проспекты высылаются бесплатно по первому требованію.

Редакторъ Л. Л. Мищенко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 годъ на ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЬ
„СТРАННИКЪ“

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Общедоступной Богословской Библіотеки
 И ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ НЕЙ.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1911 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служить въ теченіе полустолѣтія. При журналѣ въ качествѣ бесплатнаго приложенія издается „Общедоступная Богословская библіотека“ (издано уже 26 томовъ), имѣющая своею цѣлью сдѣлать вполнѣ доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы.

Въ 1911 году подписчикамъ будутъ даны три капитальныхъ сочиненія: I) „Православная Богословская Энциклопедія“, или Богословскій Энциклопедическій словарь, содержащій въ себѣ необходимыя для всякаго серьезно образованнаго человѣка свѣдѣнія по всемъ предметамъ богословаго и философаго знанія, томъ двѣнадцатый, въ который войдутъ слова на букву К и Л (съ картами и иллюстраціями). II. Толковая библія, съ иллюстраціями, или комментарій на всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго завѣта. Томъ восьмой, въ который войдетъ Толковое Евангеліе. Редакція приступила къ этому изданію въ той увѣренности, что она идетъ навстрѣчу самой настойчивой и насущной потребности нашего духовенства и всего общества. Дать пастырямъ церкви, какъ вообще любителямъ чтенія слова Божія, пособіе къ правильному пониманію Библии, оправданію и защитѣ истины отъ искаженія ея лжеучителями, а также и руководство къ уразумѣнію многихъ неясныхъ въ ней мѣстъ вотъ цѣль настоящаго изданія. Въ изданіи принимаютъ участіе профессора духовныхъ академій и другія вполнѣ компетентныя лица съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Изданіе встрѣчено такимъ сочувствіемъ, что первые томы уже всѣ разошлись и требуется 2-е изданіе ихъ. III. „Соціальное ученіе Христа“. Опытъ христіанской социологіи. S. Mathews'a. Давая этотъ трактатъ, редакція идетъ на встрѣчу тому всеобщему интересу, который обнаруживаетъ въ настоящее время русское общество въ отношеніи социализма и вообще социальныхъ вопросовъ.

Журналъ по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печ. листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ).

Цѣна: а) въ Россіи за журналъ „Странникъ“ съ приложеніемъ двухъ томовъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ и одного трактата восемь (8) рублей съ пересылкой, б) за границей 11 руб. съ пересылкой.

Примѣч. а) Въ отдѣльной продажѣ для неподписчиковъ цѣна „Богосл. Библіотеки“ 2 р. 50 к. за томъ, безъ перес., и 3 руб. съ перес. б) Желаящіе имѣть выпуски „Библіотеки“ въ изданіи англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по 50 коп. за выпускъ. в) Новые подписчики, желающіе получить уже вышедшіе 11 томовъ „Правосл. Богосл. Энциклопедіи“ и 7 томовъ „Толковой Библии“, прилагаютъ при выпискѣ всѣхъ по 1 руб. за томъ (въ перепл. по 1 руб. 50 коп.), а при выпискѣ на выборъ по 1 руб. 50 к. (въ перепл. по 2 руб.).

Адресоваться: Въ редакцію духовнаго журнала „Странникъ“ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. 182.

За Редактора С. Артемьевъ.

Издательница Р. А. Артемьева, урожд. Лоцухина.

„Душеполезное Чтеніе“

въ 1911 году

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

Съ 1911 года журналъ „Душеполезное Чтеніе“ вступаетъ, съ Божіей помощію, въ пятьдесятъ второй годъ своего изданія. Такое долговременное существованіе журнала рѣдко выпадаетъ на долю не только духовныхъ, но и свѣтскихъ журналовъ. Причина этого заключается столько же въ сочувствіи читающей публики, сколько и въ томъ, что журналъ не пзмѣнялъ однажды принятой Редакціей задачъ. Въ немъ, за время его полстолѣтняго существованія, кромѣ простыхъ, напечатано не мало научныхъ, серьезныхъ статей, которыя привлекали къ себѣ вниманіе многихъ лицъ, привыкшихъ къ научному и серьезному чтенію въ области богословія.

Въ журналъ постоянно затрогивались различные богословскіе вопросы и обсуждались разные предметы, которымъ, по возможности, давалось всестороннее освѣщеніе. При этомъ Редакція журнала никогда не считала своею обязанностію рабски слѣдовать „духу времени“, даже при самыхъ тяжелыхъ и неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Худо ли, хорошо ли,—но журналъ постоянно сохранялъ свою собственную физиономію, по которой его можно было отличить отъ десятковъ другихъ духовныхъ журналовъ, быть всегда самостоятельнымъ и самобытнымъ.

При такой постановкѣ дѣла журналъ за 51 годъ заслужилъ многочисленныя одобрительныя отзывы какъ со стороны духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Журналъ хорошо извѣстенъ и за границей и даже въ отдаленной отъ насъ Америкѣ онъ выписывается во многихъ экземплярахъ; присылаются требованія о высылкѣ его въ Китай и Японію, не говоря о многочисленныхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ очень распространены нашъ журналъ.

Изданіе журнала „Душеполезное Чтеніе“ въ 1911 году, пятьдесятъ второмъ году его существованія, будетъ продолжаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался при прежнихъ его редакторахъ: преосвященномъ Виссаріонѣ, епископѣ Костромскомъ и Галичскомъ, и прот. Д. Ѡ. Касицынѣ, и главная цѣль его будетъ та же, какая указана покойнымъ митрополитомъ Филаретомъ въ его донесеніи о журналѣ Святѣйшему Синоду,—„служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности назидательнаго и понятнаго духовнаго чтенія“.

Въ изданныхъ доселѣ 612 книгахъ „Душеполезнаго Чтенія“ уже имѣется твердое основаніе для сужденія о журналѣ и только для лицъ, незнакомыхъ съ нимъ, считаемъ необходимымъ присовокупить, что въ составъ журнала входятъ: 1) Труды, относящіяся къ изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ и православнаго Богослуженія. 2) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на современныя явленія въ общественной и частной жизни. 3) „Публичныя богословскія чтенія“. 4) Слова, поученія и вѣрбогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболее знаменитыхъ пастырей Церкви. 5) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ. 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго Феофана-Затворника, іеросхимонаха о. Амвросія Оптинскаго. 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 9) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 10) Новыя

данныя о расколѣ. 11) По возможности документальныя и въ то же время понятныя свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, много-различныхъ сектахъ съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ. 12) Литературное обозрѣніе. 13) Современная печать. 14) Критика. 15) Стихотворенія. 16) Повѣсти и рассказы. 17) Отклики на современность.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1911 года въ „Душеполезномъ Читеніи“ нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соответственными рисунками.

Въ 1911 году всѣ подписчики получаютъ бесплатное приложение:

Мысли на каждый день года (Январь—Июнь).

(Житія, размышленія, темы для проповѣдей, современность и проч.).

Сочиненіе Свящ. Н. Орлова.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 16—19 іюня 1898 года за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ „Душеполезное Читеніе“—одобрить, въ настоящемъ его видѣ, для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Годовая цѣна журнала за 12 книгъ четыре рубля съ пересылкой. За границу—пять рублей.

Адресъ: Москва. Въ редакцію журнала: „Душеполезное Читеніе“ при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Священникъ *Михаилъ Ошвейскій*.

Издательница *Ольга Касицына*.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1911 ГОДУ НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ:

„ТРОИЦКОЕ СЛОВО“.

(Второй годъ изданія).

Цѣна за 50 №№ въ годъ одинъ рубль съ пересылкою.

Изданіе это предпринято обителію преп. Сергія въ ознаменованіе исполнившагося 300-лѣтія освобожденія лавры отъ польско-литовской осады. Какъ живой памятникъ славныхъ подвиговъ великихъ борцовъ за св. Церковь Православную, за Самодержавнаго Царя и Святую Русь, въ тяжелую годину смутнаго времени, „Троицкое Слово“ продолжаетъ, по мѣрѣ силъ, святое служеніе троицкихъ иноковъ тѣмъ свѣтлымъ идеаламъ, за которые полагали души свои наши присноблаженные предки на зарѣ новой, Богомъ благословенной династіи славнаго Царственнаго Дома Романовыхъ. Отвѣчая на запросы современной духовной жизни, оно ставитъ своею задачею раскрывать въ сознаніи русскихъ людей и укрѣплять въ ихъ сердцахъ тѣ основныя начала православнаго міровозрѣнія, которыя легли въ основу нашей русской народной души. По своему содержанию, духу и направленію „Троицкое Слово“ представляетъ собою тоже, что и извѣстные „Троицкіе Листки“, и встрѣчено православными русскими людьми съ такимъ же чувствомъ благодарности и любовью. Редакторъ всѣхъ Троицкихъ изданій одинъ и тотъ же: и Троицкіе Листки, и Божія Нива съ ея Зернышками, и Троицкое Слово—всѣ выходятъ подъ редакціей нижеподписавшагося Епископа Никона.

Всѣ наши читатели составляютъ одну семью и приглашаются подписываться на оба журнала вмѣстѣ: Троицкое Слово и Божію Ниву съ приложеніемъ Зернышекъ. Подписная цѣна за оба изданія (50 №№ Троицкаго Слова, 12 №№ Божіей Нивы и 12 книжекъ Зернышекъ) два рубля съ пересылкою въ годъ. Отдѣльно каждое изданіе одинъ рубль въ годъ.

Адресъ общей ихъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Моск. губ.

Подписка принимается 1) въ Редакціи „Троицкаго Слова“ Сергіевъ посадъ, Моск. губ.; 2) въ Петербургѣ—въ часовнѣ Троицкаго подворья Фонтанка, 44, у Аничкина моста; 3) въ Вологдѣ, въ канцеляріи преосвященнаго.

На полгода и отдѣльные мѣсяцы подписка не принимается. Первый томъ ж. Тр. Слова высылается сброшюрованнымъ въ одну книгу за 1 р. 25 коп., въ папкѣ за 1 р. 50 коп. съ пересылкою. Всѣ письма и статьи, назначаемыя для „Троицкаго Слова“ высылаются по адресу редактора: Вологда, преосвященному Никону. Статьи и письма для „Божіей Нивы“ высылаются въ Сергіевъ Посадъ, Московск. губ. въ редакцію „Божіей Нивы“.

Редакторъ цензоръ НИКОНЪ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Отъ Редакціи „Троицкихъ Листковъ“.

Троицкіе Листки издаются собственно для бесплатной раздачи въ дни праздничные богомольцамъ изъ простаго народа, приходящимъ на поклоненіе Преп. Сергію. Но какъ многіе изъявляютъ желаніе имѣть ихъ въ полномъ составѣ всѣхъ вышедшихъ №№, то они имѣются и въ продажѣ, при чемъ сумма, выручаемая за нихъ, идетъ на изданіе тѣхъ же листковъ.

По 1 января 1911 года вышло всего 1315 №№ листковъ, въ которыхъ на 5158 страницахъ помѣщено болѣе 1700 статей, со множествомъ рисунковъ.

„Троицкіе Листки“ можно выписывать полнымъ наборомъ, для раздачи народу по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ при внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ. Цѣна полного набора листковъ 7 руб. съ пересылкою.

При требованіи листковъ отдѣльными частями цѣна ихъ за сотню безъ пересылки 45 коп., съ пересылкою 65 коп.

„Троицкіе Листки“ имѣются сброшюрованными въ отдѣльные выпуски по 40 №№ въ каждомъ. Всѣхъ выпусковъ 32 экз. Цѣна каждаго выпуска 30 коп. безъ пересылки, 40 коп. съ пересылкою. Выпуски можно выписывать для школьныхъ библіотекъ въ папкѣ. Цѣна 40 коп. безъ пересылки.

„Троицкіе Листки“ можно пріобрѣтать въ папкѣ сотнями (10 экз.), томами (6 томовъ—по 200 №№ въ каждомъ). Цѣна каждой сотни 85 к. съ пересылкою. Томы же въ папкѣ высылаются по 2 р.: въ каленкорѣ 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.

„Троицкіе Листки“ съ № 801 по 1000 содержатъ полное толкованіе на Евангеліе отъ Матѳея. Цѣна въ папкѣ 2 р., а въ каленкорѣ 2 р. 50 коп. съ пересылкою.

КАТАЛОГЪ другихъ Троицкихъ изданій высылается бесплатно.

Редакторъ-цензоръ Никонъ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., Редакція Троицкихъ Листковъ.

При каждомъ № „НИВЫ“ подписчики получаютъ по одной книгѣ, всего въ годъ 52 книги.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1911 годъ
 (42 годъ изданія)
 на еженедѣльный иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
 со многими приложеніями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1911 года:

52 №№ еженедѣльнаго художественно-литературнаго журнала „НИВА“: романы, повѣсти и рассказы; снимки съ картинъ, рисунки, фотоэтюды и иллюстраціи современныхъ событій.

52 книги, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ въ составъ которыхъ войдетъ:

12 книгъ ежемѣсячнаго журнала „Литературныя и популярно-научныя приложенія“: романы, повѣсти, рассказы, популярно-науч. и критич. статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

12 книгъ дополнительныя къ полному собранію сочиненій Ант. П. ЧЕХОВА.

То, что получаютъ наши подписчики на 1911 годъ, представляетъ большое литературное наслѣдіе:—болѣе трехсотъ рассказовъ Чехова, отдѣльно не изданныхъ и обнимающихъ собою значительный періодъ его творческой дѣятельности. Намъ удалось найти все это послѣ многихъ лѣтъ неустанныхъ тщательныхъ поисковъ, и подписчики „Нивы“ на 1911 годъ, прибавивъ ихъ къ „Собранію сочиненій Чехова“, данному „Нивой“ въ 1903 году, будутъ имѣть дѣйствительно „Полное собраніе сочиненій Чехова“.

20 книгъ остальныя полнаго собранія сочиненій А. Θ. Писемскаго.

Въ эту вторую часть „Полнаго собранія сочиненій А. Θ. Писемскаго“ войдутъ его знаменитые большіе романы: „Люди сороковыхъ годовъ“, „Въ водоворотѣ“, „Массоны“ и драматическія произведенія, среди которыхъ особенно извѣстны: „Горькая судьбина“, украшеніе и гордость русской сцены,—„Самоуправцы“, „Ваалъ“, „Финансовый геній“—и др.

Въ 8 книгахъ полное собраніе сочиненій Льва Алек. Мея.

Мей, давшій русской поэзіи „Царскую невѣсту“ и „Псковитянку“, давно уже поставленъ критикой рядомъ съ великими авторами „Бориса Годунова“ и „Смерти Іоанна Грознаго“. Знаніе народной русской жизни, сокровенныхъ ея началъ и завѣтныхъ вѣрованій народа ярко сказалось и въ его поэмахъ, былинахъ и пѣсняхъ, а также въ его повѣстяхъ и рассказахъ. Владѣя въ совершенствѣ стихомъ, Мей на ряду со своими оригинальными произведеніями создалъ на русскомъ языкѣ цѣлую переводную литературу лучшихъ образцовъ міровой поэзіи.

12 №№ „Парижскихъ модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на вопросы подписчиковъ.

12 листовъ рисунковъ (около 300) для рукодѣльн. и выпильной работъ и выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „Отрывной ежемѣсячный календарь“ на 1911 годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна „НИВЫ“ со всеми приложеніями на годъ: въ С.-Петербургѣ: безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкой 7 р. 50 к. Безъ доставки: 1) въ Москвѣ у Печковской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ. въ книжн. магаз. „Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою во все мѣста Россіи 8 р. За границу—12 р.

Подписчики, желающіе получить также первыя 18 книгъ Инсеемскаго 1910 г. доплачиваютъ: 1) Безъ доставки въ СІБ.—2 руб., въ Москвѣ и Одессѣ—2 р. 25 к.; 2) Съ дост. и перес. во все мѣста Россіи—2 р. 50 к.; 3) За границу 3 руб.

Подписчики, желающіе получить первыя 16 томовъ соч. Чехова 1903 г., доплачиваютъ: 1) Безъ доставки: въ СІБ.—4 руб., въ Москвѣ и Одессѣ—4 р. 25 к.; 2) Съ дост. и перес. во все мѣста Россіи—4 р. 50 к.; 3) За границу—5 руб.

Допускается разсрочка платежа за „Ниву“ и за книги соч. Чехова 1903 г. и Инсеемскаго 1910 г.—въ 2, 3 и 4 срока.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета

1911 года.

Въ Ученыхъ Запискахъ заключаются: I. Отдѣлъ Наукъ. II. Отдѣлъ критики и библіографіи. III. Университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей, памятники историческіе и литературные, съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извѣщеній изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями съ пересылкою 7 р. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ А. Пionтковскій.

У члена Государственной Думы Саввы Богдановича

Продаются 50 его противосектантскихъ, противокатолическихъ и противоиудейскихъ брошюръ, которыя одобрены Всероссийскимъ Кіевскимъ Миссіонерскимъ Съездомъ, Свят. Синодомъ и за которыя 29-го мая 1909 годъ авторъ ихъ удостоенъ Высочайшей благодарности.

Цѣна этихъ брошюръ съ пересылкой 5 рублей. За сто брошюръ, считая по двѣ каждаго названія, 9 рублей. Выписывающимъ десять полныхъ экземпляровъ дѣлается 20% уступки и 25% за большее количество.

Адресъ: Буки, Кіевской губерніи, или Государственная Дума:
о. Саввѣ Богдановичу.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?—В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Статьи объ антихриствѣ“. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руѣвъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философвъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминонъ.